

Нежинский государственный университет
имени Николая Гоголя

Г. В. Самойленко

**ХРОНИКА НАПИСАНИЯ
ВТОРОГО ТОМА "МЕРТВЫХ ДУШ"
Н.ГОГОЛЯ**

Нежин
2012

УДК 821.161.09.Гоголь
ББК 91.9.83.3(4Рос)+83.3(4Рос)
С17

Рекомендовано Ученым советом
Нежинского государственного университета имени Николая Гоголя
(НГУ им. Н. Гоголя)
Протокол № 6 от 26.01.2012 г.

Рецензенты:

Михед П. В. – доктор филологических наук, проф. ;
Киченко А. С. – доктор филологических наук, проф. ;
Кириллюк З. В. – доктор филологических наук, проф.

Самойленко Г. В.

С17 Хроника написания второго тома "Мертвых душ" Н.Гоголя /
Г. В. Самойленко. – Нежин : НГУ им. Н. Гоголя, 2012. – 161 с.
ISBN 978-617-527-034-9

В книге впервые в хронологической последовательности на документальном материале воссоздана история написания второго тома "Мертвых душ" Н.Гоголя.

УДК 821.161.09.Гоголь
ББК 91.9.83.3(4Рос)+83.3(4Рос)

ISBN 978-617-527-034-9

© Г. В. Самойленко, 2012
© НГУ им. Н. Гоголя, 2012

Н.В.Тоголь читает "Мертвые души"
Художник Э.Мамонов, 1839

Интерес к написанию второго тома "Мертвых душ" у друзей и знакомых Гоголя был огромен. После выхода первого тома писатель жил его продолжением, рождал его в муках в минуты душевного напряжения и вдохновения, держа все это в большой тайне, открывая лишь отдельные страницы небольшому кругу людей, так как хотел проверить себя, по правильному ли пути он идет. И тогда Гоголь устраивал читки у близких ему друзей – Смирновой, Аксаковых, Шевырева. Именно они и некоторые близкие к этому кругу люди после ухода из жизни Гоголя стали информаторами содержания недостающих сцен в сохранившихся главах поэмы.

Не менее активным был интерес и общественности к главам второго тома "Мертвых душ", когда после смерти писателя предпринимались усилия к их изданию, но по вине цензуры более двух лет этот процесс задерживался.

Первые статьи о втором томе появились после его публикации в 1855 г. Интерес к произведению возникал в общественности и исследователей и в последующие годы в силу разных причин: публикации так называемых "новых" глав второго тома, юбилейные гоголевские даты, подготовка к печати академического издания полного собрания сочинений Гоголя.

Второму тому уделяли внимание гоголеведы В.Гиппиус, К.Мочульский, М.Храпченко, Ю.Манн, А.Гольденберг, М.Вайскопф, Е.Смирнова-Чикина, В.Воропаев, С.Гончаров, И.Виноградов, Н.Сквира и другие, в трудах которых довольно полно раскрыт художественный мир второго тома "Мертвых душ", переосмыслены некоторые устоявшиеся интерпретации текста, ход развития действия, религиозные мотивы, язык произведения и т.п. (Самойленко, 2009).

"Если совершу это творение так, как нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжет! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится в нем! <...> Огромно велико мое творение, и не скоро конец его..." [ПСС, т. XI, с. 73–74]. "Вещь, над которой сижу и тружусь теперь и которую долго обдумывал, и которую долго еще буду обдумывать, не похожа ни на повесть, ни на роман, длинная, длинная в несколько томов, название ей Мертвые души" (ПСС, т. XI, с. 77).

Эти два отрывка из писем Гоголя к В.Жуковскому и М.Погодину 1836 г. указывают на цельность творческого замысла поэмы и на сложность его осуществления. Гоголь мечтал создать яркое,

многоплановое и многообразное произведение. В письме к М.Погодину он заявлял, что первый том – это "только крыльцо к тому дворцу, который во мне строится". Масштабность этого произведения должна была проявиться в двух частях, написанных дополнительно к первому тому. Гоголь возлагал на произведение большие надежды. В письме к М.Погодину от 17 марта 1842 г. писатель с восхищением писал о замысле произведения: "Он важен и велик, и вы не судите о нем по той части, которая готовится теперь предстать на свет..." (ПСС, т. XII, с. 46).

Но если первая часть поэмы, вышедшая 1842 г., принесла Гоголю славу как критика самодержавно-крепостнического строя с ее живыми мертвыми душами, то, как показывает творческая судьба писателя, Гоголь мучительно трудно работал над продолжением поэмы, в частности, главами ее второго тома, дойдя только мысленно до третьей части, внося в них то новое, что появлялось в процессе работы. На вопрос: "Ты спрашиваешь, пишутся ли "Мертвые души"? – Гоголь отвечал Н.Языкову 14 июля 1844 года: "И пишутся и не пишутся. Пишутся слишком медленно и совсем не так, как бы хотел, и препятствия этому часто приходят и от болезни, а еще чаще от меня самого. На каждом шагу и на каждой строчке ощущается такая потребность поумнеть и притом так самый предмет и дело связано с моим собственным внутренним воспитанием, что никак не в силах я писать мимо меня самого, а должен ожидать себя. Я иду вперед – идет и сочинение: я оставил – не идет и сочинение" (ПСС, т. XII, с. 331). Во многих письмах Гоголь заявлял, что он не знает по-настоящему России и русского человека.

В письмах к Аркадию Россету он признавался: "Скажу вам не шутя, что я болею незнанием многих вещей в России, которые мне необходимо нужно знать. Я болен незнанием, что такое нынешний русский человек на разных степенях своих мест, должностей, образований. Все сведения, которые я приобрел доселе с невероятным трудом, мне недостаточны для того, чтобы "Мертвые души" мои были тем, чем им следует быть" (ПСС, т. XIII, с. 278–279).

Гоголь обращался к знакомым, друзьям дать те или другие сведения. Он сам упорно и настойчиво изучал различный материал, в том числе о лесах, породах деревьев, о Сибири, куда писатель должен был отправить одного из героев поэмы, проблемах воспитания, о людях различных общественных и социальных слоев, имевших в себе положительные качества и т.п.

Во втором томе Гоголь поставил перед собой цель изобразить положительных героев, показать изменения некоторых прежних персонажей, раскрыть благословенный мир, который способствует положительному проявлению русского духа. В письме к Маркову Гоголь сообщал: "Что же касается до II тома "М.Д.", то я не имел в виду собственно героя добродетелей. Напротив, почти все действующие лица могут назваться героями недостатков. Дело только в том, что характеры значительнее прежних и что намеренье автора было войти здесь глубже в высшее значение жизни, нами опошленной, обнаружив видней русского человека не с одной какой-либо стороны" (ПСС, т. XIV, с. 152).

Стремление Гоголя создать образ идеального героя привело к разочарованию, и писатель сжигает текст поэмы сначала в 1843 г., от которой осталась только одна глава, а затем в 1845 г. главы второго тома "Мертвых душ", от которых остались лишь неполные I–IV главы. "Бывает время, – говорил Гоголь, – что даже вовсе не следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно, как день, путей и дорог к нему для всякого. Последнее обстоятельство было мало и слабо развито во втором томе "Мертвых душ", а оно должно быть едва ли не главным, а потому он и сожжен" (ПСС, т. XIII, с. 298).

Как сознавался Гоголь, это был период сложных поисков и терзаний: "Я мучил себя, насиловал писать, страдал тяжким страданием, видя бессилие свое, и несколько раз уже причинял себе болезнь таким принуждением и ничего не мог сделать, и все выходило принужденно и дурно" (ПСС, т. XII, с. 471).

После сожжения "ее содержание вдруг воскреснуло в очищенном и светлом виде, подобно фениксу из костра" (ПСС, т. XIII, с. 297), – заявил Гоголь в письме к А.О.Смирновой, подчеркивая, что "тайна "Мертвых душ" должна будет вдруг, к изумлению всех, раскрыться в последующих томах" (ПСС, т. XII, с. 304).

В 1847 г. Гоголь издал книгу "Выбранные места из переписки с друзьями" и хотел ею проверить свою концепцию видения изображения положительного героя, удостовериться в правильности своих взглядов на волновавшие его вопросы. Гоголь признавался: "Без этой книги не пощупать бы мне ни самого себя, ни людей и не пополнить бы никогда всех тех сведений даже в психологическом отношении, которые мне необходимы для "Мертвых душ" (ПСС, т. XIII, с. 378).

Е.Смирнова-Чикина, которая исследовала второй том "Мертвых душ", указывала на то, что в поэме некоторые социальные

моменты совпадали с "Выбранными местами из переписки с друзьями", в частности, глава "Русский мужик". Исследовательница указывала на тождественность "русского помещика" и Костанжогло. "Его отношение к "мужикам", воспитание в труде, презрение к богатству и стремление разбогатеть соответствовало совету "русскому помещику": "сожги перед ними (мужиками – Г.С.) ассигнации"; изображение жизни крестьян, разбогатевших от обращения к "христианской жизни", при которой "мужики лопатами гребут серебро" (ПСС, т. VIII, с. 327) (ср. во втором томе: в имени Костанжогло "именно живут те мужики, которые гребут, как поется в песне, "серебро лопатой" (ПСС, т. VII, с. 58); отрицание пользы грамотности для народа ("учить мужика грамоте... есть действительно вздор" (глава "Русский помещик"); и речи Костанжогло против "просвещения мужика" (Т. VII, с. 68)); обогачение самого помещика как результат "христианской жизни" (обещание "русскому помещику": "разбогатеешь ты как Крез, как уже разбогател Костанжогло)... в "Мертвых душах" Гоголь показывал уже результаты хозяйствования Костанжогло..." (ГШ, с. 413).

Однако появление "Выбранных мест" и бурное их обсуждение представителями разных общественных групп и течений, резкая их оценка заставили Гоголя вносить в уже выработанную методологическую и образную системы второго тома корректировку, а также отказаться от того, что было наработано, но не принято читателями "Выбранных мест".

В "Выбранных местах" были намечены темы, которые писатель хотел раскрыть в художественной форме второго и третьего томов "Мертвых душ". Гоголь понимал, что в его произведении должны присутствовать идеи, которые волновали современное ему русское общество. В письме к С.Шевыреву от 27 мая 1847 г. он подтвердил эту мысль: "Поверь, что какое ни выпусти художественное произведение, оно не возымеет теперь влияния, если нет в нем именно тех вопросов, около которых ворочается нынешнее общество, и если в нем не выставлены те люди, которые нам нужны теперь и в нынешнее время" (ПСС, т. XIII, с. 293).

Для Гоголя это очень важное признание, ибо он понимал, что его новое произведение со старым началом должно быть "верным зеркалом, а не карикатурой", ибо писатель мечтал "воспроизвести живых людей, взятых из того же тела, из которого и мы", и носящих положительные качества.

Летом 1848 г. Гоголь начал ездить по усадьбах и знакомить друзей с первыми главами второго тома "Мертвых душ". Писатель

ожил, насытился впечатлениями от поездок, встреч с людьми и продолжил работу над написанием "Мертвых душ". Первые чтения состоялись в семье А.О.Смирновой в Калуге. Ее воспоминания, а также ее брата Л.И.Арнольди дают возможность воссоздать атмосферу этого чтения, а также воскресить содержание прочитанных глав, судьбу Костанжогло, Муразова и других персонажей. В одном из писем А.Смирнова сообщала: "Как жаль, что вы так мало пишете о Тентетникове, меня они все очень интересуют. И часто я думаю о Костанжогло и Муразове. Улиньку немного сведите с идеала и дайте работу жене Костанжогло. Она уже слишком жалка. А впрочем все хорошо" (ПССП, т. XV, с. 255). И Гоголь прислушался к совету А.Смирновой. В последующих редакциях глав жена Костанжогло занимается воспитанием дочери, а также хозяйством, лечит крестьян. Упрощен был также текст, который касался Улиньки.

Гоголь очень много трудился над новыми главами, переделывал их до неузнаваемости. У слушателей вызвал положительные эмоции образ Тентетникова. Ему придавал особое значение и сам автор, ибо в нем он попытался воплотить правдивый образ людей 40-х годов XIX века. Участие Тентетникова в кружке "огорченных людей" давало Гоголю возможность указать и на молодежное движение 30–40-х годов, на Герцена и Огарева, Белинского. Но первоначально писатель использует Тентетникова для пропаганды своих идей, которые он высказал в "Выбранных местах", а затем попытался его вовлечь в общественное движение, показать его пропагандистом патриотических идей, за что его сошлют в Сибирь, куда последует за ним и Улинька. Какова же линия нашла воплощение в окончательном варианте текста второго тома, сказать трудно, так как он был уничтожен автором. Хотя размышления Гоголя о молодом герое интересны и заслуживают более глубокого осмысления.

Воспоминания современников Гоголя о чтении автором глав второго тома "Мертвых душ" дают возможность не только ознакомиться с их содержанием, но и убедиться в том, что писатель не просто переделывал, а подвергал конструированию текста по-новому, что приводило к удалению готовых уже кусков текста с яркими образами. Об этом свидетельствует А.Смирнова, Л.Арнольди и др.

Чтение одних и тех же глав до и после их переделки текстов дает возможность определить изменения, которым подвергались главы поэмы. "Он начал читать нам сначала ту первую главу второго тома, – вспоминал Л.Арнольди, – которая вышла в свет

после его смерти уже. Сколько мне помнится, она начиналась иначе и, вообще, была лучше обработана, хотя содержание было то же. Хохотом генерала Бетрищева начиналась эта глава, а за нею следовала другая, в которой описан весь день в генеральском доме" (РВ, 1862). Как указывают слушатели, в главе, кроме Тентетникова, Бетрищева, Улиньки, были также француз Экспантон, гувернантка-англичанка.

Эти наблюдения Л.Арнольди дополняет А.Смирнова: "В дальнейшем развитии поэмы недостает описания деревни Вороного-Дрянного, из которой Чичиков переезжает к Костанжогло. Потом нет ни слова об имени Чагранова, управляемом молодым человеком, недавно выпущенным из университета. Тут Платонов, спутник Чичикова, ко всему равнодушный, заглядывается на портрет, а потом они встречаются у брата генерала Бетрищева, живой подлинник этого портрета и начинается роман, из которого Чичиков, как из всех других обстоятельств, каковы б они ни были, извлекает свои выгоды (Гиппиус, 1931).

Подобные заявления будут встречаться часто в воспоминаниях об этом периоде жизни и творчестве Гоголя. На это будут указывать Сергей и Константин Аксаковы, С.Шевырев, П.Плетнев и др., в которых часто бывал писатель и знакомил их с новыми главами "Мертвых душ".

Гоголь пытался донести до сознания своих знакомых, что работа идет успешно. В начале января 1850 г. он вновь читал 1-ю главу в доме С.Аксакова, который затем отметил, что "глава показалась нам еще лучше и как будто написана вновь". А когда Гоголь в скором времени прочитал вторую главу, то слушавший ее тот же С.Аксаков сказал: "Вторая глава несравненно выше и глубже первой. Раза три я не мог удержаться от слез" (Аксакова, 1890).

Е.Смирнова-Чикина, сопоставляя в хронологической последовательности чтение глав Гоголем и воспоминания слушавших, утверждает, что "точное содержание третьей и четвертой глав, читанных Аксаковым, неизвестно, как неизвестно и чем они кончались. Можно думать, что композиция второго тома в 1843–1850 гг. отличалась от сохранившейся редакции I–IV глав: никто из слушавших не называет ни Петуха, ни Кошкарева; о Костанжогло слышала одна Смирнова, причем о нем рассказывалось после глав с Тентетниковым, Чагравиными, Платоновым, Вороным-Дрянным. Вероятнее всего, что Аксаковы весной 1850 г. не слыхали о Костанжогло" (ГШ, с. 426).

Современники, которым показывал или читал Гоголь главы второго тома, свидетельствуют, что встречались в них, например, священник, похожий на протоиерея Матвея Константиновского, идеальный губернатор и др. Изображая помещика, Гоголь видел в нем не только эксплуататора, обеспокоенного, как больше содрать денег с крестьян для обогащения, но и дворянина, который помнит о высоких нравственных принципах и которые уходили из их жизни. Поэтому Гоголь и пытался показать, каким же должен быть дворянин-помещик, опираясь на свое понимание этого образа. "Дворянство должно быть сосудом и хранителем высоко нравственного чувства всей нации, рыцарями чести и добра", – говорил Гоголь (ПСС, т. VIII, с. 493).

Конечно эта идеализация отвергалась конкретной жизнью, на что указывал В.Белинский, критикуя "Выбранные места из переписки с друзьями".

В.С.Аксакова указывала, что в четвертой главе, которую читал в их доме 25 июня 1851 г. Гоголь, присутствуют представители высших кругов общества, таких, как "петербургский аристократ" Чагравиных, его жена, бывшая фрейлина царского двора и др.

С.Шевырев, которому в 1851 г. Гоголь читал все семь глав, не помнит среди персонажей Костанжогло. Тогда возникает все же вопрос, а все ли главы читал Гоголь С.Шевыреву? Е.Смирнова-Чикина, анализируя примечания С.Шевырева к первой публикации рукописей глав и вариантов к ним, приходит к выводу, что не со всеми главами второго тома "Мертвых душ" он был знаком.

Неужели с таким интересным образом, как Костанжогло, мог расстаться Гоголь? Е.Смирнова-Чикина исчезновение Костанжогло из глав второго тома объясняет тем, что Гоголь прислушался к критике этого образа и убрал его совсем. Но трудно в это поверить, хотя сложно и подтвердить его наличие в окончательном варианте поэмы.

Гоголь настойчиво работал над произведением, намереваясь в ближайшее время издать весь второй том "Мертвых душ".

Важнейшей особенностью работы Гоголя над вторым томом "Мертвых душ" было чтение глав избранным и близким людям. Гоголь пытался выявить реакцию на прочитанное, узнать, что нравилось и что подвергалось критике. Чем больше было критики, тем Гоголь больше был доволен. Иногда на критику Гоголь не реагировал. Радовался, когда его мнение и замечания критика совпадали.

Здесь же следует отметить еще одну черту работы Гоголя над "Мертвыми душами". Писатель не только дорабатывал те или иные образы, исправляя текст, но и переписывал его, в процессе чего образ часто изменялся до неузнаваемости. М.Погодин считал это недостатком. "Ты напишешь другое, а за что же мы потеряли этого?" (ПСС, т. XIV, с. 284), – спрашивал он Гоголя.

Летом 1851 г. Гоголь завершил работу и переписал сам все тетрадки. Врач Алексей Тарасенков, который в последние годы посещал Гоголя, в своих записках отметил: "Он не отдавал своих сочинений для переписки в руки других; да и невозможно было бы писцу разобрать его рукописи по причине огромного числа перемарок. Впрочем, Гоголь любил сам переписывать, и переписывание так занимало его, что он иногда переписывал и то, что можно было иметь печатное. У него были целые тетради (в восьмушку почтовой бумаги), где его рукой каллиграфически были написаны большие выдержки из разных сочинений..." (ГВС, с. 7). Однако А.Тарасенков все же допускает неточность: Гоголь прибегал к переписыванию текста другими лицами, на что указывают П.Анненков, С.Шевырев и др. Так, в мае–июне 1841 г. П.Анненков под диктовку Гоголя переписывал в Риме шесть глав первого тома "Мертвых душ". А в конце октября – начале ноября 1841 г. в Москве Гоголь посылает К.Аксакову тетради – окончание 6-й и начало 7-й главы "Мертвых душ" для переписки. В это же время спрашивает С.Аксакова, нельзя ли взять у переписчика Крузе чистую бумагу для другого переписчика. Переписчиком последних 8 глав, цензурного варианта "Мертвых душ", а также второй редакции повести "Тарас Бульба" была сестра Гоголя Елизавета Васильевна. К переписчикам мог обращаться писатель и когда трудился над вторым томом.

1851 г. в истории написания второго тома "Мертвых душ" был самым ярким. Проживая на даче у С.Шевырева, Гоголь настойчиво работал над произведением. Степан Петрович поселил писателя в флигеле, запретил всем дворовым ходить возле него без надобности. "Шевырев ходил к нему, – вспоминал Н.В.Берг, который жил в это время у него, – и они вместе читали и перечитывали написанное. Это делалось с такою таинственностью, что можно было подумать, что во флигеле, под сенью старых сосен, сходятся заговорщики и варят всякие зелья революции. Шевырев говорил мне, будто бы написанное несравненно выше первого тома" (РС, 1872, с. 125).

Гоголь прочитал С.Шевыреву на этот раз 7 глав. И это, наверное, единственный человек, который был ознакомлен с таким количеством текста. "Из второго тома Гоголь читал мне летом, живучи у меня на даче около Москвы, семь глав. Он читал их, можно сказать, наизусть по написанной канве, содержа окончательную отделку в голове своей", – сообщал С.П.Шевырев (РС, 1902).

Однако сам Гоголь утаивал этот факт чтения. В письме к С.Шевыреву он писал: "Убедительно прошу тебя не сказывать никому о прочитанном, ни даже называть мелких сцен и лиц героев. Случились истории. Очень рад, что две последние главы, кроме тебя, никому не известны. Ради бога никому" (ПСС, т. XIV, с. 241).

Есть и другие свидетельства, в частности Л.Арнольди, что Гоголь к концу 1851 г. закончил второй том "Мертвых душ". Постепенно сложился сюжет произведения, введены были основные герои. К сожалению, трудно сказать, кто из персонажей, упоминаемых в сохранившихся рукописных материалах второго тома и в воспоминаниях мемуаристов, остался. "Некоторые известны только по именам, другие существуют только в одной редакции, третьи проходят по всем от начала 40-х годов до 1851 г., изменяясь в своем социальном и психологическом содержании согласно изменениям воззрений Гоголя в разные эпохи работы над "Мертвыми душами". Ничего не известно о брате генерала Бетрищева, о штабс-капитане Ильине, о Вороном-Дрянном, о Никите, о Чагравине, об окончившем университет управляющем имением, о ханже Бурмилове, об англичанке-воспитательнице Улиньки, об испанце Кситендоне или Экспантоне, неясны образы Леницына и его жены, купца-банкрота Ивана Потапыча; едва намечен образ идеального чиновника особых поручений при генерал-губернаторе и др." (ГШ, с. 439). О них, очевидно, можно было бы узнать из окончательного варианта второго тома. Но случилось непредвиденное.

В 1852 г. Гоголь заболел, все его мысли были о скорой кончине. Он готовился к ней. Незадолго до смерти Гоголя к нему заглянул граф А.П.Толстой, в доме которого жил писатель. Тот попросил графа: "Пожалуйста, возьми эти тетради и спрячь их. На меня находят часы, когда все это хочется сжечь. Но мне самому было бы жаль. Тут, кажется, есть кое-что хорошее". Граф Толстой из ложной деликатности не согласился... он знал, что Гоголь предастся мрачным мыслям о смерти и т.п., и ему не хотелось

исполнением просьбы его как бы подтвердить его ипохондрические опасения.

Спустя три дня граф опять пришел к Гоголю и застал его грустным. "А вот, – сказал ему Гоголь, – ведь лукавый меня таки попутал: я сжег "Мертвые души". Он не раз говорил, что ему представлялось какое-то видение. Дня за три до кончины он был уверен в своей скорой смерти" (ГВС, 1952, с. 750).

Действительно, в ночь с 23 на 24 февраля 1852 г. Гоголь сжег рукопись второго тома "Мертвых душ". Он сожалел об этом поступке, но ничего уже нельзя было сделать. Рукопись сгорела. А 4 марта 1852 г. умер и Н.Гоголь.

После смерти писателя С.П.Шевырев, пересматривая бумаги Гоголя, обнаружил 5 глав второго тома "Мертвых душ", а также отдельные отрывки различных вариантов. Все они ныне хранятся в Российской государственной библиотеке в Москве.

А был ли вообще второй том? Что сжег Гоголь, неизвестно. Читал он лишь первые главы. Думается, что если бы полный текст поэмы был в наличии, то Гоголь не выдержал бы и кому-нибудь из знакомых все же показал или прочитал. Можно допустить, что уничтоженные тетради – это были первые главы, переписанные начисто и, как утверждают многие ученые и заявляет сам писатель, сжег он их действительно случайно.

Существуют самые различные легенды о втором томе "Мертвых душ". Е.Смирнова-Чикина считает, что рукопись второго тома была спрятана реакционерами, которые окружали писателя, ибо она была написана после критики В.Белинского в "прогрессивном духе" (Окт., 1959).

Норвежский литературовед Гейр Хетсо выдвинул другую версию сокрытия рукописи. Он считает, что действительно сам Гоголь способствовал тому, чтобы она была на время спрятана у близких Гоголю людей: у митрополита Филарета, у наследника престола Александра Николаевича, Толстого, который после смерти писателя имел доступ к его бумагам. Литературовед возлагает надежду на то, что рукопись еще найдется, что она жива и что ее еще обнаружат (Хетсо, 1989).

Все эти версии остаются лишь желанием и воображением самих исследователей Гоголя. Хотя появление отдельных списков глав второго тома "Мертвых душ" в последнее время дает право на существование этих легенд.

Проникать в творческий мир гоголевского текста, выявлять ход развития мысли, связанный с "Мертвыми душами", начиная в 1835 г.

и появления первого тома, а затем утверждения идеи создать еще две части, наподобие "Божественной комедии" Данте, это ответственная задача всех, кто берется за анализ поэмы. Помочь новому поколению исследователей глубже осмыслить сам процесс ее написания, узнать ее историю создания, увидеть круг лиц, втянутых в гоголевскую творческую атмосферу, понять само состояние Гоголя во время работы над произведением поможет Хроника, предложенная нами читателю, которая составлена на основании источников, перечисленных в конце книги.

Дек<абря> 28 <н.ст. 1840>. Рим.

"Я теперь готовлю к совершенной очистке первый том "Мертвых душ". Переменяю, перечисляю, многое перерабатываю вовсе и вижу, что их печатание не может обойтись без моего присутствия. Между тем дальнейшее продолжение его выясняется в голове моей чище, величественней, и теперь я вижу, что может быть со временем кое-что колоссальное, если только позволят слабые мои силы. По крайней мере, верно, немногие знают, на какие сильные мысли и глубокие явления может навести незначительный сюжет, которого первые, невинные и скромные главы вы уже знаете" (Гоголь – С.Т.Аксакову).

ПСС, т. XI, с. 322–323.

Декабря 28 <н.ст. 1840>. Рим.

"Чувствую даже свежесть, занимаюсь переправками, выправками и даже продолжением Мертвых душ, вижу, что предмет становится глубже и глубже. Даже собираюсь в наступающем году печатать первый том... Если только мое свежее состояние продолжится до весны или лета, то может быть, мне удастся еще приготовить что-нибудь к печати, кроме первого тома Мерт<вых> д<уш>" (Гоголь – М.П.Погодину).

ПСС, т. XI, с. 325.

Марта 5 <ст.ст. 1841>. Рим.

"Несмотря на мое болезненное состояние, которое опять немного увеличилось, я слышу и знаю дивные минуты. Создание чудное творится и совершается в душе моей, и благодарными

слезами не раз теперь полны глаза мои. Здесь явно видна мне святая воля Бога: подобное внушение не происходит от человека; никогда не выдумать ему такого сюжета! О, если бы еще три года с такими свежими минутами! Столько жизни прошу, сколько нужно для окончания труда моего; больше ни часу мне не нужно. Теперь мне нужны необходимо дорога и путешествие: они одни, как я уже говорю, восстанавливают меня" (Гоголь – С.Т.Аксакову).

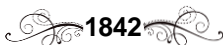
ПСС, т. XI, с. 330.

<1841>.

"И долго еще определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями" в ожидании, "когда иным ключом грозная вьюга вдохновенья подымет" из его "главы".

"Но ... может быть сей же самой повести почуются иные, еще доселе небранные струны"; "как предстанут колоссальные образы, как двинутся сокровенные рычаги широкой повести, раздастся далече ее горизонты"; "и может быть, в сем же самом Чичикове страсть его влекуща уже не от него"; "предстанет несметное богатство русского духа, пройдет муж, одаренный божественными доблестями, или чудная русская девица" и повесть "примет величавое лирическое течение" (Из лирического отступления VII и XI глав).

ПСС, т. VI, с. 223, 241, 242.

Марта 17. <1842>. Москва.

"Ничем другим не в силах я заняться теперь, кроме одного постоянного труда моего. Он важен и велик, и вы не судите о нем по той части, которая готовится теперь предстать на свет (если только будет конец ее непостижимому странствию по цензурам). Это больше ничего, как только крыльцо к тому дворцу, который во мне строится" (Гоголь – П.А.Плетневу).

ПСС, т. XII, с. 46.

<Мая 9. 1842. Москва>.

"Через неделю после этого письма ты получишь отпечатанные "Мертвые души" преддверие немного бледное той великой поэмы, которая строится во мне и разрешит, наконец, загадку моего существования" (Гоголь – А.С.Данилевскому).

ПСС, т. XII, с. 58.

Мая 21. 1842.

"У нас было довольно гостей, и все обедали в саду. Были Погодин и Шевырев. Это был в то же время прощальный обед с Гоголем. Здесь он в третий раз обещал, что через два года будет готов второй том "Мертвых душ", но приехать для его напечатанья уже не обещал" (С.Т.Аксаков).

Аксаков С., 1960, с. 66.

<Июня начало. 1842>.

"Удалясь из России, Гоголь был полон думами о России. Еще не добравшись до своего "тихого угла" в Риме, он уже просил материалов для продолжения своей работы. Очень любопытно знать, в каких пособиях нуждался Гоголь для создания в уме своем второго тома "Мертвых душ" (П.Кулиш).

Кулиш, 1856, т. 1, с. 306.

Июня 6. 1842.

"Еще скажи мне, написаны ли уже другие две части "Мертвых душ" и скоро ли мы можем надеяться прочесть их? Что будет в них, как выше всякого выражения будет то удовольствие, которое обещает он нам! Как велики должны быть наши надежды, когда он сам объявляет, что "явятся чудные образы, и все повергнется в прах" (М.Г.Карташевская – В.С.Аксаковой).

ПСС, т. XII, с. 93.

Июня 18.1842. Гаверилково.

"Написана ли вторая часть "Мертвых душ" – этого никто не знает, т.е. что она у него является уже ясною в голове, это он сам говорит; но он был даже недоволен, когда спросили его, написал ли он вторую часть, недоволен потому, что это не может делаться так скоро. Прежде еще он говорил отесеньке, что он до сих пор не начинает писать и описывать какое-нибудь лицо, пока оно совершенно ясно, отчетливо с ног до головы, не явится перед ним..." (В.С.Аксакова – М.Г.Карташевской).

ЛН, 58, 628.

Июня 21.1842. Гаверилково.

"Ты меня спрашивала, когда явится второй том. Вот, что сказал Гоголь сам: что ровно через два года выйдет другой – может, и еще гораздо более объемом этого, но печатать он не

будет сам, а хотел прислать отесеньке. Но два года, не правда ли, это слишком долго ждать!.." (В.С.Аксакова – М.Г.Карташевской).

ЛН, т. 58, с. 630.

Июня 26 <н.ст. 1842>. Берлин.

"Посылаю вам Мертвые души. Это первая часть... Я переделал ее много с того времени, как читал вам первые главы, но все, однако же, не могу не видеть ее малозначительности в сравнении с другими, имеющими последовать ей частями. Она в отношении к ним всё мне кажется похожею на приделанное губернским архитектором наскоро крыльцо к дворцу, который задуман строиться в колоссальных размерах..." (Гоголь – В.А.Жуковскому).

ПСС, т. XII, с. 69–70.

Июля 3. 1842. Гаврилково.

"Прочту ли я остальные части "Чичикова"? Доживу ли я до этого счастья? Кроме моего семейства, у меня нет другого, столь высокого интереса в остальном течении моей жизни, как желанье и надежда прочесть два тома "Мертвых душ" (С.Т.Аксаков – Гоголю).

Аксаков С., 1960, с. 74.

Июля 27/15. <1842>. Гастейн.

"Сделайте милость, обнимите всех, кого увидите из моих знакомых. Если Павловы точно едут, то вы мне сделаете большую услугу присланьем чрез них некоторых книг, а именно: Памятник веры, такой совершенно, как у Ольги Семеновны, и Статистику России Андросова, и еще если есть какое-нибудь замечательное сочинение статистическое о России вообще или относительно частей ее, вышедшее в последних годах, то хорошо бы очень присовокупить его к ним. Кажется, вышел какой-то толстый том от мин<истерства> внут<ренних> дел.

А Григория Сергеевича попрошу присылать мне реестр всех сенатских дел за прошлый год с одной простой отметкой: между какими лицами завязалось дело и о чем дело. Этот реестр можно присылать частями при письмах ваших. Это мне очень нужно.

Ваш Гоголь" (Гоголь – С.Т.Аксакову).

ПСС, т. XII, с. 83.

<Июль. 1842>.

"Надобно признаться, что почти все поручения Гоголя насчет присылки статистических и других книг, а также выписок из дел и

деловых регистров исполнялись очень плохо; а между тем очевидно, что все это было ему очень нужно для второго тома "Мертвых душ". Павловы не поехали за границу, да и не думали ехать, а Гоголь счел их пустые слова за настоящее намерение" (С.Т.Аксаков).

Аксаков С., 1960, с. 82.

Октябрь – конец года. 1842.

Гоголь живет в Риме вместе с Н.М.Языковым, заканчивает работу над изданием "Сочинений" и работает над вторым томом "Мертвых душ".

ПССП, т. XVI, с. 471.

<1842>.

"Нам уже почти несомненно известно теперь, что вторая часть в первоначальном очерке была у него готова около 1842 года (есть слухи будто она даже переписывалась в Москве в самое время печатания первой части романа)" (П.А.Анненков).

Анненков, 1928, с. 140.

Октября 23/11.<1842>. Рим.

"Уведоми меня сколько-нибудь о толках, которые тебе случится слышать о "Мертвых душах", как бы они пусты и незначительны не были, с означением, из каких уст истекли они" (Гоголь – А.С.Данилевскому).

ПСС, т. XII, с. 111.

Декабря 1. 1842.

"Продолжение "Мертвых душ" должно быть важнее по части искусственной и творчества, чем эта первая часть" (Н.М.Языков – родным).

ЛН, т. 58, с. 640.

<Конец 1842>.

"Вообще следует помнить, что в эту эпоху он был занят внутренней работой, которая началась для него со второго тома "Мертвых душ", тогда же им предпринятого, как я могу утверждать положительно. Значение этой работы никем еще не понималось вокруг него, и только впоследствии можно было разобрать, что для второго тома "Мертвых душ" начинал он сводить к одному общему выражению как свою жизнь, образ мыслей, нравственное направление, так и самый взгляд на дух и свойство русского общества.

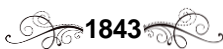
Результаты этих изысканий и трудов над самим собой и над духовным бытом нашего общества публике известны, и мы покамест их не судим: мы только повторяем, что с подобными эпохами поворотов мысли и направления неизбежно связано колебание воли и суждения, как это и было здесь. Он осматривал и взвешивал явления, готовясь оторваться от одних и пристроиться к другим. Так, например, долго, с великим вниманием и с великим участием слушал он горячие повествования о России, заносимые в Рим приезжими, но ничего не говорил в ответ, оставляя последнее слово и решение для самого себя" (П.В.Анненков).

ГВС, 1952, с. 275-276.

Января 5 <декабря 24.1842>. 1843.

"Окончание труда моего пред путешествием моим так необходимо мне, как необходима душевная исповедь перед святым причащением" (Гоголь – Н.Н.Шереметевой).

ПСС, т. XII, с. 133.

Января 2. 1843.

"Не все ждут второго тома, друзья Гоголя с некоторым опасением, а завистники и порицатели говорят: посмотрим, как-то он тут вывернется" (Д.Н.Свербеев – Н.М.Языкову).

Шенрок, т. IV, с. 104.

Февраля 8.1843.

"... теперь много обстоятельств требуют, чтоб вы, если возможно, ускорили выход второго тома "Мертвых душ". Подумайте об этом, милый друг, хорошенько... Много людей, истинно вас любящих, просили меня написать вам этот совет. Впрочем, ведь мы не знаем, такое ли содержание второго тома, чтоб зажать рот врагам вашим?... Может быть, полная казнь их заключается в третьем томе" (С.Т.Аксаков. – Гоголю).

ГВС, 1952, с. 182.

Февраля 28 <н.ст.>. 1843. Рим.

"Ты говоришь, что пора печатать второе издание "Мертвых душ", но что оно должно выдти необходимо вместе со 2-м томом. Но если так, тогда нужно слишком долго ждать. Еще раз я должен повторить, что сочинение мое гораздо важнее и значи-

тельнее, чем можно предполагать по его началу. И если над первую часть, которая оглянула едва десятую долю того, что должна оглянуть вторая часть, просидел я почти пять лет, чего, натурально, никто не заметил, один ты заметил долговременную и тщательную обработку моих частей... Итак, если над первой частью просидел я столько времени – не думай, чтоб я был когда-либо предан праздному бездействию; в продолжение этого времени я работал головой даже и тогда, когда думали, что я вовсе ничего не делаю и живу только для удовольствия своего... Итак, если над первой частью просидел я так долго, рассуди сам, сколько должен просидеть я над второй. Это правда, что я могу теперь работать увереннее, тверже, осмотрительнее, благодаря тем подвигам, которые я предпринимал к воспитанию моему и которых тоже никто не заметил. Например, никто не знал, для чего я производил переделку моих прежних пьес, тогда как я производил головы своей. Я видел, что на этом одном я мог только навикнуть, производить плотное создание, сущное, твердое, освобожденное от излишеств и неумеренности, вполне ясное и совершенное в высокой трезвости духа. После сих и других подвигов, предпринятых во глубине души, я, разумеется, могу теперь двигать работу далеко успешнее и быстрее, чем прежде; но нужно знать и то, что горизонт мой стал чрез то необходимо шире и пространнее, что мне теперь нужно обхватить более того, что верно бы не вошло прежде. Итак, если предположить самую непрерывную и ничем не останавливаемую работу, то два года – это самый короткий срок. Но я не смею об этом и думать, зная мою необеспеченную нынешнюю жизнь и многие житейские дела, которые иногда в силе будут расстроить меня, хотя употребляю все силы держать себя от них подале и меньше сколько можно о них думать и заботиться. Понуждение к скорейшему появлению второго тома, может быть, ты сделал вследствие когда-то помещенного в "Москвитяине" объявления, и потому вот тебе настоящая истина: никогда и никому я не говорил, сколько и что именно у меня готово, и когда, к величайшему изумлению моему, напечатано было в "Москвитяине" извещение, что два тома уже написаны, третий пишется, и всё сочинение выйдет в продолжение года, тогда не была даже кончена первая часть. Вот как трудно созидаются те вещи, которые на вид иным кажутся вовсе не трудны...

Верь, что я употребляю все силы производить успешно свою работу, что вне ее я не живу и что давно умер для других

наслаждений. Но вследствие устройства головы моей я могу работать вследствие только глубоких обдумываний и соображений" (Гоголь – С.П.Шевыреву).

ПСС, т. XII, с. 142–144.

"В Мариенбаде был еще тогда известный предприимчивый Д.Е.Бенардаки. Мы все гуляли вместе (25 августа 1839 г. – Г.С.). Бенардаки, знающий Россию самым лучшим и коротким образом, бывший на всех концах ее, рассказывал нам множество разных вещей, которые и поступили в материалы "Мертвых душ", а характер Костанжогло во второй части писан в некоторых частях прямо с него" (М.Погодин).

Погодин, 1865, №7, с. 895.

Марта 2 <н.ст. 1843>. Рим.

С.П.Шевырев опубликовал в "Журнале министерства народного просвещения" в 1842 г. статью "Об отношении семейного воспитания к государственному" (июль. Отд. 1. – с. 1–52 с.). Прочитав ее, Гоголь писал автору:

"Ты, без сомнения, и не подозреваешь, что в этой статье твоей есть много, много того, к чему стремятся мои мысли, но когда выйдет продолжение М<ертвых> д<уш>, тогда ты узнаешь истину и значение слов этих, и ты увидишь, как мы сошлись, никогда не говоря и не рассуждая друг с другом" (Гоголь – С.П.Шевыреву).

ПСС, т. XII, с. 149.

Марта 18 <н.ст. 1843>. Рим.

"Относительно 2-го тома "М<ертвых> д<уш>" я уже дал ответ Шевыреву, который вам его перескажет. Что ж до того, что бранят меня, то слава богу; гораздо лучше, чем бы хвалили. Браня, все-таки можно сказать правду и отыскать недостатки; а у тех, которые восхищаются, невольно поселается пристрастие и невольно заслоняет недостатки" (Гоголь – С.Т.Аксакову).

ПСС, т. XII, с. 151.

Марта 28 <н.ст. 1843>. Рим.

"А я думаю даже пожить в Дюссельдорфе, и мысль эта занимает меня сильно. Мы там в совершенном уединении и покое займемся работой, вы Одиссеей, а я Мертвыми душами" (Гоголь – В.А.Жуковскому).

ПСС, т. XII, с. 157.

Мая 26 (7 июня). 1843.

"Слух, будто бы Гоголь читал в Риме великой княгине вторую часть "Мертвых душ" несправедлив – тем паче, что эта вторая часть еще не написана" (Н.М.Языков – А.М.Языкову и П.М.Бестужевой).

ЛН, т. 58, с. 664.

Мая 28 <н.ст. 1843>. Мюнхен.

Откуда и кто распускает всякие слухи обо мне? Говорил ли я когда-нибудь тебе, что буду сим летом в Петербурге? или что буду печатать 2 том в этом году? и что значат твои слова: *Не хочу тебя обижать подозрением до такой степени, что будто ты не приготовил 2-го тома М<ертвых> д<уш> к печати?* Точно М<ертвые> д<уши> блин, который можно вдруг испечь. Загляни в жизнеописание сколько-нибудь знаменитого автора или даже хоть замечательного. Что ему стоила большая обдуманная вещь, которой он отдал всего себя, и сколько времени заняла? Вся жизнь, ни больше ни меньше. Где ж ты видел, чтобы произведший эпопею произвел сверх того пять-шесть других. Стыдно тебе быть таким ребенком и не знать этого! От меня менее всего можно требовать скорости тому, кто сколько-нибудь меня знает. Во-первых, уже потому, что я терпеливее, склонен к строгому обдумыванию и притом еще во многом терплю всякие помешательства от всяких болезненных припадков. М<ертвых> д<уш> не только не приготовлен 2-ой том к печати, но даже и не написан. И раньше двух лет (если только мои силы будут постоянно свежи в это время) не может выйти в свет. А что публика желает и требует 2-го тома, это не резон" (Гоголь – Н.Я.Прокоповичу).

ПСС, т. XII, с. 187.

Июля 24. <н.ст. 1843>. Баден.

"Слухи, которые дошли до вас о М<ертвых> д<ушах>, все ложь и пустяки. Никому я не читал ничего из них в Риме, и верно нет такого человека, который бы сказал, что я читал что-либо вам неизвестное. Прежде всего я бы прочел Жуковскому, если бы что-нибудь было готового. Но, увы, ничего почти не сделано мною во всю зиму, выключая немногих умственных материалов, забранных в голову" (Гоголь – С.Т.Аксакову).

ПСС, т. XII, с. 207.

<Половина 1843>.

"... друзья Гоголя извещаются письменно, об изменившихся его намерениях касательно второго тома "Мертвых душ" и об устранении всех надежд на скорое его появление. Н.Я.Прокопович

тоже получает своего рода предостережение. Пользуясь невинной его заметкой о нетерпении публики видеть продолжение романа, Гоголь отправляет ему <...> строгое и торжественное письмо, как все его письма, заключающие намеки на видоизменения романа <...>

<...> К той же последней половине 1843 относим мы первое уничтожение рукописи "Мертвых душ" из трех, какому она подвергалась. Если нельзя с достоверностью говорить о совершенном истреблении рукописи второго тома в это время, то, кажется, можно допустить предположение о совершенной переделке его, равняющейся уничтожению <...>

<...> Вторая часть "Мертвых душ" чуть ли не превосходит первую по откровенности негодования на житейское зло, по силе упрека безобразным явлениям нашего быта и в этом смысле, конечно, превосходит все написанное Гоголем прежде поэмы. Самый замысел повести, даже в нынешнем несовершенном своем виде, поражает читателя обширностью размеров, а некоторые события романа лучше других отделанные, с необычайным мастерством захватывают наиболее чувствительные стороны современного общества: довольно указать, в подтверждение того и другого, на план окончания второй части с одной стороны, на начинающуюся историю Тентетникова – с другой. Да и в самой "Переписке с друзьями", ныне изданной, сколько попадает замечток, показывающих глубочайшее познание сердца человеческого, изощренное постоянным наблюдением за собой и за другими, сколько светлого пояснения едва приметных душевных волнений, доступных только чувству и глазу опытного, искушенного психолога, наконец сколько отдельных моральных положений неотразимой истины и несомненного достоинства. Ввиду всех этих разбросанных сокровищ, у которых от близости с фальшивыми ценностями отнята или, по крайней мере, значительно ослаблена возможность приносить пользу, грусть и истинное сожаление овладевают читателем, и невольно слышится ему, что жизнь великого и здравомыслящего писателя, осужденного на бесплодие самим направлением своим, должна неминуемо кончиться грозной и мучительной драмой" (П.В.Анненков).

ГВС, с. 306–307, 308, 310–311.

Октябрь 6 <н.ст. 1843>. Дюссельдорф.

"Я уверен, что не один из близких даже мне людей, думая обо мне, говорит: "Ну что бы мог сделать этот человек, если бы захотел! Ну издавай он всякий год по такому тому, как Мертв<ые>

д<уши>, – он бы мог доставить себе 20 тысяч годового дохода". А того никто не рассмотрит, что этот том, со всеми его недостатками и грехами непростительными, сто́ит почти пятилетней работы, стало быть, может назваться вполне выработанным кровью и потом. Я знаю, что после буду творить полней и даже быстрее, но до этого еще не скоро мне достигнуть. Сочиненья мои так связаны тесно с духовным образованием меня самого и такое мне нужно до того времени вынести внутреннее сильное воспитание душевное, глубокое воспитание, что нельзя и надеяться на скорое появление моих новых починаний" (Гоголь – П.А.Плетневу).

ПСС, т. XII, с. 222.

Ноября 6 <18>.1843.

"Ваше письмо не застало Гоголя в Дюсельдорфе; он отправился в Ниццу, где проведет зиму; но мы съедемся с ним опять во Франкфурте-на-Майне, куда я хочу переселиться весной... Он отправился от меня с большим рвением снова приняться за свою работу и думаю, что много напишет в Ницце" (В.А.Жуковский – Н.Н.Шереметевой).

Жуковский, 1878, т. VI, с. 504.

Ноября 19 <7 декабря> (н.ст.) 1843.

Гоголь живет в Ницце у Виельгорских.

"Все утро он обыкновенно работал у себя в комнате и только в три часа выходил гулять или один, или с графом М.М.Виельгорских" (П.А.Кулиш).

Кулиш, 1856, т. 2, с. 6.

<Ноября 1843 – марта 1844>.

"Гоголь был очень нервен и боялся грозы. Раз как-то в Ницце, кажется, он читал мне отрывки из второй и третьей части "Мертвых душ", а это было не легко упросить его сделать. Он упирался, как хохол, и чем больше просишь, тем сильнее он упирался. Но тут как-то он растаял, сидел у меня и вдруг вынул из-за пазухи толстую тетрадь и, ничего не говоря, откашлялся и начал читать. Я вся обратилась в слух. Дело шло об Улиньке, бывшей уже замужем за Тентетниковым. Удивительно было описано их счастье, взаимное отношение и воздействие одного на другого... Тогда был жаркий день, становилось душно. Гоголь делался беспокоен и вдруг захлопнул тетрадь. Почти одновременно с этим послышался первый удар грома. И разразилась страшная гроза. Нельзя себе представить, что стало с Гоголем, он трясся всем телом и весь

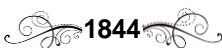
потупился. После грозы он боялся один идти домой. Виельгорский взял его под руку и отвел. Когда после я приставала к нему, чтобы он вновь прочел и дочитал начатое, он отговаривался и замечал: "Сам Бог хотел, чтоб я читал, что еще не окончено и не получило внутреннего моего одобрения... Признайтесь, вы тогда очень испугались?" – "Нет, хохлик, это вы испугались", – сказала я. – "Я то не грозы испугался, а того, что читал вам, чего не надо еще никому читать, и Бог в гневе своем погрозил мне" (А.О.Смирнова).

РС, 1902, т. IX, с. 490.

Декабря 2. Суббота <н.ст. 1843>. Ницца.

"Я продолжаю работать, то есть набрасывать на бумагу хаос, из которого должно произойти создание Мертвых душ. Труд и терпение, и даже приневоливание себя, награждают меня много. Такие открываются тайны, которых не слышала дотоле душа. И многое в мире становится после этого труда ясно" (Гоголь – В.А.Жуковскому).

ПСС, т. XII, с. 239.

Январь–март (н.ст.). 1844.

Гоголь в Ницце вместе с А.О.Смирновой, Виельгорскими и Соллогубами. Работает над вторым томом "Мертвых душ".

ПССП, т. XVI, с. 501.

Генв<аря> 8 <н.ст. 1844>. Ницца.

"Я по мере сил продолжаю работать тоже, хотя всё еще не столько и не с таким успехом, как бы хотелось" (Гоголь – В.А.Жуковскому).

ПСС, т. XII, с. 246.

Апреля 30 <мая 12>. 1844. Астрахань.

"Нет, как хотите, а я все-таки боюсь, чтобы новое его направление или не новое, потому что у него это дальнейшее развитие его души, не повредило ему в его сознаниях. При этом глубоко-серьезном углублении в самого себя не забудет ли он мир внешний? Впрочем появление второго тома "Мертвых душ", если только оно когда-нибудь будет, разрешит наши недоумения и загадки, и тогда, может быть, мы и устыдимся, что не поняли его, но я говорю теперь свое мнение откровенно и желал бы знать Ваше" (И.С.Аксаков – родным).

Аксаков И., 1888, т. 1, с. 127.

Июля 14 <н.ст. 1844>. Франкф<урт>.

"Писать не мог по причине совершенного запрещения по поводу приливов крови к голове... За дурным временем я должен был остаться во Франкфурте. Морских купаний нельзя было еще начинать, тем более, что я как-то сделался склоннее к простуде, чем когда прежде. Ты спрашиваешь, пишутся ли М<ертвые> д<уши>? И пишутся и не пишутся. Пишутся слишком медленно и совсем не так, как бы хотел, и препятствия этому часто происходят и от болезни, а еще чаще от меня самого. На каждом шагу и на каждой строчке ощущается такая потребность поумнеть и притом так самый предмет и дело связано с моим собственным внутренним воспитанием, что никак не в силах я писать мимо меня самого, а должен ожидать себя. Я иду вперед – идет и сочинение, я остановился – не идет и сочи<нение>. Поэтому мне и необходимы бывают часто перемены всех обстоятельств, переезды, обращение к другим занятиям, не похожим на вседневные, и чтение таких книг, над которыми воспитывается человек" (Гоголь – Н.М.Языкову).

ПСС, т. XII, с. 331–332.

Августа 15 <н.ст. 1844>. Остенде.

"На вопрос твой, когда именно в Россию, ничего не могу сказать утвердительно. Это знает один только Бог. Если будет ему угодно дать мне здоровье и силы для того, чтобы совершить и кончить труд мой, я приеду скоро как возможно, потому что мне Россия и все русское стало милей, чем когда-либо прежде..." (Гоголь – С.Д.Данилевскому).

ПСС, т. XII, с. 336.

Сентября <н.ст. 1844>. Остенде.

"... я уже надеюсь с помощью божией засесть с вами во Франкфурте солидным образом за работу" (Гоголь – В.А.Жуковскому).

ПСС, т. XII, с. 340.

Сентября 21 (н.ст.) – конец года. 1844.

Гоголь живет во Франкфурте-на-Майне у В.А.Жуковского, работает над вторым томом "Мертвых душ".

ПСС, т. XII, с. 21.

Сентября – конец 1844. Москва.

"Про тебя ходят здесь слухи прекрасные, говорят, что у тебя уже готовы еще две части "Мертвых душ" и что сверх того ты написал "Записки русского генерала в Риме" (Н.М.Языков – Гоголю).

ПССП, т. XII, с. 469.

1845

Марта 4 (20 февраля). 1845.

Гоголь возвращается из Парижа во Франкфурт к Жуковскому, но из-за болезни работа над "Мертвыми душами" замедлилась.

ПСС, т. XII, с. 22.

Марта 15 <н.ст. 1845>. Франкфурт.

"Занятия не идут никакие. Боюсь хандры, которая может усилить еще болезненное состояние" (Гоголь – Н.М.Языкову).

ПСС, т. XII, с. 465.

Апреля 2 <н.ст. 1845>. Франкфурт.

"Я мучил себя, насилывал писать, страдал тяжким страданием, видя бессилие, и несколько раз уже причинял себе болезнь таким принуждением и ничего не мог сделать, и всё выходило принужденно и дурно... Приезд мой [в Россию – Г.С.] мне был бы не в радость; один упрек только себе видел бы я на всём, как человек, посланный за делом и возвратившийся с пустыми руками" (Гоголь – А.О.Смирновой).

ПСС, т. XII, с. 471, 472.

Июня конец – июля начало. 1845.

Вторичное сожжение Гоголем первоначальной редакции второго тома "Мертвых душ".

ПССП, т. XVI, с. 538.

Июль.

Сожжение рукописи в 1845 г. завершает первый этап работы над II томом "Мертвых душ". Из написанного сохранилась лишь 5-я тетрадь, которая связана с "Дневниковыми записями о губернаторе".

ПСС, т. VI, с. 349–357.

Июля 25 <н.ст. 1845. Карлсбад>.

"Вы коснулись "Мертвых душ" и просите меня не сердиться на правду, говоря, что исполнились сожалением к тому, над чем прежде смеялись. Друг мой, я не люблю моих сочинений, доселе бывших и напечатанных, и особенно "Мерт<вых> душ". Но вы будете несправедливы, когда будете осуждать за них автора, принимая за карикатуру насмешку над губерниями, так же, как были прежде несправедливы хваливши. Вовсе не губерния и не несколько уродливых помещиков, и не то, что им приписывают,

есть предмет "Мертвых душ". Это пока еще тайна, которая должна была вдруг, к изумлению всех (ибо ни одна душа из читателей не догадалась), раскрыться в последующих томах, если бы богу угодно было продлить жизнь мою и благословить будущий труд. Повторяю вам вновь, что это тайна, и ключ от нее покамест в душе у одного только автора. Много, много даже из того, что, по видимому, было обращено ко мне самому, было принято вовсе в другом смысле. Была у меня, точно, гордость, но не моим настоящим, не теми свойствами, которыми владел я; гордость будущим шевелилась в груди, – тем, что представлялось мне впереди, счастливым открытием, которым угодно было, вследствие божией милости, озарить мою душу. Открытием, что можно быть далеко лучше того, чем есть человек" (Гоголь – А.О.Смирновой).

ПСС, т. XII, с. 504.

Конец августа – начало сентября. 1845. Москва.

"Вы, дорогой наш Николай Васильевич, Вы сами не сдержали Вашего обещания; помните, по выходе первого тома "Мертвых душ", Вы сказали, что через два года выйдет другой том и гораздо толще; срок пришел, и второй том не вышел. Конечно, верно нельзя было этого Вам сделать, и я далек от того, чтобы Вас за то упрекать; но я очень, очень сожалею, и, разумеется, не один я" (К.С.Аксаков – Гоголю).

ПССП, т. XIII, с. 179.

1845

"Вас удивляет, почему я таким старанием стараюсь определить всякую должность в России, почему я хочу узнать, в чем ее существо? Говорю Вам: мне это нужно для моего сочинения, для этих самых "Мертвых душ", которые начались мелочами и секретарями и должны кончиться делами покрупнее и должностями повыше, и это познание точное и верное должностей в том... в каком они должны у нас в России быть. Мне бы не хотелось дать промаха и погрешить против правды, тем более, что характеры и люди в остальных двух частях выходят покрупнее обыкновенных и в значительных должностях. Я вас очень благодарю, что вы объяснили должность генерал-губернатора; я только с ваших слов узнал, в чем она истинно может быть важна и нужна в России. Прежде мне казалось, что и без нее организм управления губернии совершенно полон" (Гоголь – гр. А.П.Толстому).

ПССП, XIII, 229-230.

Октября 29 н.ст. 1845. Рим.

"Я чувствую себя после дороги лучше; климат римский, кажется, по-прежнему благосклонствует ко мне. И милосердный Бог, может быть, вновь воздвигнет меня на труд и подаст силы и высшую всего на свете радость служить ему" (Гоголь – А.М.Вилье-горской).

ПСС, т. XII, с. 533.

Января–мая 3. 1846.

Гоголь живет в Риме. Жалуется на болезненное состояние. Тем не менее возобновляет работу над вторым томом "Мертвых душ".

ПССП, т. XIII, с. 9.

Января 27 <н.ст. 1846. Рим.>

"Мне трудно даже найти настоящий дельный и обоюдно-интересный разговор с теми людьми, которые еще не избрали поприще и находятся покамест на дороге и на станции, а не дома. Для них, равно как и для многих других люд<ей>, готовятся "Мертвые души", если только милость божья благословит меня окончить этот труд так, как бы я желал и как бы мне следовало. Тогда только уяснятся глаза у многих, которым другим путем нельзя сказать иных истин. И только по прочтении 2 тома "М<ертвых> д<уш>" могу я заговорить со многими людьми сурьезно" (Гоголь – А.О.Смирновой).

ПСС, т. XIII, с. 35.

Февраля 20 – марта 4. 1846. Рим.

"Да будет же благословен Бог, посылающий нам всё! И душе, и телу моему следовало выстрадаться. Без этого не будут "Мертвые души" тем, чем им быть должно... Меня теперь занимает Калуга и внутренность России, а потому не оставляйте меня известьем о всяком происшествии, как бы оно вам ничтожно не показалось. Теперь же покамест известите меня о раскольниках, какие находятся в Калужской губернии, именно: 1-е. Каких из них больше. 2-е. в чем состоит их раскол и в каком он теперь состоянии. 3-е. каковы они в жизни, в работе, в трудах, как в крестьянском, так и в купеческом или мещанском состоянии сравнительно с православными. Об этом не позабудьте впереди письма, а потом обо всем прочем" (Гоголь – А.О.Смирновой).

ПСС, т. XIII, с. 41, 42–43.

Марта 16 <н.ст.> 1846. Рим.

"И среди самых тяжких болезненных моих состояний Он наградил меня такими небесными минутами, перед которыми ничто всякое горе. Мне даже удалось кое-что написать из "Мертвых душ", которое всё будет вам вскорости прочитано, потому что надеюсь с вами увидеть<ся>" (Гоголь – В.А.Жуковскому).

ПСС, т. XIII, с. 43.

<Лето-осень 1846>.

"С этих пор я уже стал думать только о том, как бы смягчить то тягостное впечатление, которое могли произвести "Мертвые души". Я увидел, что многие из гадостей не стоят злобы; лучше показать всю ничтожность их, которая должна быть навеки их уделом. Притом мне хотелось попробовать, что скажет вообще русский человек, если его попотчевашь его же собственной пошлостью. Вследствие уже давно принятого плана Мертвых душ для первой части поэмы требовались именно люди ничтожные. Эти ничтожные люди, однако ж, ничуть не портреты с ничтожных людей; напротив, в них собраны черты от тех, которые считают себя лучшими других, разумеется, только в разжалованном виде из генералов в солдаты. Тут, кроме моих собственных, есть даже черты многих моих приятелей, есть и твои. Я тебе это покажу после, когда это будет тебе нужно; до времени это моя тайна. Мне потребно было отобрать от всех прекрасных людей, которых я знал, всё пошлое и гадкое, что они захватили нечаянно, и возратить законным их владельцам. Не спрашивай, зачем первая часть должна быть вся – пошлость и зачем в ней все лица до единого должны быть пошлы: на это дадут тебе ответ другие томы, – вот и всё! Первая часть, несмотря на все свои несовершенства, главное дело сделала: она поселила у всех отвращение от моих героев и от их ничтожности; она разнесла некоторую мне нужную тоску от самих себя. Покамест для меня этого довольно; за другим я и не гоняюсь<...>

<...> И к чему это пустое любопытство знать вперед, и эта пустая, ни к чему не ведущая торопливость, которою, как я замечаю, уже и ты начинаешь заражаться? Смотри, как в природе совершается всё чинно и мудро, в каком стройном законе, и как всё разумно исходит одно из другого. Одни мы, Бог весть из чего, мечемся. Всё торопится. Всё в какой-то горячке. Ну, взвесил ли ты хорошенько слова свои: "Второй том нужен теперь необходимо?" Чтобы я из-за того только, что есть против меня всеобщее неудовольствие, стал торопиться вторым томом, так же глупо, как

поторопился с первым? Да разве уж я совсем выжил из ума? Неудовольствие это мне нужно; в неудовольствии человек хоть что-нибудь мне выскажет. И откуда вывел ты заключение, что второй том именно теперь нужен? Залез ты разве в мою голову? почувствовал существо второго тома? По-твоему, он нужен теперь, а по-моему, не раньше, как через два-три года, да и то еще, принимая в соображение попутный ход обстоятельств и времени. Кто ж из нас прав? Тот ли, у которого второй том уже сидит в голове, или тот, кто даже и не знает, в чем состоит второй том?

<...> Я люблю добро, я ищу его и сгораю им; но я не люблю моих мерзостей и не держу их руку, как мои герои; я не люблю тех низостей моих, которые отдаляют меня от добра. Я воюю с ними и буду воевать, и изгоню их, и мне в этом поможет Бог.

<...> Затем сожжен второй том М<ертвых> д<уш>, что так было нужно. "Не оживет, а еще не умрет", говорит апостол. Нужно прежде умереть, для того чтобы воскреснуть. Нелегко было сжечь пятилетний труд, производимый с такими болезненными напряжениями, где всякая строка досталась потрясеньем, где было много того, что составляло мои лучшие помышления и занимало мою душу. Но всё было сожжено, и притом в ту минуту, когда, видя перед собою смерть, мне очень хотелось оставить после себя хоть что-нибудь, обо мне лучше напоминающее. Благодарю бога, что дал мне силу это сделать. Как только пламя унесло последние листы моей книги, ее содержанье вдруг воскреснуло в очищенном и светлом виде, подобно фениксу из костра, и я вдруг увидел, в каком еще беспорядке было то, что я считал уже порядочным и стройным. Появление второго тома в том виде, в каком он был, произвело бы скорее вред, нежели пользу. Нужно принимать в соображение не наслаждение каких-нибудь любителей искусств и литературы, но всех читателей, для которых писались Мертвые души. Вывести несколько прекрасных характеров, обнаруживающих высокое благородство нашей породы, ни к чему не поведет. Оно возбудит только одну пустую гордость и хвастовство. Многие у нас уже и теперь, особенно между молодежью, стали хвастаться не в меру русскими доблестями и думают вовсе не о том, чтобы их углубить и воспитать в себе, но чтобы выставить их напоказ и сказать Европе: "Смотрите, немцы: мы лучше вас!" Это хвастовство – губитель всего. Оно раздражает других и наносит вред самому хвастуну.

<...> Нет, бывает время, когда нельзя иначе устремить общество или даже всё поколение к прекрасному, пока не покажешь

всю глубину его настоящей мерзости; бывает время, что даже вовсе не следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно, как день, путей и дорог к нему для всякого. Последнее обстоятельство было мало и слабо развито во втором томе Мертвых душ, а оно должно было быть едва ли не главное; а потому он и сожжен. Не судите обо мне и не выводите своих заключений: вы ошибетесь подобно тем из моих приятелей, которые, создавши из меня свой собственный идеал писателя, сообразно своему собственному образу мыслей о писателе, начали было от меня требовать, чтобы я отвечал их же созданному идеалу" (Гоголь. Четыре письма к разным лицам по поводу "Мертвых душ").

ПССП, т. VI, с. 83, 84–85, 86–87.

Августа 26. 1846.

"... Вы получили верное и секретное известие из Петербурга, что там печатается целая книга, присланная от Гоголя: "Отрывки из писем или переписка с друзьями". Названия хорошенько не помню. Вероятно, там помещено много из его писем к А.О.[Смирновой], к Языкову, ко мне. Между прочим, там Гоголь признает совершенную ничтожность всего им написанного и говорит, что изорвал продолжение "Мертвых душ"; объявляет, что едет в Ерусалим..." (С.Т.Аксаков – И.С.Аксакову).

Аксаков И., 1888, т. 1, с. 373.

Октябрь 26 < 7 ноября > 1846. Калуга.

"Читали ли Вы или видели октябрьскую книжку "Библиотека для чтения"? Вообразите, там по поводу Сенковский объявляет публике, что Гоголь болен, вдался в мистицизм, не хочет продолжать "Мертвых душ" и так самолюбиво замечтался, что всех учит, дает наставления. Все это сказано с ругательствами и насмешками" (И.С.Аксаков – родным).

Аксаков И., 1888, т. 1, с. 390.

Октябрь 31. 1846. Москва.

"Чем более вчитываюсь в "Развязку Ревизора", тем глубже и глубже мне она кажется. Я посудил об ней, как будет, может быть, судить публика, особенно в тех местах, которые примет она за нравоучение и от которых еще кислее сделает рожу, чем от "Ревизора". Но чем более и более я сам, уже не от лица публики, вникаю в это произведение, тем глубже оно мне является, тем более вижу, как ты духовно вырос и дорос до второй части "Мертвых душ", в которой, как надеемся, представишь такое добро,

где уж будет точно добро. Не понимают, что надобно до этого дорасти и что ты растешь к этому. Отсюда и все нелепые толки, даже и близки тебе, которые тебя в новом периоде твоей жизни не понимают" (С.П.Шевырев – Н.В.Гоголю).

ПССП, т. XIII, с. 431.

Октября. 1846.

"В книге этой [I том "Мертвых душ" – Г.С.] многое описано неверно, не так как есть, и как действительно происходит в русской земле, потому что я не мог узнать всего, притом от моей собственной оплошности, незрелости и поспешности произошло множество всяких ошибок и промахов, так, что на всякой странице есть, что поправить: я прошу тебя, читатель, поправить меня" (Гоголь "К читателю от сочинителя").

ПСС, т. VI, с. 587.

Декабря 9. 1846. Москва.

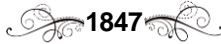
"Предисловие ваше ко 2-му изданию "Мертвых душ" поразило меня глубже, и когда Шевырев читал мне его – то мои стенания от физических мучений заменились стенаниями душевными, и я тогда же предлагал не печатать вашего объяснения с читателями. В коротких словах скажу вам заключение, которое выведет из него здравый толк, простого русского человека: "Кой черт, скажет он, сочинитель сам признается, что плохо знает Русь, и для того, чтоб избежать промахов во 2-м томе своего сочинения, почти 5 лет живет за границей, да видно, и еще хочет там оставаться, потому что просит нас замечать его промахи, описывать нравы наши, обычаи и вообще весь русский быт и все это пересылать к нему через петербургского и московского корреспондентов? О, видно, хочет, живя на чужбине и с каждым днем забывая то, что знал о Святой Руси, чужими руками жар загребать?". Нужно ли говорить, что скажут те люди, которые понимают, как ложна мысль будто из мертвых описаний житейских фактов и анекдотов может постигаться жизнь и дух обширнейшей разнообразнейшей страны и великого народа, в ней живущего. Вслед за этим разнеслись темные слухи, что в Петербурге печатается целая книга ваших сочинений, в которых помещена ваша переписка с друзьями, состоящая из проповедей и пророчеств, ваше признание, что все написанное вами до сих пор ничтожно и не достойно внимания, ваше извещение, что вы сожгли продолжение "Мертвых душ" и что вы отправляетесь в Иерусалим" (С.Т.Аксаков – Н.В.Гоголю).

ПССП, т. XIII, с. 457–458.

Мая конец – июль. 1847.

"Я не требовал собственно поправок на "Мертвые души": мне хотелось, под этим предлогом, добыть частных записок, воспоминаний о тех характерах и лицах, с которыми случилось кому стретиться на веку" (Гоголь "Авторская исповедь").

ПСС, т. VIII, с. 447.

Января 25 <февраля 6> 1847. Калуга.

"... мне кажется, что Гоголь искренен [в "Выбранных местах..."], которые вышли 12 января 1847 г. – Г.С.], что он действует так по обязанности, налагаемой на него убеждением, что все это может быть полезно людям. Слышится иногда истинный, пронзительный голос душевной муки; право, слышатся иногда слезы! Я убежден, впрочем. Что все это направление не помешает ему окончить "Мертвые души". Что если "Мертвые души" явятся, если просветленный художник уразумеет всю жизнь, как она есть, со всеми ее особенностями, но еще глубже, еще дальше проникнет в ее тайны, не односторонне, не увлекаясь досадой и насмешкой, – ведь это должно быть что-то исполински-страшное. Второй том должен разрешить задачу, которой не разрешили все 1847 лет христианства...

... Александра Осиповна вся за Гоголя, но... она убеждена, впрочем, что Гоголь не в состоянии более написать "Мертвых душ" (И.С.Аксаков – родным).

Аксаков И., 1888, т. 1, с. 413.

Января 30. 1847.

"Разумеется, всякий талант от Бога; но мысль, что прежде надобно сделаться святым, чтоб изобразить святое – нелепость. Из этого выйдет, что Иванов не кончит картину "Богоявления Господня" и Гоголь "Мертвых душ"... Мы сходимся с Александрю Осиповною, что Гоголь не в состоянии кончить "Мертвые души" (С.Т.Аксаков – И.С.Аксакову).

Аксаков И., 1888, т. 1, с. 415.

Февраля 8. Суббота. 1847.

"Гоголь не перестает занимать меня с утра до вечера: он точно помешался, в этом нет сомнения; но в самом помешательстве много плутовства – должно в этом признаться. Сумасшедшие бывают по-своему плуты и надуватели: это я видел не один раз и помешательство их делается и жалко, и гадко. Мне пришла

странная и вместе утешительная мысль в голову, что если Гоголь, получив множество печатных и письменных отзывов, скажет: "Я вижу, что мои читатели еще не в состоянии понять второго тома "Мертвых душ"; да и я еще не созрел для написания его в настоящем виде, а потому оставляю этот труд до времени и начинаю писать прежние побасенки" – и напишет нам чудные побасенки. Эта мысль имеет основанием две причины. Первая: он пишет в последнем своем письме ко мне: "Ваши нападения мне теперь слишком нужны, они покажут мне ближе меня самого и покажут мне в то же время Вас, т. е. моих читателей. Не увидевши яснее, что такое в настоящую минуту я сам и что такое мои читатели, я был бы в решительной невозможности сделать дельно свое дело". Вторая состоит в том, что Гоголь в письме своем к Щепкину, горячо заботясь о постановке на сцену своей нелепейшей новой развязки Ревизора, между прочим, пишет такие забавные шуточки, что надобно хохотать и вместе удивляться ясности взгляда и меткости выражений (С.Т.Аксаков – И.С.Аксакову).

МИ, 1936, т. 1, с. 179–180.

Февраля 22 <н.ст. 1847>. Неаполь.

"Друг мой, не позабывайте, что у меня есть постоянный труд: эти самые "Мертвые души", которых начало явилось в таком неприглядном виде. Друг мой, искусство есть дело великое. Знайте, что все те идеалы, которых напичкали головы французские романы, могут быть выгнаны другими идеалами. И образы их можно произвести так живо, что они станут неотразимо в мыслях и будут преследовать человека в такой степени, что львицы возжелают попасть в другие львицы. Способность создания есть способность великая, если только она оживотворена благословеньем высшим бога. Есть часть этой способности и у меня, и я знаю, что не спасусь, если не употреблю ее, как следует, в дело. А употребить ее, как следует, в дело я в силах только тогда, когда разум мой озаряется полным знанием дела. Вот почему я с такою жадностью прошу, ишу сведений, которых мне почти никто не хочет или ленится доставлять. Не будут живы мои образы, если я не сострою их из нашего материала, из нашей земли, так что всяк почувствует, что это из его же тела взято. Тогда только он проснется и тогда только может сделаться другим человеком. Друг мой, вот вам исповедь литературного труда моего" (Гоголь – А.О.Смирновой).

ПСС, т. XIII, с. 224.

Февраля 28 <н.ст. 1847. Неаполь>.

"Появление книги моей ["Выбранные места" – Г.С.] уже может быть важно потому, если заставит хотя задуматься общество о предметах более существенных. Это правда, что на ней лежит какой-то фальшивый тон и неуместная восторженность, что произошло от <того>, что книга эта действительно долженствовала явиться по смерти. Здесь действовал также страх за жизнь свою и за возможность окончить начатый труд ("Мертвые души"), страх извинительный в моих болезненных недугах, которые были слишком тяжелы. Этот страх заставил заговорить вперед о многих таких вещах, которые следовало развить во всем сочинении так, чтобы не походило они на проповедь... Мне нужно много поумнеть для того, чтобы "Мертвые души" вышли тем, чем следует быть им. И вот почему я вдвое хлопочу о моей книге" (Гоголь – П.А.Вяземскому).

ПСС, т. XIII, с. 227, 228.

<Марта 6 н.ст. 1847. Неаполь>.

Гоголь объясняет, почему в таком виде выпущены "Выбранные места" и почему ему нужно, чтобы были высказаны различные о книге мнения. "Но, друг мой, мне бы хотелось, чтоб хоть два-три человека прочли мою книгу в связи, всю сплошь. Это мне очень нужно потому, что этими статьями я хотел не столько учить других, но самому многому научиться, потому что – говорю тебе не ложь – мне нужно слишком многого набраться от умных людей, чтобы написать как следует мои "Мертвые души", которые, право, могут быть очень нужная у нас вещь и притом дельная вещь. Мне нужно много практических и положительных сведений, которые я думал вызвать этими статьями, – именно затем, чтобы быть так же ясны и просты в "Мертвых душах", как неясен и загадочен в этой книге моей. Нужно взять из нашей же земли людей, из нашего же собственного тела так, чтобы читатель почувствовал, что это именно взято из того самого материала, из которого и он сам составлен. Иначе не будут живы образы и не произведут благотворного действия" (Гоголь – П.А.Плетневу).

ПСС, т. XIII, с. 245–246.

Март <а> 10 <н.ст. 1847>. Неаполь.

"Поверь, что без этой книги мне бы не узнать всего того, что мне необходимо знать для того, чтобы мои "Мертвые души" вышли *то*, чем им следует быть. По поводу моего неведения многих

вещей, которые у меня выдаются с такою дерзостью за *знание*, многие невольно будут заставлены выказать свое *ведение*, которого я добиваюсь" (Гоголь – С.П.Шевыреву).

ПСС, т. XIII, с. 253.

<Около марта 10 н.ст. 1847. Неаполь.>

"Мысль ваша описывать современный окружающий вас люд, по поводу моих "Мертвых душ", очень умна, и я уверен, что это принесет пользу обоюдную как мне, так и вам, а может быть, даже и самой публике, если окажется в ваших записках кое-что приличное знать и другим и по этому случаю стоящее быть опубликованным" (Гоголь – Д.К.Малиновскому).

ПСС, т. XIII, с. 253.

Марта 16 <н.ст. 1847>. Неаполь.

"Книга моих писем выпущена в свет затем, чтобы пощупать ею и других и себя самого, чтобы узнать, на какой именно степени душевного состояния стоит теперь каждый из нашего нынешнего современного общества и на какой степени душевного состояния стою теперь я сам, потому что себя трудно видеть, а когда нападут со всех сторон и станут на тебя указывать пальцем, тогда и сам отыщешь в себе многое" (Гоголь – А.М.Виельгорской).

ПСС, т. XIII, с. 256.

Марта 18 <н.ст.> 1847. Неаполь.

"Покуда скажу тебе вот что, мой добрый Александр. Ты никак не смущайся обо мне по поводу моей книги и не думай, что я избрал другую дорогу писаний. Дело у меня то же, какое и было всегда и о котором замышлял еще в юности, хотя не говорил о том, чувствуя бессилие свое выражаться ясно и понятно (всегдашняя причина моей скрытности). Нынешняя книга моя есть только свидетельство того, какую возню нужно было мне поднимать для того, чтобы "Мертвые души" мои вышли тем, чем им следует быть. Трудное было время, испытанья были такие страшные и тяжелые, битвы такие сокрушительные, что чуть не изнемогла до конца душа моя. Но, слава Богу, всё пронеслось, всё обратилось в добро. Душа человека стала понятней, люди доступней, жизнь определенней, и чувствую, что это отразится в моих сочинениях. В них отразится та верность и простота, которой у меня не было, несмотря на живость характеров и лиц. Нынешняя моя книга выдана в свет затем, чтобы пощупать ею, во-первых, самого себя, а во-

вторых, других – узнать посредством ее, на какой степени душевного состоянья своего стоит теперь каждый из нашего современного общества. Вот почему я с такою жадностью собираю все толки о ней. Мне важно, кто и что именно сказал, важна и самая *личность* того человека, который сказал, его черты характера. Итак, знай, что всякий раз, когда ты передашь мне мысли какого-нибудь человека о моей книге, прибавя к тому и портрет самого человека, то этим ты сделаешь мне большой подарок, мой добрый Александр. А вас прошу, моя добрая Юлия, или по-русски *Уленька*, что звучит еще приятней (вашего отечества вы не захотели мне объявить, желая остаться и в моих мыслях под тем же именем, каким называет вас супруг ваш), вас прошу, если у вас будет свободное время в вашем доме, набрасывать для меня слегка маленькие портретики людей, которых вы знали или видите теперь, хотя в самых легких и беглых чертах. Не думайте, чтоб это было трудно. Для этого нужно только помнить человека и уметь его себе представить мысленно. Не рассердитесь на меня за то, что я, еще не успевши ничем заслужить вашего расположения, докучаю вам такую просьбою. Но мне теперь очень нужен русский человек, везде, где бы он ни находился, в каком бы звании и сословии он ни был. Эти беглые наброски с натуры мне теперь так нужны, как живописцу, который пишет большую картину, нужны этюды. Он, хоть, по-видимому, и не вносит этих этюдов в свою картину, но беспрестанно соображается с ними, чтобы не напутать, не наврать и не отдалиться от природы. Если же вас бог наградил замечательностью особенною и вы, бывая в обществе, умеете подмечать его смешные и скучные стороны, то вы можете составить для меня *типы*, то есть, взявши кого-нибудь из тех, которых можно назвать представителем его сословия или сорта людей, изобразить в лице его то сословие, которого он представитель, – хоть, например, под такими заглавиями: *Киевский лев; Губернская fetme incomprise; Чиновник-европеец; Чиновник-старовер*, и тому подобное. А если душа у вас сердобольная и состраждет к положенью других, опишите мне раны и болезни вашего общества. Вы сделаете этим подвиг христианский, потому что из всего этого, если Бог поможет, надеюсь сделать доброе дело. Моя поэма, может быть, очень нужная и очень полезная вещь, потому что никакая проповедь не в силах так подействовать, как ряд *живых примеров*, взятых из той же земли, из того же тела, из которого и мы. Вот вам, мои добрые, моя собственная повесть и подробности того, что составляет нынешнюю жизнь мою, в отплату вам за ваши тоже весьма коро-

тенькие известия о себе. Но вы, однако же, не забывайте себя показывать мне почаще и не пренебрегайте этими, по-видимому незначительными, подробностями, но которые, однако ж, для меня драгоценны. Сами посудите: если мне теперь дорог и близок всякий человек на Руси, то во сколько крат должен быть мне дороже и ближе человек, связанный узами дружбы со мной? Ведь я вас не вижу, а эти маленькие, по-видимому пустые, подробности делают то, что вы рисуетесь перед моими глазами, и я как бы ощущаю в малом виде радость свиданья" (Гоголь – А.С. и У.Г.Данилевским).

ПСС, т. XIII, с. 261–263.

Марта 20 <н.ст.> 1847. Неаполь.

Что сделано, то сделано. Ничего не происходит в мире без воли божией. Есть святая сила в мире, которая всё обращает в добро, даже и то, что от дурного умысла сделал человек. Но книга моя была не от дурного умысла, на ней только лежит печать неразумия человеческого или, лучше, – моего, а потому я верю в божью милость, что не допустит он, дабы из книги моей почерпнули вред. Покуда я могу сказать только, что появление этой книги полезно мне самому больше, чем кому-либо другому <...>. Не появившись моя книга, мне бы не было и вполовину известно мое состояние душевное <...>. Без появления этой книги моей я бы, точно, остался в самоослеплении насчет многого в себе. Без появления этой книги не устремилось бы за мою душу столько чистых молитв, с такою святою мыслью – молить Бога о спасении моем <...>. Сколько могу судить о толках, до меня дошедших, читатели мои находятся еще под влиянием первых впечатлений. Я бы очень желал услышать мнения тех, которые прочли мою книгу не один раз, но несколько, в различные часы и в различные расположения душевные: там есть некоторые душевные тайны, которые не вдруг постигаются и которые покуда приняты (может быть, от неумения моего просто и ясно выражаться) совсем в другом смысле. Так как вы питаете такое искренно-доброе участие ко мне и к сочиненьям моим, то считаю долгом известить вас, что я отнюдь не переменял направленья моего. Труд у меня всё один и тот же, всё те же "Мертвые души". И одна из причин появления нынешней моей книги была возбудить ею те разговоры и толки в обществе, вследствие которых непременно должны были выказаться многие мне неизвестные стороны современного русского человека, которые мне очень нужно взять к соображенью, чтобы не

попасть в разные промахи при сочинении той книги, которая должна быть вся природа и правда. Если Бог даст сил, то "Мертвые души" выйдут так же просты, понятны и всем доступны, как нынешняя моя книга ["Выбранные места..." – Г.С.] загадочна и непонятна. Что ж делать, если мне суждено сделать большой крюк для того, чтобы достигнуть той простоты, которою Бог наделяет иных людей уже при самом рождении их. Итак, вот вам покуда посильное изъяснение того, зачем вышла моя книга" (Гоголь – князю В.В.Львову).

ПСС, т. XIII, с. 263–265.

<Марта 24. 1847. С.-Петербург>.

"Я готов всё простить Белинскому и Губеру с братиею, но не прощаю Павлову; потому что Гоголь, обратившись к нему с письмом как к достойному слов его, получил от него недостойный ответ. Что за идея, будто художник в некоторые минуты не смеет быть просто христианином! Гоголь говорит же им, что он напишет и второй том Мертвых душ. Уже ли кто рисовал только сцены из языческой мифологии, лишен права бросить и очерк Ангела? За то, вместе с нравственностью и религиею, сколько обозначил он как гениальный писатель предметов литературных, патриотических и философских! Критика прошла всё это мимо" (П.А.Плетнев – С.П.Шевыреву).

МИ, т. 1, с. 181.

Марта 25. 1847. Калуга.

"В первый день праздника получила она [А.О.Смирнова] сказывал мне Ар. [Л.И.Арнольд] от Гоголя [от 22 янв., 1847 из Неаполя]; говорит самое утешительное. Он уверяет ее, что будет 2-й том "Мертвых душ", будет непременно, что книгу издал он для того, чтобы посудить и себя, и публику, что он твердо убежден, что можно выставить такие идеалы добра, перед которыми содрогнутся все" (И.С.Аксаков – С.Т.Аксакову).

Аксаков И., 1888, т. 1, с. 433.

Апреля 2. 1847. Москва.

"Позвольте вам сделать еще несколько вопросов. Неужели, увлекшись пользою произведения, вы хотите ни за что не считать его более элегантною сторону – изящность? Неужели вы хотите приняться за 2-й том "Мертвых душ" не иначе как за доброе дело? Нет. Вы говорите, книги пишутся для пользы, я скажу еще и для удовольствия. Человек пишет или читает высокое произведение,

он отдыхает, наслаждается высоким, неземным наслаждением – и этого слишком довольно" (Д.К.Малиновский – Н.В.Гоголю).

ПССП, т. XIV, с. 341.

Апреля 3. 1847.

"Второму тому <"Мертвых душ"> я не верю: или его не будет, или будет дрянь. Добродетельные люди – не предметы для искусства. Это задача неисполнимая. Я надеюсь, что Гоголь примется за прежние пустячки и побасенки: тут я надеюсь опять наслаждаться творческими произведениями" (С.Т.Аксаков – И.С.Аксакову).

ЛН, т. 58, с. 702.

1847

"Когда разговор заходил о "Мертвых душах" и о неизвестном мне тогда втором томе, то Гоголь всегда говорил, что надеется вывести в нем личности крупнее предшествующих".

Малиновский, 1902, с. 91.

Апреля 15 <н.ст. 1847>. Неаполь.

"Скажу вам не шутя, что я болею незнанием многих вещей в России, которые мне необходимо нужно знать. Я болею незнанием, что такое нынешний русский человек на разных степенях своих мест, должностей и образований. Все сведения, которые я приобрел доселе с неимоверным трудом, мне недостаточны для того, чтобы "Мертвые души" мои были тем, чем им следует быть. Вот почему я с такою жадностью хочу знать толки всех людей о моей нынешней книге, не выключая и лакеев. Собственно не ради книги моей, но ради того, что в суждении о ней высказывается сам человек, произносящий суждение. Мне вдруг видится в этих суждениях, что такое он сам, на какой степени своего душевного образования или состоянья стоит, как проста, добра или как невежественна или как развращена его природа. Книга моя в некотором отношении пробный оселок, и поверьте, что ни на какой другой книге вы не пощупали бы в нынешнее время так удовлетворительно, что такое нынешний русский человек, как на этой <...>.

Мне также нужна публичная оплеуха и даже, может быть, более, чем кому-либо другому. Но дело в том, что обстоятельствами нужно пользоваться: Бог высыпал вдруг целую грудку сокровищ, их нужно подбирать обеими руками. Если вы хотите сделать мне истинно<е> добро, какое способен делать христианин, подбирайте для меня эти сокровища, где найдете. Что вам стоит понемногу, в

виде журнала, записывать всякий день хотя, положим, в таких словах: "Сегодня я услышал вот какое мнение; говорил его вот какой человек; жизни он следующей; характера следующего (словом, в беглых чертах портрет его); если ж он незнакомец, то: жизни его я не знаю, но думаю, что он вот что, с вида же он казист и приличен (или неприличен); держит руку вот как; сморкается вот как; нюхает табак вот как". Словом, не пропуская ничего того, что видит глаз, от вещей крупных до мелочей. Поверьте, что это будет совсем не скучно. Тут не нужно ни плана, ни порядка, просто две-три строчки перед тем, как идти умываться. Я даже уверен, что это будет вам приятно, потому что вас будет улаживать постоянно мысль, что вы это делаете для человека, вас очень любящего, которому это будет так радостно, как радостно ребенку получать перед праздником наилюбимейшую игрушку. Что ж делать, если эта, по-видимому, игрушка в глазах других для меня совсем не игрушка; это в такой степени не игрушка, что если я не наберусь в достаточном количестве этих игрушек, у меня в "Мертвых душах" может высунуться на место людей мой собствен<ный> нос, и покажется именно всё то, что вам неприятно было встретить в моей книге. Поверьте, что без выхода нынешней моей книги никак бы я не достигнул той безыскусственной простоты, которая должна необходимо присутствовать в других частях "М<ертвых> д<уш>", дабы назвал их всяк верным зеркалом, а не карикатурой. Вы не знаете того, какой большой крюк нужно сделать для того, чтобы достигнуть этой простоты. Вы не знаете того, как высоко стоит простота. Об этом предмете лучше и не рассуждать, а просто помогите <...>.

Поверьте, что всё можно сказать, если только сумеешь умно сказать. Неуспех самых великодушных и благодетельных действий происходит собственно от неразумия нашего. Именно от того, что беспрестанно позабываем умную поговорку: "Тех же щей, да пожиге влей". Если на место самоуверенного и гордого совета, произносимого с тоном человека, не думающего, что он может ошибиться, явится просто скромное мнение, – та же мысль пойдет в ход и даже будет принята многими из читающих" (Гоголь – А.О.Россету).

ПСС, т. XIV, с. 279–281.

Мая 6/18.1847. Москва.

"Ты не имеешь способности поправлять, и вместо поправок ты перedefльваешь. Вот почему никогда не распространялся я в

замечаниях для тебя. Я считал их бесполезными. Ты соглашаешься почти со всяким замечанием и полагаешь, что непременно во всяком должна быть истина (это крайность), и если бы предлагать тебе замечания, то первое твоё сочинение было бы и последним и вышло бы по смерти (не такой ли сгиб ума и у <А.А.> Иванова?). Если тебе укажут какое место в сочинении, то ты переделаешь его, но переделанное будет иметь те же достоинства и те же недостатки, и так далее. Следовательно, вместо переделки, лучше писать другое, и вместо одного сочинения выйдет несколько сочинений – в барыше читатели, словесность и автор! Поэтому напрасно откладываешь ты путешествие в Иерусалим – чрез год-де я буду лучше. Напрасно сжег 2-й том "Мертвых душ" – после-де я напишу лучше. Ты напишешь другое, а за что же мы потеряли то? Так Сассо-Феррато оставил сто мадонн вместо одной. Я сравниваю тебя с живописцем, которому указывают недостатки, или сам он видит, а он беспрестанно смазывает написанное и пишет вновь" (М.П.Погодин – Н.В.Гоголю).

ПСС, т. XIV, с. 283–284.

Июля 8 <н.ст. 1847>. Франкфурт.

"Целые два года я почти ничего не в силах был делать: так меня занимало желанье излить перед тобою чистосердечную исповедь свою. Я принимался за перо и всякий раз изнемогал над ним. Исписывались кругом листы, и я видел, что всё это недостаточно дать тебе точное понятие о деле. Я видел, что нужно подымать для этого всё, что ни соединилось с моими самыми тайными и сокровенными помышлениями; я видел, что нужно для этого подымать самые "Мертвые души"... Словом, это была страшная работа. Ничем другим я не в силах был заняться, кроме этого, и всякий раз, изнурившись, выбившись из сил, видя, что изъясненьям конца нет, потому что затем, чтобы объяснить одну струну, надо было поднимать другую, – всякий раз я давал себе слово оставить это и не объяснять себя. И всякий раз вновь тянуло с непреодолимой силой перед тобой изъясниться. Я писал и рвал тогда же исписанное. Это были просто муки Тантала и окончились страшным нервическим расстройством" (Гоголь – М.П.Погодину).

ПСС, т. XIII, с. 338–339.

Августа 12 (24). 1847. Остенде.

"Поеду в Иерусалим, помолюсь, и тогда примемся за дело, рассмотрим рукописи и все обделаем сами лично, а не заочно. А потому до того времени, отобравши все мои листки, отданные

кому-либо на рассмотрение, положи их под спуд и держи до моего возвращения. Не хочу ничего ни делать, ни начинать, покада не совершу моего путешествия и не помолюсь, как хочется мне помолиться, поблагодаря Бога за все, что ни случилось со мною" (Гоголь – П.А.Плетневу).

ПСС, т. XIII, с. 370.

Августа 28 <н.ст. 1847>. Остенде.

"Книга моя есть законный и правильный ход моего образования внутреннего, нужного мне для того, чтобы стать писателем, не мелким и пустым, но почувствовавшим святость и своего звания, как и всех других званий, которые все должны быть святы. Выразилось всё это заносчиво, получило торжественный тон от мысли приближения к такой великой минуте, какова смерть. А дьявол, который надмевает всякого из нас самоуверенностью, раздул до чудовищности кое-какие места. Невоздержание заставило меня издать мою книгу. Видя, что еще не скоро я совладаю с моими "Мертвыми душами", и скорбя истинно о бесхарактерности направления и совершенной анархии в литературе, проводящей время в пустых спорах, я поспешил заговорить о тех вопросах, которые меня занимали и которые готовился развить или создать в живых образах и лицах. Опрометчивая, а по-вашему *несчастливая*, книга вышла в свет. Она меня покрыла позором, по словам вашим. Она мне, точно, позор, но благодарю Бога за этот позор, благодарю за то, что попустил он явиться ей в свет. Не увидел бы я без ней ни неряшества моего, ни самоослепления, ни многого того, чего не хочет видеть в себе человек; не изъяснилось бы без нее много того, что мне необходимо нужно знать для моих "Мертвых душ", и не узнал бы <я> ни в каком состоянии находится наше общество, ни какие образы, характеры, лица ему нужны, и что именно следует поэту-художнику избрать ныне в предмет творения своего" (Гоголь – С.Т.Аксакову).

ПСС, т. XIII, с. 374–375.

Августа <31 н.ст. 1847>. Остенде.

"Чтобы вам сделалось сколько-нибудь понятно мое положение, скажу вам, что в небольшое время прожитой мной жизни мне случилось сделать много тесных душевных связей, основанных не на каких-нибудь расчетах житейских, но на познании души человеческой, связей, доставивших мне случай вкусить высшее наслаждение – любоваться красотой *души*, которая есть перл и жемчужина божьих творений. Я ловил все оттенки ее и движенья,

разбросанные по частям во многих из тех людей, с которыми я встречался душевно. (Плод этого наблюдения вы, может быть, встретите в "Мертвых душах", если Бог поможет как следует им написаться.) Не мудрено, что связи с людьми стали для меня очень чувствительны, и сердце мое, заключа более нежных оттенков в себе самом, стало чутко и способней любить людей вообще. А потому можете почувствовать сами, каково мне было получить вдруг множество писем, ударивших по многим таким струнам, которые и не существуют в другом человеке, увидеть вихорь недоразумений, обуявших всех и многих вовсе сбивший с толку, услышать упреки такие, которыми я бы не имел духу попрекнуть и наипрезрнейшего человека, и увидеть такое грубое незнание души даже и у тех, которые имели сами нежную и добрую душу <...>.

В издании моей книги я никак не раскаиваюсь и благодарю Бога, ее допустившего. Без этой книги не пощупать бы мне ни самого себя, ни людей и не пополнить бы никогда всех тех сведений даже в *психологическом отношении*, которые мне необходимы для "Мерт<вых> душ". И цель моего путешествия к святым местам теперь уже та, чтобы поблагодарить Бога прежде всего за всё со мной случившееся" (Гоголь – П.В.Анненкову).

ПСС, т. XIII, с. 377, 378.

Декабря 2 <н.ст. 1847>. Неаполь.

"На замечанье твое, что "Мертвые души" разойдутся вдруг, если явится второй том, и что все его ждут, скажу то, что это совершенная правда; но дело в том, что написать второй <том> совсем не безделица. Если ж иным кажется это дело довольно легким, то, пожалуй, пусть соберутся да и напишут его сами, совокупясь вместе, а я посмотрю, что из этого выйдет. Мне нужно будет очень много посмотреть в России самолично вещей, прежде чем приступить ко второму тому. Теперь уже стыдно будет дать промах. Ты видишь (или, по крайней мере, должен видеть более прочих), что предмет не безделица и что беда, не будучи вполне готовым и состроившимся, приняться за это дело. Сделавши это дело хорошо, можно принести им большую пользу; сделавши же дурно, можно принести *вред*. Если и нынешняя моя книга, "Переписка" (по мнению даже неглупых людей и приятелей моих), способна распространить *ложь* и *безнравственность* и имеет свойство увлечь, то сам посуди, во сколько раз больше я могу увлечь и распространить ложь, если выступлю на сцену с моими живыми образами. Тут ведь я буду посильнее, чем в "Переписке".

Там можно было разбить меня в пух и Павлову, и барону Розену, а здесь вряд ли и Павловым, и всяким прочим литературным рыцарям и наездникам будет под силу со мной потягаться. Словом, на все эти ребяческие ожидания и требования 2 тома глядеть нечего. Ведь мне же никто не хотел помочь в этом самом деле, которого ждет! Я не могу ни от кого добиться записок его жизни. Записки современника, или, лучше, воспоминанья прежней жизни, с окруженьем всех лиц, с которыми была в соприкосновении его жизнь, для меня вещь бесценная. Если б мне удалось прочесть биографию хотя двух человек, начиная с 1812 года и до сих пор, т.е. до текущего года, мне бы объяснились многие пункты, меня затрудняющие. Но довольно обо всем этом. Бог милостив, и у него всё возможно. Может быть, мне будет дано здоровье, силы и возможность не полагаться ни на кого, высмотреть всё самому" (Гоголь – С.П.Шевыреву).

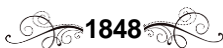
ПСС, т. XIII, с. 398–399.

Декабрь 29. 1847. Генваря 10. 1848. Неаполь.

"Уже давно занимала меня мысль большого сочиненья, в котором бы предстало всё, что ни есть и хорошего и дурного в русском человеке, и обнаружилось бы пред нами видней свойство нашей русской природы. Я видел и обнимал порознь много частей, но план целого никак не мог предо мной выясниться и определиться в такой силе, чтобы я мог уже приняться и начать писать. На всяком шагу я чувствовал, что мне многого недостает, что я не умею еще ни завязывать, ни развязывать событий и что мне нужно выучиться постройке больших творений у великих мастеров. Я принялся за них, начиная с нашего любезного Гомера. Уже мне показалось было, что я начинаю кое-что понимать и приобретать даже их приемы и замашки, – а способность творить всё не возвращалась. От напряженья болела голова. С большими усилиями удалось мне кое-как выпустить в свет первую часть "Мертвых душ", как бы затем, чтобы увидеть на ней, как я был еще далек от того, к чему стремился. После этого нашло на меня вновь безблагодатное состояние. Изгрызалось перо, раздражались нервы и силы – и ничего не выходило. Я думал, что уже способность писать просто отнялась от меня. И вдруг болезни и тяжкие душевные состоянья, оторвавши меня разом от всего и даже от самой мысли об искусстве, обратили к тому, к чему прежде, чем сделался писатель, уже имел я охоту: к наблюденью внутреннему над человеком и над *душой человеческой*. О, как глубже перед тобой раскрывается это

познание, когда начнешь дело с собственной своей души! На этом-то пути поневоле встретишься *ближе* с тем, который один из всех, доселе бывших на земле, показал в себе полное познание души человеческой; божественность которого если бы даже и отвергнул мир, то уж этого последнего свойства никак не в силах отвергнуть, разве только в таком случае, когда сделается уже не *слеп*, а просто *глуп*. Этим крутым поворотом, происшедшим не от моей воли, наведен я был заглянуть глубже в душу вообще и узнать, что существуют ее высшие степени и явления. С этих пор способность творить стала пробуждаться; живые образы начинают выходить ясно из мглы; чувствую, что работа пойдет, что даже и язык будет правилен и звучен, а слог окрепнет... Что касается до меня, то, отложивши всё прочее на будущее время (когда Бог удостоит быть достойным сколько-нибудь того), хочу заняться крепко "Мерт<выми> душами" (Гоголь – В.А.Жуковскому).

ПСС, т. XIV, с. 35–36, 38.

<Март. 1848>.

"... занимаясь обработкой второй части "Мертвых душ" в Москве, он [Н.В.Гоголь – Г.С.] пишет старому своему товарищу, уже упомянутому Н.Я.Прокоповичу, что труду его мешают, во-первых, недуги, а во-вторых – отражение на авторе всех невыгодных влияний шаткого переходного времени, в которое он живет. Итак, ужас и негодование, возбужденные в Гоголе одним намеком на то, что эпоха эта может быть названа переходною, миновались совершенно через четыре года, да и не только миновались, но сама мысль признана еще неоспоримой истиной, на основании личного опыта. Вот это замечательное место письма, с которого я тогда же снял точную копию, конечно, не объясняя никому причин, почему я считаю его особенно важным".

"*Марта 29 <1848> Москва.* Болезни приостановили мои занятия "Мертвыми душами", которые пошли было хорошо. Может быть – болезнь, а может быть – и то, что как поглядишь, какие глупые настают читатели, какие бестолковые ценители, какое отсутствие вкуса... просто не поднимаются руки. *Странное дело, хоть и знаешь, что труд твой не для какой-нибудь переходной современной минуты, а все-таки современное неустройство отнимает нужное для нее спокойствие.*"

Как далеко стоит это признание от восклицания: "Злой дух только мог подшепнуть вам мысль, что вы живете в каком-то переходящем веке, когда все усилия и труды должны пропасть без отзвука в потомстве..." – Увы! Как еще положение это ни казалось опрометчиво, заносчиво и ложно, сказанное неловко и не вовремя, сам Гоголь, страстно опровергавший его, испытал еще сомнение в пользе своих усилий и трудов для потомства, – сомнение, результатом которого было, как известно, сожжение второй части "Мертвых душ". Если бы дело состояло тогда в его власти, то результатом этого настроения могло бы быть и нечто большее – именно сожжение всех его трудов вообще. Правда, тут примешалась, душевная болезнь, патологическое состояние мозговых органов, – но разве переходные эпохи именно и не отличаются этими болезнями, которые сами суть не что иное, как произведение глупой борьбы начал в глубине души в мысли каждого развитого человека.

Со всем тем мне легко сознаться теперь и повторить, что замечание о бесплодности трудов, предпринятых в переходное, время, которым я погрешил тогда и которое вызвало такие недоразумения, было вполне необдуманно и ложно в основании. Ни деятельность Гоголя, ни деятельность самого Белинского, а также и людей 40-х годов вообще из обоих лагерей наших не остались без следа и влияния на ближайшее потомство, да найдут, по всем вероятностям, еще не один отголосок и в более отдаленных от нас поколениях. Это убеждение только и могло вызвать составление настоящих "Воспоминаний" (П.В.Анненков).

ГВС, 1952, с. 335–336.

Мая 16. <1848>. Деревня Васильевка.

Сообщает о своем путешествии к Святым местам, что "мысль о моем древнем труде, о сочинении не оставляет. Всё мне так же, как и прежде, хочется так произвести его, чтоб оно имело доброе влияние, чтоб образумились многие и обратились бы к тому, что должно быть вечно и незыблемо" (Гоголь – Н.Н.Шереметевой).

ПСС, т. XIV, с. 68.

Мая 12. 1848. Деревня Васильевка.

"О себе скажу то, что еле-еле осматриваюсь. Вижу предметы вокруг меня как бы сквозь какую-то мглу. Многое для меня покуда задача. Боюсь предаться собственным заключениям, чувствуя, что

малейшей торопливостью и опрометчивостью могу наделать больше вреда, чем всякой иной писатель" (Гоголь – М.П.Погодину).

ПССП, т. XV, с. 76.

Июня 8. <1848>. Деревня Васильевка.

"Я еще ни за что не принимался. Покуда отдыхаю от дороги. Брался было за перо, но или жар утомляет меня, или я всё еще не готов. А между тем чувствую, что, может, еще никогда не был так нужен труд, составляющий предмет давних обдумываний моих и помышлений, как в нынешнее время. Хоть что-нибудь вынести на свет и сохранить от этого всеобщего разрушенья – это уже есть подвиг всякого честного гражданина" (Гоголь – П.А.Плетневу).

ПСС, т. XIV, с. 71.

Июня 15. 1848. Полтава.

"Вот уже месяц как я на родине [в Васильевке – Г.С.], где кажется мне покуда несколько пусто, хотя, сам не знаю, отчего; ничего не мыслится и не пишется; голова тупа. Вокруг засухи и холера" (Гоголь – С.П.Шевыреву).

ПСС, т. XIV, с. 75.

Июня 15. 1848. Полтава.

"Еще не принимался сурьезно ни за что и отдыхаю с дороги, но между тем внутренне молюсь и собираю силы на работу" (Гоголь – В.А.Жуковскому).

ПСС, т. XIV, с. 74.

Сентябрь–октябрь. 1848

"Когда Гоголь приехал из Малороссии в Москву (в сентябре 1848 года), я был в деревне и только в октябре переселился в город. В тот же вечер [14 октября 1848. – Г.С.] пришел к нам Гоголь, и мы увиделись с ним после шестилетней разлуки. В непродолжительном времени восстановились между нами прежние, как бы прерванные, нарушенные продолжительною разлукою отношения; но об его книге и втором томе "Мертвых душ" не было и помину" (С.И.Аксаков).

Кулиш, 1856, т. 2, с. 222; Аксаков С., 1960, с. 196.

Сентября 7. 1848.

Гоголь возвратился в Москву и начал работу над II томом. Труд над "Мертвыми душами" вступил в новый фазис.

Кулиш, 1856, т. 2, с. 207.

Октября 29. 1848.

Гоголь интересуется лекциями по истории русской литературы, которые В.А.Соллогуб начал читать своей жене и свояченице А.М.Виельгорской и выражает желание принять участие в чтении этих лекций, начав со второго тома "Мертвых душ". "<...> всякий сколько-нибудь талантливый человек имеет свое оригинальное, собственно ему принадлежащее, чутье, вследствие которого он видит целую сторону, другим не примеченную. Вот почему мне хотелось бы сильно, чтобы наши лекции с вами начались 2-м томом "Мертвых душ".

После них легче и свободнее было бы душе моей говорить о многом. Много сторон русской жизни еще доселе не обнаружено ни одним писателем. Хотел бы я, чтобы по прочтении моей книги люди всех партий и мнений сказали: "Он знает, точно, русского человека. Не скрывши ни одного нашего недостатка, он глубже всех почувствовал наше достоинство". Хотелось бы также заговорить о том, о чем еще со дня младенчества любила задумываться моя душа, о чем неясные звуки и намеки были уже рассеяны в самых первоначальных моих сочиненьях. Их не всякий заметил..." (Гоголь – А.М.Виельгорской).

ПСС, т. XIV, с. 92.

Октября 29. 1848. Москва.

"Я еще не тружусь так, как бы хотел, чувствуется некоторая слабость, еще нет этого благодатного расположения духа, какое нужно для того, чтобы творить. Но душа кое-что чувствует, и сердце исполнено трепетного ожидания этого желанного времени" (Гоголь – А.М.Виельгорской).

ПСС, т. XIV, с. 91.

Ноября 18. <1848>. Москва.

"... принимаюсь серьезно обдумывать тот труд, для которого дал Бог средства и силы..." (Гоголь – А.О.Смирновой).

ПСС, т. XIV, с. 97.

Ноября 20. <1848>. Москва.

"О себе покуда могу сказать немного: соображаю, думаю и обдумываю второй том "М<ертвых> д<уш>". Читаю преимущественно то, где слышится сильней присутствие русского духа. Прежде, чем примусь серьезно за перо, хочу называться русскими

звуками и речью. Боюсь нагрешить противу языка" (Гоголь – П.А.Плетневу).

ПСС, т. XIV, с. 98–99.

Ноября 29. 1848. Москва.

"Гоголь у нас по-прежнему бывает так часто; он веселее и разговорчивее, нежели был прежде; говорит откровенно и о своей книге, и вообще стал проще, как все находят. Он твердо намерен продолжать "Мертвые души" (В.С.Аксакова – М.Г.Карташевой).

Аксаков С., 1960, с. 197.

<Октябрь–ноябрь 1848>.

"Гоголь жил у Погодина, занимаясь, как он говорил, вторым томом "Мертвых душ". Щепкин почти ежедневно отправлялся на беседу с ним. "Раз, – говорит он, – прихожу к нему и вижу, что он сидит за письменным столом такой веселый. – "Как ваше здравие? Заметно, что вы в хорошем расположении духа". – "Ты угадал; поздравь меня: кончил работу". Щепкин от удовольствия чуть не пустился в пляс и на все лады начал поздравлять автора. Прощаясь, Гоголь спрашивает Щепкина: "Ты где сегодня обедаешь?". – "У Аксаковых". – "Прекрасно, и я там же". Когда они сошлись в доме Аксакова, Щепкин, перед обедом, обращаясь к присутствующим, говорит: – "Поздравьте Николая Васильевича. Он кончил вторую часть "Мертвых душ". Гоголь вдруг вскакивает: – "Что за вздор! От кого ты это слышал?" Щепкин пришел в изумление. – "Да от вас самих; сегодня утром вы мне сказали". – "Что ты, любезный, перекрестись; ты, верно, белены объелся или видел во сне". Снова спрашивается: чего ради солгал человек? Зачем отперся от своих собственных слов?" (А.Д.Галахов).

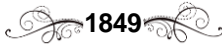
Галахов, 1892, т. II, с. 405.

<1848>.

"Я спросил Гоголя, чем именно должны кончиться "Мертвые души". Он, задумавшись, выразил свое затруднение высказать это с обстоятельностью. Я возразил, что мне только нужно знать, оживет ли, как следует, Павел Иванович? Гоголь как будто с радостью подтвердил, что это непременно будет и оживлению его послужит прямым участием сам царь, и первым вздохом Чичикова для истинной прочной жизни должна кончиться поэма. В изъяснении этой он несколько распространился, но, опасаясь за неточность припоминания подробностей, ничего не говорю об этих его речах. – "А прочие спутники Чичикова в "Мертвых душах"? – спро-

сил я Гоголя: – и они тоже воскреснут?" – "Если захотят" – ответил он с улыбкой и потом стал говорить, как необходимо далее провести ему своих героев к столкновению с истинно хорошими людьми, и проч., и проч." (Архимандрит Феодор).

Арх. Феодор, 1848, с. 138.

<Зима. 1848–1849>.

"Из писем его к друзьям видно, что он работал в это время unsuccessfully... Я же думал, напротив, что труд его продвигается вперед хорошо, потому что сам он был довольно весел... Я в этом, как вижу теперь, ошибался, но вот, что верно: я никогда не видал Гоголя так здоровым, крепким и бодрым физически, как в эту зиму, т.е. в декабре 1848 и в январе и феврале 1849 года" (С.Т.Аксаков).

Тихонравов, 1889, т. III, с. 553.

Февраля 16. 1849. Анненское.

"У нас тут много слухов на твой счет: говорят, что ты уже напечатал вторую часть "Мертвых душ", чему я не верю, пока не буду иметь экземпляра в собственных руках" (А.С.Данилевский – Н.В.Гоголю).

ПССП, т. XV, с. 162.

Февраля 25. <1849. Москва>.

"Насчет II тома "Мертвых душ" могу сказать только то, <что> еще не скоро ему до печати. Кроме того, что сам автор не подготовил его к печати, не такое время, чтобы печатать что-либо, да я думаю, что и самые головы не в таком состоянии, чтобы уметь читать спокойное художественное творенье" (Гоголь – А.С.Данилевскому).

ПСС, т. XIV, с. 107.

Марта 30. <1849. Москва>.

"Работа моя шла как-то вяло, туго и мало оживлялась благодатным огнем вдохновения" (Гоголь – А.М.Вильегорской).

ПСС, т. XIV, с. 111.

Апреля 3. <1849. Москва>.

"Не могу понять, отчего не пишется и отчего не хочется говорить ни о чем. Может быть, оттого, что не стало наконец ничего любопытного на свете. Нет известий. Только и есть одно известие, которое ежеминутно мы должны сообщать друг другу: это, что Христос воскрес. Та же недвижность и в моих литературных

занятия. Я ничего не издал в свет и ничего не готовлю; что и приуговляю, то идет медленно и не может никак выйти скоро, и Бог один знает, когда выйдет. Отчего, зачем нашло на меня такое оцепенение, этого не могу понять" (Гоголь – В.А.Жуковскому).

ПСС, т. XIV, с. 117.

Апреля 3. <1849. Москва>.

"Хоть и не так живу, как бы хотел. Хоть и не так тружусь, как бы следовало, но спасибо Богу и за это" (Гоголь – П.А.Плетневу).

ПСС, т. XIV, с. 119.

Мая 14. 1849. Москва.

"Жду нетерпеливо прочесть тебе все, что среди колебаний и тревог удалось создать" (Гоголь – В.А.Жуковскому).

ПСС, т. XIV, с. 124.

Мая 16. 1849. Москва.

"Очень благодарен за ваши замечания. О детстве Чичикова я думал уже сам, предполагая напереть особенно на эту сторону при третьем (исправленном) издании. Вследствие замечаний ваших приму к соображенью и многое другое.

Под именем добродетельных людей я разуме<л> лучших людей. Тут была с моей стороны неточность выраженья. Наме- ренье мое было показать, как и лучшие люди могут вредить не хуже худших, если не легло в основанье их характеров главное, то, что проще и ближе ставит человека к исполненью обязанностей. Если вам когда-нибудь захочется написать еще что-нибудь – очень меня обяжете" (Гоголь – В.И.Белому).

ПСС, т. XIV, с. 292–293.

Мая 24. <1849. Москва>.

"Приехал я в Москву с тем, чтобы засесть за "Мерт<вые> души", с окончаньем которых у меня соединено было всё и даже средства моего существованья. Сначала работа шла хорошо, часть зимы провелась отлично, потом опять отупела голова; не стало благодатного настроения и высокого размягчения душевного, во время которого вдохновенно совершается работа. И всё во мне вдруг ожесточилось, сердце очерствело. Я впал в досаду, в хандру, чуть не в злость. Не было близких моему сердцу людей, которых бы в это время я не обидел и не оскорбил в припадке какой-то холодной бесчувственности сердца. Я действовал таким

образом, как может только действовать в состоянии безумия человек, и воображая в то же время, что действую умно. Но бог милосерд. Он меня наказал нервическим сильным расстройством, начавшимся с приходом весны, болезнью, которая для меня страшнее всех болезней, после которой, однако же, если я выносил ее покорно и смирялся, наступало почти всегда благодатное расположение. Внезапно растопившаяся моя душа заныла от страшной жестокости моего сердца. С ужасом вижу я, что в нем лежит один эгоизм, что, несмотря на умение ценить высокие чувства, я их не вмещаю в себе вовсе, становлюсь хуже, характер мой портится, и всякий мой поступок уже есть кому-нибудь оскорбление. Мне страшно теперь за себя так, как никогда доселе. Скажу вам, что не один раз в это время я молил заочно и мысленно Анну Миха<й>ловну и вас молиться за меня крепко и крепко. Не знаю, слышали ли это ваши сердца. Но всякий раз, когда я представлял себе мысленно вас обоих, молящихся обо мне, мне становилось легче, и надежда на милосердие божье во мне пробуждалась. Вы спрашиваете меня, что буду делать с собою и куда двинусь. Сам не знаю. Передо мною одно безбрежное море. Чувствую только, что мне нужно куда-нибудь ехать, потому что дорога была бы полезна для нерв моих, куда – не знаю. Не оставляйте меня, добрая моя Софья Михайловна. Одна небольшая весточка о том, что вы делаете теперь все в Павлине, одно описание дня вашего принесет мне много, много утешенья. Если бы вы знали, как вы все до единого стали теперь ближе моему сердцу, чем когда-либо прежде, и когда я воображу себе только, как мы снова увидимся все вместе и я прочту вам мои "М<ертвые> души", дух захватывает у меня в груди от радости. Неврическое ли это расположение или истинное чувство, я сам не могу решить" (Гоголь – гр. С.М.Соллогубу).

ПСС, т. XIV, с. 126, 127.

<Июль. 1849>.

"На пятый день мы переехали в Калугу, в загородный губернаторский дом ...

По приезде в Калугу Гоголь и я поместились во флигеле, в двух комнатках рядом. По утрам Гоголь запирался у себя, что-то писал, всегда стоя, потом гулял по саду один и являлся в гостиную перед самым обедом. Кто знал Гоголя коротко, тот не может не верить его признанию, когда он говорит, что большую часть своих пороков и слабостей он передавал своим героям, осмеивал их в своих повестях и таким образом избавлялся от них навсегда. Я

решительно верю этому наивному откровенному признанию. Гоголь был необыкновенно строг к себе, постоянно боролся с своими слабостями и от этого часто впадал в другую крайность и бывал иногда так странен и оригинален, что многие принимали это за аффектацию и говорили, что он рисуется. Много можно привести доказательств тому, что Гоголь действительно работал всю свою жизнь над собою, и в своих сочинениях осмеивал часто самого себя. Вот, покуда, что известно и чему я был свидетелем. Гоголь любил хорошо поесть и в состоянии был, как Петух, толковать с поваром целый час о какой-нибудь кулебяке; наедался очень часто до того, что бывал болен; о малороссийских варениках и пампушках говорил с наслаждением и так увлекательно, что у мертвого рождался аппетит, в Италии сам бегал на кухню и учился готовить макароны. А между тем очень редко позволял себе такие увлечения и был в состоянии довольствоваться самую скудную пищей, и постился иногда как самый строгий отшельник, а во время говенья почти ничего не ел. Гоголь очень любил и ценил хорошие вещи и в молодости, как сам он мне говорил, имел страстишку к приобретению разных ненужных вещиц: чернильниц, вазочек, пресс-папье и проч. Страсть эта могла бы, без сомнения, развиться в громадный порок Чичикова – хозяина-приобретателя. Но, отказавшись раз навсегда от всяких удобств, от всякого комфорта, отдав свое имение матери и сестрам, он уже никогда ничего не покупал, даже не любил заходить в магазины и мог, указывая на свой маленький чемодан, сказать скорей другого: *omnia mea tecum porto* [Все мое всегда при мне], – потому что с этим чемоданчиком он прожил почти тридцать лет, и в нем действительно было все его достояние. Когда случалось, что друзья, не зная его твердого намерения не иметь ничего лишнего и затейливого, дарили Гоголю какую-нибудь вещь красивую и даже полезную, то он приходил в волнение, делался скучен, озабочен и решительно не знал, что ему делать. Вещь ему нравилась, она была в самом деле хороша, прочна и удобна; но для этой вещи требовался и приличный стол, необходимо было особое место в чемодане, и Гоголь скучал все это время, покуда продолжалась нерешительность, и успокаивался только тогда, когда дарил ее кому-нибудь из приятелей. Так в самых безделицах он был тверд и непоколебим. Он боялся всякого увлечения. Раз в жизни удалось ему скопить небольшой капитал, кажется, в 5000 р. с., и он тотчас же отдает его, под большою тайною, своему приятелю профессору для раздачи бедным студентам, чтобы не иметь никакой

собственности и не получить страсти к приобретению; а между тем через полгода уже сам нуждается в деньгах и должен прибегнуть к займам. Вот еще один пример. Глава первого тома "Мертвых душ" оканчивается таким образом: один капитан, страстный охотник до сапогов, полежит, полежит и соскочит с постели, чтобы примерить сапоги и походить в них по комнате, потом опять ляжет и опять примеряет их. Кто поверит, что этот страстный охотник до сапогов не кто иной, как сам Гоголь? И он даже нисколько не скрывал этого и признавался в этой слабости, почитая слабостью всякую привычку, всякую излишнюю привязанность к чему бы то ни было. В его маленьком чемодане всего было очень немного, и платья и белья ровно столько, сколько необходимо, а сапогов было всегда три, часто даже четыре пары, и они никогда не были изношены. Очень может быть, что Гоголь тоже, оставаясь у себя один в комнате, надевал новую пару и наслаждался, как и тот капитан, формой своих сапогов, а после сам же смеялся над собою.

Через неделю с небольшим после нашего приезда в Калугу в одно утро я захотел войти к сестре моей в кабинет; но мне сказали, что там Гоголь читает свои сочинения и что сестра просила, по желанию Гоголя, никого не впускать к ней. Постояв у дверей, я действительно услышал чтение Гоголя. Оно продолжалось до обеда. Вечером сестра рассказывала мне, что Гоголь прочел ей несколько глав из второго тома "Мертвых душ" и что все им прочитанное было превосходно. Я, разумеется, просил ее уговорить Гоголя допустить и меня к слушанию; он сейчас же согласился, и на другой день мы собрались для этого в одиннадцать часов утра, на балконе, уставленном цветами. Сестра села за пядьцы, я покойно поместился в кресле против Гоголя, и он начал читать нам сначала ту первую главу второго тома, которая вышла в свет после его смерти уже. Сколько мне помнится, она начиналась иначе и вообще была лучше обработана, хотя содержание было то же. Хохотом генерала Бетрищева оканчивалась эта глава, а за нею следовала другая, в которой описан весь день в генеральском доме. Чичиков остался обедать. К столу явились, кроме Уленьки, еще два лица: англичанка, исправлявшая при ней должность гувернантки, и какой-то испанец или португалец, проживавший у Бетрищева в деревне с незапамятных времен и неизвестно для какой надобности. Первая была девица средних лет, существо бесцветное, некрасивой наружности, с большим тонким носом и необыкновенно быстрыми глазами. Она держалась прямо, молчала по целым дням и только беспрерывно вертела глазами в разные

стороны с глупо-вопросительным взглядом. Португалец, сколько я помню, назывался Экспантон, Хситендон или что-то в этом роде; но помню твердо, что вся дворня генерала называла его просто – Эскадрон. Он тоже постоянно молчал, но после обеда должен был играть с генералом в шахматы. За обедом не произошло ничего необыкновенного. Генерал был весел и шутил с Чичиковым, который ел с большим аппетитом; Уленька была задумчива, и лицо ее оживлялось только тогда, когда упоминали о Тентетникове. После обеда генерал сел играть с испанцем в шахматы и, подвигая шашки вперед, непрерывно повторял: "Полюби нас беленькими..." "Черненькими, ваше превосходительство", – перебивал его Чичиков. "Да, повторял генерал, полюби нас черненькими, а беленькими нас сам господь бог полюбит". Через пять минут он опять ошибался, и начинал опять: "Полюби нас беленькими" и опять Чичиков поправлял его, и опять генерал, смеясь, повторял: "Полюби нас черненькими, а беленькими нас сам господь бог полюбит". После нескольких партий с испанцем генерал предложил Чичикову сыграть одну или две партии, и тут Чичиков выказал необыкновенную ловкость. Он играл очень хорошо, затруднял генерала своими ходами, и кончил тем, что проиграл; генерал был очень доволен тем, что победил такого сильного игрока, и еще более полюбил за это Чичикова. Прощаясь с ним, он просил его возвратиться скорее и привезти с собою Тентетникова. Приехав к Тентетникову в деревню, Чичиков рассказывает ему, как грустна Уленька, как жалеет генерал, что его не видит, что генерал совершенно раскаивается и, чтобы кончить недоразумение, намерен сам первый к нему приехать с визитом и просить у него прощения. Все это Чичиков выдумал. Но Тентетников, влюбленный в Уленьку, разумеется, радуется предлогу и говорит, что если все это так, то он не допустит генерала до этого, а сам завтра же готов ехать, чтобы предупредить его визит. Чичиков это одобряет, и они условливаются ехать вместе на другой день к генералу Бетрищеву. Вечером того же дня Чичиков признается Тентетникову, что соврал, рассказав Бетрищеву, что будто бы Тентетников пишет историю о генералах. Тот не понимает, зачем это Чичиков выдумал, и не знает, что ему делать, если генерал заговорит с ним об этой истории. Чичиков объясняет, что и сам не знает, как это у него сорвалось с языка; но что дело уже сделано, а потому убедительно просит его, ежели он уже не намерен лгать, то чтобы ничего не говорил, а только бы не отказывался решительно от этой истории, чтоб его не скомпрометировать перед генералом. За этим следует

поездка их в деревню генерала; встреча Тентетникова с Бетрищевым, с Уленькой и наконец обед. Описание этого обеда, по моему мнению, было лучшее место второго тома. Генерал сидел посередине, по правую его руку Тентетников, по левую Чичиков, подле Чичикова Уленька, подле Тентетникова испанец, а между испанцем и Уленькой англичанка; все казались довольны и веселы. Генерал был доволен, что помирился с Тентетниковым и что мог поболтать с человеком, который пишет историю отечественных генералов; Тентетников – тем, что почти против него сидела Уленька, с которою он по временам встречался взглядами; Уленька была счастлива тем, что тот, кого она любила, опять с ними и что отец опять с ним в хороших отношениях, и наконец Чичиков был доволен своим положением примирителя в этой знатной и богатой семье. Англичанка свободно вращала глазами, испанец глядел в тарелку и поднимал свои глаза только тогда, как вносили новое блюдо. Приметив лучший кусок, он не спускал с него глаз во все время, куда блюдо обходило кругом стола или куда лакомый кусок не попадал к кому-нибудь на тарелку. После второго блюда генерал заговорил с Тентетниковым о его сочинении и коснулся 12-го года. Чичиков струхнул и со вниманием ждал ответа. Тентетников ловко вывернулся. Он отвечал, что не его дело писать историю кампании, отдельных сражений и отдельных личностей, игравших роль в этой войне, что не этими геройскими подвигами замечателен 12-й год, что много было историков этого времени и без него; но что надобно взглянуть на эту эпоху с другой стороны: важно, по его мнению, то, что весь народ встал как один человек на защиту отечества; что все расчеты, интриги и страсти умолкли на это время; важно, как все сословия соединились в одном чувстве любви к отечеству, как каждый спешил отдать последнее свое достояние и жертвовал всем для спасения общего дела; вот что важно в этой войне и вот что желал он описать в одной яркой картине, со всеми подробностями этих невидимых подвигов и высоких, но тайных жертв! Тентетников говорил довольно долго и с увлечением, весь проникнулся в эту минуту чувством любви к России. Бетрищев слушал его с восторгом, и в первый раз такое живое, теплое слово коснулось его слуха. Слеза, как бриллиант чистейшей воды, повисла на седых усах. Генерал был прекрасен; а Уленька? Она вся впилась глазами в Тентетникова, она, казалось, ловила с жадностию каждое его слово, она, как музыкой, упивалась его речами, она любила его, она гордилась им! Испанец еще более потупился в тарелку, англичанка с глупым

видом оглядывала всех, ничего не понимая. Когда Тентетников кончил, водворилась тишина, все были взволнованы... Чичиков, желая поместить и свое слово, первый прервал молчание. "Да, – сказал он, – страшные холода были в 12-м году!" – "Не о холодах тут речь", – заметил генерал, взглянув на него строго. Чичиков сконфузился. Генерал протянул руку Тентетникову и дружески благодарил его; но Тентетников был совершенно счастлив тем уже, что в глазах Уленьки прочел себе одобрение. История о генералах была забыта. День прошел тихо и приятно для всех. – После этого я не помню порядка, в котором следовали главы; помню, что после этого дня Уленька решила говорить с отцом своим серьезно о Тентетникове. Перед этим решительным разговором, вечером, она ходила на могилу матери и в молитве искала подкрепления своей решимости. После молитвы вошла она к отцу в кабинет, стала перед ним на колени и просила его согласия и благословения на брак с Тентетниковым. Генерал долго колебался и наконец согласился. Был призван Тентетников, и ему объявили о согласии генерала. Это было через несколько дней после мировой. Получив согласие, Тентетников, вне себя от счастья, оставил на минуту Уленьку и выбежал в сад. Ему нужно было остаться одному, с самим собою: счастье его душило!.. Тут у Гоголя были две чудные лирические страницы. – В жаркий летний день, в самый полдень, Тентетников – в густом, тенистом саду, и кругом его мертвая, глубокая тишина. Мастерскою кистью описан был этот сад, каждая ветка на деревьях, палящий зной в воздухе, кузнечики в траве и все насекомые, и наконец все то, что чувствовал Тентетников, счастливый, любящий и взаимно любимый! Я живо помню, что это описание было так хорошо, в нем было столько силы, колорита, поэзии, что у меня захватывало дыхание. Гоголь читал превосходно! В избытке чувств, от полноты счастья, Тентетников плакал и тут же поклялся посвятить всю свою жизнь своей невесте. В эту минуту в конце аллеи показывается Чичиков. Тентетников бросился к нему на шею и благодарит его. "Вы мой благодетель, вам обязан я моим счастьем; чем могу возблагодарить вас?.. всей моей жизни мало для этого..." У Чичикова в голове тотчас блеснула своя мысль: "Я ничего для вас не сделал, это случай, – отвечал он, – я очень счастлив, но вы легко можете отблагодарить меня!" – "Чем, чем? – повторил Тентетников. – Скажите скорее, и я все сделаю". Тут Чичиков рассказывает о своем мнимом дяде, о том, что ему необходимо хотя на бумаге иметь триста душ. "Да зачем же непременно мертвых?" – говорит

Тентетников, не хорошо понявший, чего, собственно, добивается Чичиков. "Я вам на бумаге отдам все мои триста душ, и вы можете показать наше условие вашему дядюшке, а после, когда получите от него имение, мы уничтожим купчую". Чичиков остолбенел от удивления! "Как, вы не боитесь сделать это?.. Вы не боитесь, что я могу вас обмануть... употребить во зло ваше доверие?" Но Тентетников не дал ему кончить. "Как? – воскликнул он, – сомневаться в вас, которому я обязан более чем жизнью!" Тут они обнялись, и дело было решено между ними. Чичиков заснул сладко в этот вечер. На другой день в генеральском доме было совещание, как объявить родным генерала о помолвке его дочери, письменно или через кого-нибудь, или самим ехать. Видно, что Бетрищев очень беспокоился о том, как примут княгиня Зююкина и другие знатные его родные эту новость. Чичиков и тут оказался очень полезен: он предложил объехать всех родных генерала и известить о помолвке Уленьки и Тентетникова. Разумеется, он имел в виду при этом все те же мертвые души. Его предложение принято с благодарностию. Чего лучше? думал генерал, он человек умный, приличный; он сумеет объявить об этой свадьбе таким образом, что все будут довольны. Генерал для этой поездки предложил Чичикову дорожную двухместную коляску заграничной работы, а Тентетников четвертую лошадь. Чичиков должен был отправиться через несколько дней. С этой минуты на него все стали смотреть в доме генерала Бетрищева, как на домашнего, как на друга дома. Вернувшись к Тентетникову, Чичиков тотчас же позвал к себе Селифана и Петрушку и объявил им, чтоб они готовились к отъезду. Селифан в деревне Тентетникова совсем изленился, спился и не походил вовсе на кучера, а лошади совсем оставались без присмотра. Петрушка же совершенно предался волокитству за крестьянскими девками. Когда же привезли от генерала легкую, почти новую коляску и Селифан увидел, что он будет сидеть на широких козлах и править четырьмя лошадьми в ряд, то все кучерские побуждения в нем проснулись и он стал с большим вниманием и с видом знатока осматривать экипаж и требовать от генеральских людей разных запасных винтов и таких ключей, каких даже никогда и не бывает. Чичиков тоже думал с удовольствием о своей поездке: как он разляжется на эластических с пружинами подушках, и как четверня в ряд понесет его легкую, как перышко, коляску.

Вот все, что читал при мне Гоголь из второго тома "Мертвых душ". Сестре же моей он прочел, кажется, девять глав. Она

рассказывала мне после, что удивительно хорошо отделано было одно лицо в одной из глав; это лицо: эманципированная женщина-красавица, избалованная светом, кокетка, проведшая свою молодость в столице, при дворе и за границей. Судьба привела ее в провинцию; ей уже за тридцать пять лет, она начинает это чувствовать, ей скучно, жизнь ей в тягость. В это время она встречается с везде и всегда скучающим Платоновым, который также израсходовал всего себя, таскаясь по светским гостиным. Им обоим показалась их встреча в глуши, среди ничтожных людей, их окружающих, каким-то великим счастьем; они начинают привязываться друг к другу, и это новое чувство, им неизвестное, оживляет их; они думают, что любят друг друга, и с восторгом предаются этому чувству. Но это оживление, это счастье было только на минуту, и через месяц после первого признания они замечают, что это была только вспышка, каприз, что истинной любви тут не было, что они и не способны к ней, и затем наступает с обеих сторон охлаждение и потом опять скука и скука, и они, разумеется, начинают скучать в этот раз еще более, чем прежде. Сестра уверяла меня, а С.П.Шевырев подтвердил, что характер этой женщины и вообще вся ее связь с Платоновым изображены были у Гоголя с таким мастерством, что ежели это правда, то особенно жаль, что именно эта глава не дошла до нас, потому что мы все остаемся теперь в том убеждении, что Гоголь не умел изображать женские характеры; и действительно везде, где они являлись в его произведениях, они выходили слабы и бледны. Это было замечено даже всеми критиками.

Когда Гоголь окончил чтение, то обратился ко мне с вопросом. "Ну, что вы скажете? Нравится ли вам?" – "Удивительно, бесподобно! – воскликнул я. – В этих главах вы гораздо ближе к действительности, чем в первом томе; тут везде слышится жизнь, как она есть, без всяких преувеличений; а описание сада – верх совершенства". – "Ну, а не сделаете ли вы мне какого-либо замечания? Нет ли тут вещи, которая бы вам не совсем понравилась?" – возразил снова Гоголь. Я немного подумал и откровенно отвечал ему, что Уленька кажется мне лицом немного идеальным, бледным, неоконченным. "К тому же, – прибавил я, – вы изобразили ее каким-то совершенством, а не говорите между тем, отчего она вышла такую, кто в этом виноват, каково было ее воспитание, кому она этим обязана... Не отцу же своему и глупой молчаливой англичанке". Гоголь немного задумался и прибавил: "Может быть, и так. Впрочем, в последующих главах она выйдет у меня рельеф-

нее. Я вообще не совсем доволен; еще много надо будет дополнить, чтобы характеры вышли покрупнее". Он не был доволен, а мне казалось, что я не выбросил бы ни единого слова, не прибавил ни одной черты: так все было обработано и окончено, кроме одной Уленьки" (Л.И.Арнольди).

ГВС, 1952, с. 480–489.

<1849>.

"В конце лета Гоголь предложил нам собраться в два часа у меня. Граф Алексей Толстой послан был в Калугу с сенатором Давыдовым для ревизии нашей губернии. Он <Гоголь> читал нам первую главу второго тома "Мертвых душ", всякий день в два часа. Тентетников, Вороного-Дрянного, Костанжогло, Петух, какой-то помещик, у которого было все на министерскую ногу, причем он убивал драгоценное время для посева, жнитвы и косьбы и все писал об агрикультуре. Чичиков уже ездил с Платоновым, который от нечего делать присоединился к этому труженику и вовсе не понимал, что значила покупка мертвых душ. Наконец приезд в деревню Чаграновых, где Платонов влюбился в портрет во весь рост этой петербургской львицы. Обед управляющего из студентов с высшими подробностями. Стол был покрыт: хрусталь, серебро, фарфор саксонский. Бедный студент запил и тут высказал то, что тайно подрывало его энергию и жизнь. Сцена так была трагически жива, что дух занимало. Все были в восторге. Когда он читал главу о Костанжогло, я ему сказала: "Дайте хоть кошелек жене его, пусть она шали вяжет". – "А, – сказал он, – вы заметили, что он обо всем заботится, но о главном не заботится" (А.О.Смирнова-Россет).

ГВС, 1952, с. 471.

<Июля после 5. 1849>.

И первое авторское чтение написанного за прошедшую зиму глав состоялось у Смирновой. Гоголь вместе с Л.И.Арнольди выехал 4–5 июля из Москвы.

Гоголь в имении А.О.Смирновой Бегицево Медынского уезда Калужской губ. На пятый день Гоголь вместе с Л.И.Арнольди и Смирновыми переезжает в Калугу в загородный губернаторский дом. Читает А.О.Смирновой, а затем ей, Арнольди, графу А.К.Толстому главы второго тома "Мертвых душ".

ГВС, 1952, с. 480–489.

<Июля. 1849>.

"Граф Алексей Константинович Толстой (поэт), проживая в Калуге, читал моей матери свои произведения, охотился с моим отцом в Бегичеве, и Гоголь тут с ним сошелся. Толстой читал Гоголю первые главы "Князя Серебряного", план трилогии, стихи и былины, а Гоголь читал ему "Мертвые души", второй том. Гоголь очень полюбил А.К.Толстого" (О.Н.Смирнова (дочь А.О.Смирновой)).

РС, 1890, ноябрь, с. 362.

Августа 1. 1849. Калуга.

"Как жаль, что вы так мало пишете о Тентетникове: меня они все очень интересуют, и часто я думаю о Костанжогло и Муразове. Уленьку немного сведите с идеала и дайте работу жене Костанжогло: она уже слишком жалка. А впрочем все хорошо" (А.О.Смирнова – Гоголю).

ПССП, т. XV, с. 255–256.

Гоголь откликнулся на пожелания А.О.Смирновой. "В первой главе второго тома "Мертвых душ" было вычеркнуто несколько строк – эта правка прямо обнаруживает стремление "немного свести с идеала Уленьку". После слов: "... имел дочь, существо невиданное, странное..." – было вычеркнуто: "... которую скорей можно было почесть каким-то фантастическим видением, чем женщиной. Иногда случается человеку во сне увидеть" и т.д. (Примечания к письму А.О.Смирновой – Гоголю от 1 августа 1849).

ПССП, т. XV, с. 542–543.

Августа 7. 1849. Москва.

И.В.Киреевский сообщает о встрече с Гоголем, который сообщил ему, что второй том "Мертвых душ" написан, но на обработку его уйдет еще год (И.В.Киреевский).

РА, 1909, № 5, с. 114.

Августа 8. 1849.

"Гоголя мы видели вчера, второй том "Мертвых душ" написан, но еще не приведен в порядок, для чего ему нужно будет употребить еще год" (И.Киреевский – матери).

РА, 1909, № 5, С. 114.

Августа 19. 1849. Абрамцево.

Гоголь читает Аксаковым 1-ю главу второго тома "Мертвых душ" (В.С.Аксакова – М.Г.Карташевской).

ПССП, т. XVI, с. 636.

Августа 20. 1849. Абрамцево.

В воскресенье 14 августа к Аксаковым приехал Гоголь. "Гоголь обыкновенно все дообеденное время проводил у себя наверху и, по всему вероятно, писал. – После же обеда все время почти в чтении старинных русских писателей..." (В.С.Аксакова – М.Г.Карташевской).

ЛН, т. 58, с. 717.

<Августа 18. 1849. Абрамцево>.

"Лето 1849 года Гоголь провел в разъездах. Долго гостил у Смирновой в ее подмосковной и потом у Шевырева на даче. Наконец, 14 августа Гоголь приехал к нам в подмосковную. Много гулял и забавлялся тем, что, находя грибы, собирал их и подкладывал мне на дорожку, по которой я должен был возвращаться домой. Я почти видел, как он это делал. По вечерам читал с большим одушевлением переводы Мерзлякова древних, особенно гимны Гомера ему нравились. Так шли вечера до 18 числа. Но 18-го вечером Гоголь, сидя на своем обыкновенном месте, вдруг сказал:

– Да не прочесть ли нам главу "Мертвых душ"?

Мы были озадачены его словами и подумали, что он говорит о первом томе "Мертвых душ". Константин даже встал, чтоб принести их сверху, из своей библиотеки; но Гоголь удержал его за рукав и сказал:

– Нет, уж я вам прочту из второго, – и с этими словами вытащил из своего огромного кармана большую тетрадь.

Я не могу передать, что сделалось со всеми нами. Я был совершенно уничтожен. Не радость, а страх, что я услышу что-нибудь недостойное прежнего Гоголя, так смутил меня, что я совсем растерялся. Гоголь был сам сконфужен. Ту же минуту все мы придвинулись к столу, и Гоголь прочел первую главу 2-го тома "Мертвых душ". С первых страниц я увидел, что талант Гоголя не погиб, – и пришел в совершенный восторг. Чтение продолжалось час с четвертью. Гоголь несколько устал и, осыпаемый нашими искренними и радостными приветствиями, скоро ушел наверх, в свою комнату, потому что уже прошел час, в который он обыкновенно ложился спать, т.е. одиннадцать часов.

Я не стану описывать, в каком положении были мы все, особенно я, который считал его талант погибшим.

Тут только мы догадались, что Гоголь с первого дня имел намерение прочесть нам первую главу из второго тома "Мертвых душ", которая одна была отделана, по его словам, и ждал от нас только какого-нибудь вызывающего слова. Тут только припомнили мы, что Гоголь много раз опускал руку в карман и хотел что-то вытащить, и вынимал пустую руку<...>.

На другой день Гоголь требовал от меня замечаний на прочитанную главу; но нам помешали говорить о "Мертвых душах". Он уехал в Москву" (С.Т.Аксаков).

Кулиш, 1856, т. 2, с. 199.

<Августа 19. 1849. Абрамцево>.

"Гоголь прочел первую главу второго тома "Мертвых душ". С первых страниц я увидел, что талант Гоголя не погиб, и пришел в совершенный восторг. Чтение продолжалось час с четвертью... Тут только мы догадались, что Гоголь с первого дня имел намерение прочесть нам первую главу из второго тома "Мертвых душ", которая одна, по его словам, была отделана, и ждал от нас только какого-нибудь вызывающего слова... На другой день Гоголь требовал от меня замечаний на прочитанную главу, но нам помешали говорить о "Мертвых душах". Он уехал в Москву, и я написал к нему письмо, в котором сделал несколько замечаний и указал на особенные, по моему мнению, красоты. Получив мое письмо, Гоголь был так доволен, что захотел видеть меня немедленно. Он нанял карету, лошадей и в тот же день прикатил к нам в Абрамцево. Он приехал необыкновенно весел или, лучше сказать, светел и сейчас сказал: "Вы заметили мне именно то, что я сам замечал, но не был уверен в справедливости моих замечаний. Теперь же я в них не сомневаюсь, потому что то же заметил другой человек, пристрастный ко мне".

Гоголь прожил у нас целую неделю; до обеда раза два выходил гулять, а остальное время работал; после же обеда всегда что-нибудь читали. Мы просили его прочесть следующие главы, но он убедительно просил, чтоб я погодил. Тут он сказал мне, что он прочел уже несколько глав А.О.Смирновой и С.П.Шевыреву, что сам он увидел, как много надо переделать, и что прочтет мне их непременно, когда они будут готовы. 6 сентября Гоголь уехал в Москву вместе с Ольгою Семеновною. Прощаясь,

он повторил ей обещание прочесть нам следующие главы "Мертвых душ" и велел непременно сказать это мне" (С.Т.Аксаков).

Аксаков С., 1960, с. 186–188.

Августа 20. 1849. Москва.

"На другой день [20 августа 1849 – Г.С.] рано поутру я пришел наверх к Гоголю, обнял его и высказал всю мою радость, и Гоголь сказал мне с светящимся, радостным лицом: "Фома неверный". В этот день поутру Гоголь должен был непременно ехать к нашим соседям Путятам, где его дожидался Россет, чтоб вместе с ним ехать в Москву. Мы с Константином поехали его провожать; только что мы отъехали с версту, как Гоголь обратился ко мне и Константину и весьма серьезно сказал: "Ну, говорите же мне теперь все, что вы заметили в первой главе". Мы не были готовы к такому вопросу; только что я начал соображать мои впечатления, как нас догнал нарочный с известием, что к нам приехал Хомяков на самое короткое время и в первый раз. Мы должны были воротиться, что было неприятно Гоголю. На возвратном пути говорили уже совсем о другой материи. Повидавшись с Хомяковым, через полчаса Гоголь уехал один и как-будто не так весел. Мне это было очень досадно. Через несколько дней Константин поехал в Москву. Гоголь требовал от меня замечаний на прочитанную главу, и я написал к нему письмо, в котором откровенно признался ему во всех моих сомнениях, уничтоженных первою главою 2-го тома "Мертвых душ". Тут же я сделал ему несколько замечаний и указал на особенные, по моему мнению, красоты" (И.С.Аксаков – А.О.Смирновой).

Аксаков С., 1960, с. 199–200.

Августа 27. 1849. Радонежье <Абрамцево>.

"Я чувствую душевную потребность сказать вам несколько слов, милый друг Николай Васильевич. Я должен перед вами покаяться. После всего случившегося в течение последних семи лет я, Фома неверный, как вы сами меня назвали, потерял было веру в дальнейшее существование вашего творческого таланта. Мне показалось несовместным ваше духовное направление с искусством. Я ошибся. Слава Богу! Благодарю вас, что вы, наконец, решились рассеять мое заблуждение. Вы знали его; но не знали, как тяжело было мне смотреть на вас, на мнимого страдальца, утратившего плодотворную силу своего творчества, но не потерявшего стремления, необходимости творить. Много

вытерпел я сердечной скорби от моей грубой ошибки. Но теперь все забыто! Слава Богу, я чувствую только одну радость. Талант ваш не только жив, но он созрел. Он стал выше и глубже, что я и сказал вам сейчас после чтения. Может быть, вы хотели бы слышать от меня критическую оценку, но я не могу этого сделать. Я слушал с таким волнением, а сначала и с предубеждением, что подробности впечатлений скоро поглотились одним чувством наслаждения. Притом же я никогда не могу судить верно о подробностях, слушая в первый раз: мне надобно прочесть своим глазом. Но вот что у меня осталось в памяти: 1) Мне показалось, что сначала как-то трудно и тяжело выражались вы. 2) Мне показался несколько длинным и натянутым рассказ об Александре Петровиче. 3) Встреча в деревне крестьянами молодого барина как будто жидка и одностороння. Но я не ручаюсь за верность моих замечаний. Если вы захотите их иметь, то дайте мне тетрадь в руки. – Да подкрепит бог ваше здоровье и благословит окончательные труды ваши: ибо я считаю, что "Мертвые души" написаны и что теперь остается последняя отделка. Я прошу у Бога милости дожить до их появления, при настоящем моем уме и чувствах. Я хочу вполне насладиться не только восстановлением вашей славы, но и полным торжеством вашим на всем пространстве Руси..." (С.Т.Аксаков – Н.В.Гоголю).

ПССП, т. XV, с. 256–257.

Августа 29. 1849 <Абрамцево>.

"... Не могу умолчать перед тобой о том, что нас так порадовало, но это великий секрет.

19 числа Гоголь читал нам первую главу второго тома "Мертвых душ", и, слава Богу, это так хорошо, даже выше и глубже первой части, по общему приговору. Ты можешь себе представить, как мы были обрадованы <...>.

Вечером, после чая, мы воротились в гостиную. Константин уже дремал. Гоголь его подталкивал, будил и сказал: "Прочтемте что-нибудь, хоть бы "Мертвые души". Константин сказал: "Очень рад, сейчас принесу" (он и мы все думали, что Гоголь говорил о первом томе "Мертвых душ"), встал и хотел было уже итти наверх за книгой, но Гоголь сказал: "Да уж лучше я сам вам прочту..." и вытащил из кармана тетрадь. Мы обомлели, едва переводили дыхание от ожидания. Гоголь начал читать первую главу второго тома "Мертвых душ" – первые минуты прошли еще в смутном состоянии и радости, и опасения, что то, что услышим, не будет

иметь достоинства прежних сочинений Гоголя. Но вскоре мы убедились, что опасения наши были напрасны; слава Богу, Гоголь всё тот же, и еще выше и глубже во втором томе..." (В.С.Аксакова – М.Г.Карташевской).

ЛН, т. 58, с. 718–719.

Августа 29. 1849. Абрамцево.

"Не могу больше скрывать от тебя нашу общую радость: Гоголь читал нам первую главу 2 тома "Мертвых душ". "Слава Богу! Талант его стал выше и глубже; мы обещали ему не писать даже и к тебе, но нет сил молчать. Глава огромнейшая. Чтение продолжалось час с четвертью" (С.Т.Аксаков – И.С.Аксакову).

ЛН, т. 58, с. 719.

Августа 30. 1849 г<ода>. Рыбинск.

"Я получил на днях письмо от Александры Осиповны, которой до смерти хочется разболтать свой секрет, но говорит, что не велено, однако же кое-что сообщает. Гоголь читал ей 2-й том "Мертв<ых> душ", не весь, но то, что написано. Она в восторге, хоть в этом отношении она и не совсем судья. "Как жаль, – пишет она, – что я не смею Вам проболтаться о Муразове, Элабуеве, Улиньке, Чаграновой, генерале Быстрищеве..." и еще какая-то фамилия, которую я не мог разобрать. Говорит, что 1-й том перед тем, что написано и что только набросано, совершенно побледнел. – Может быть, Константин и махнет рукой, но я просто освежился этим известием; нужно давно обществу блистание Божьих талантов на этом сером, мутном горизонте. Атмосфере необходимо разрушиться громом, блеском и молнией великолепного Божьего дара!.. Я прошу Смирнову проболтаться совсем. Только вы, чур, молчите. Если это дойдет до Гоголя, то он рассердится на Смирнову и на меня. – Нельзя сердиться на Гоголя, что он Вам не читал "М<ертвых> д<уш>". – Он видит в настоящее время, что Вы и Константин мало заботитесь о его производительности и не ждете от него ничего; даже не видит уважения к прежним проявлениям своего таланта. – Впрочем, я уверен, что Вы, милый отесинька, обрадуетесь этому известию, да и Константин тоже" (И.С.Аксаков – С.Т.Аксакову).

Аксаков И., 1888, т. 2, с. 216.

<1849>.

"Как благодарен я вам, что вы до сих пор не совладали еще с своей женскою слабостью – болтливостью, проболтались и рассказали мне кое-что о 2-м томе "М.Д.", об Улиньке, Хлобуеве, Чаграновой, Быстрищеве, Муразове и Тентетникове!.. Вы меня просто освежили этим известием" (И.С.Аксаков – А.О.Смирновой).

РА, 1895, № 2, с. 437.

Сентября 3. Суббота. 1849. Рыбинск.

"В четверг [1 сентября – Г.С.] получил я ваше письмо от 29 августа. Вот забавно: мы друг другу сообщаем один и тот же секрет! Я говорю о Гоголе. Требование его, чтобы вы не писали о "Мертв<ых> душах" даже мне, совершенно нелепо и не имеет никакого основания, а потому прошу вас и не слушаться его. Напишите мне обо всем подробно; одна ли глава написана или несколько?" (И.С.Аксаков – родным).

Аксаков И., 1888, т. 2, с. 216.

Сентября 8. 1849. Абрамцево.

"... В прошедшую среду <31 августа> (но не вчера), часов в 8 вечера, Гоголь удивил нас своим приездом, который был, вероятно, следствием моего письма к нему о первой главе второго тома "Мертвых душ". Он был так доволен им, что не захотел подождать несколько часов, чтоб ехать вместе с Константином, который в тот же день выехал из Москвы вечером, и в четверг рано поутру к нам приехал... Гоголь пробыл у нас 6 дней, но ничего не читал своего, хотя вечера, т.е. с пяти часов пополудни проводил с нами в гостиной, читал нам всякую всячину и не давал спать Константину. Мы не напрашивались на чтение, хотя очень хотелось нам послушать вторую главу. Впрочем, в последний вечер он сказал нам, что кое-что поправит и тогда прочтет. Смирновой он, верно, читал гораздо больше; "Гоголь сам сказал, что у него написано очень много, только неотделано. Он даже не противоречил мне, когда я сказал, что оба тома должны быть написаны" (С.Т.Аксаков – И.С.Аксакову).

Аксаков И., 1994, с. 506.

Сентября 10. Суббота. 1849. Рыбинск.

"В последнем письме своем Вы пишете, милый отесинька, что Гоголь опять к вам приехал в деревню: не вторая ли это глава "Мертвых душ" (И.С.Аксаков – С.Т.Аксакову).

Аксаков И., 1888, т. 2, с. 220.

<Начало сентября. 1849>.

"Получив мое письмо, Гоголь был так доволен, что захотел видеть меня немедленно. Он нанял карету, лошадей и в тот же день прикатил к нам в Абрамцево. Он приехал необыкновенно весел, или, лучше сказать, светел, и сейчас сказал: – Вы заметили мне именно то, что я сам замечал, но не был уверен в справедливости моих замечаний. Теперь же я в них не сомневаюсь, потому что то же заметил другой человек, пристрастный ко мне. Гоголь прожил у нас целую неделю; до обеда раза два выходил гулять, а остальное время работал; после же обеда всегда что-нибудь читали. Мы просили его прочесть следующие главы, но он убедительно просил, чтоб я погодил. Тут он сказал мне, что он прочел уже несколько глав А.О.Смирновой и С.П.Шевыреву, что сам увидел, как много надо переделать, и что прочтет мне их непременно, когда они будут готовы. 6 сентября Гоголь уехал в Москву вместе с Ольгой Семеновной. Прощаясь, он повторил ей обещание прочесть нам следующие главы "Мертвых душ" и велел непременно сказать это мне" (С.Т.Аксаков).

Аксаков С., 1960, с. 201–202.

Октября 20. <1849>. Москва.

"Всё время мое отдано работе, часу нет свободного. Время летит быстро, неприметно. О, как спасительна работа и как глубока первая заповедь, данная человеку по изгнанию его из рая: в поте и труде снискивать хлеб свой! Стоит только на миг оторваться от работы, как уже невольно очутишься во власти всяких искушений. А у меня было их так много в нынешний мой приезд в Россию! Избегаю встреч даже с знакомыми людьми от страха, чтобы как-нибудь не оторваться от работы своей. Выхожу из дому только для прогулки и возвращаюсь сызнова работать. Бог да хранит вас, добрые, близкие моей душе! Не оставляйте меня уведомлять о себе. С удовольствием помышляю, как весело увижусь с вами, когда кончу свою работу" (Гоголь – А.М.Виельгорской).

ПСС, т. XIV, с. 148–149.

Октября 21. 1849. Москва.

"Кстати: о "Мертвых душах" все знают – Александра Осиповна написала о том даже Шевыреву, а в Калуге даже рассказывала содержание. Мне сказывал Федор Унковский..." (О.С.Аксакова – И.С.Аксакову).

ЛН, т. 58, с. 720.

"А.О.Смирнова сказала мне, что И.В.Капнисту, который, хотя любил Гоголя, но терпеть не мог его сочинений, он прочитал девять глав второго тома "Мертвых душ", желая воспользоваться строгою критикою беспощадного порицателя своих сочинений" (П.А.Плетнев).

Плетнев, 1885, т. 3, с. 734.

Октября конец. 1849.

В Москву приехал М.А.Максимович, чтобы повидаться с Гоголем, и остался здесь на зиму. Гоголь читал ему первые главы второго тома "Мертвых душ".

ПССП, т. XVI, с. 643.

Ноября 23. 1849. Москва.

"В ваших сочинениях первое условие, т.е. изображение характеров, имеет для нас, русских, двойную цену, ибо вы изображаете характер русского человека. С этой главной стороны вашу поэму я считаю уже оконченною, и вот причина, почему я решаюсь сказать о ней свое мнение теперь же, но не в частностях, а в целом. Первая часть "Мертвых Душ" изображает темную сторону русского общества – так полагают все, читавшие поэму; иные же, напротив, думают, что это картина не худой стороны, но вообще русского общества, и крайне этим недовольны. Справедливо ли это мнение или нет – еще решить нельзя, ибо мы не знаем, что будет дальше, хотя в предисловии намекается на зрелище более утешительное в продолжение поэмы. Но, признаюсь вам, вы задумали план громадный и опасный. Из превосходного творения может выйти избитая история, а может быть, еще более превосходное творение.

Если вы хотите представить общество русское, как оно есть, то хорошая сторона его существует и изображение его в вашем романе неизбежно; но если вы выставите героя добродетели, то роман ваш станет на ряду с произведениями старой школы. Не пересолите добродетели. Изобразите нам русского человека, но в каждодневном его быту, а не исключительное лицо, которые встречаются у всех народов. Изобразите нам хорошего русского человека, так, как вы изобразили похилого в первой части, т.е. без преувеличения, а такого, каким мы его встречаем на каждом шагу, не героя пошлостей, а просто пошлого человека, ибо вы согласитесь, что ни Манилов, ни Собакевич и др. не суть исключения, но представители масс. Кто знает Россию только по столичным

гостиним, тот найдет их уродами, а кто жил в России, тот назовет их русскими.

Одним словом, хорошая сторона нашего общества должна быть в вашей поэме для полноты картины, но отнюдь не для утешения читателя, как делалось в старину, или как дают в театре дивертисменты после трагедии, чтобы отвести душу. Спрашиваю, для чего мне утешительные лица в романе. Разве для меня не утешение уже то, что, видя перед собою презренные существа, я говорю себе: "слава Богу, что я не такой!" Вот лучшее впечатление, которое может произвести писатель в читателе – и неужели это неутешительно?

Писатель должен изображать свой предмет, как он есть, и не думать о впечатлении на читателя, ибо оно зависит совершенно от самого читателя. Случалось ли вам присутствовать при торговой казни какого-нибудь отъявленного мошенника? Мне случалось, и я прислушивался к народным толкам. Исправник читает злодейства подсудимого. Иной крестится, когда чтец скажет: "обокрал церковь"; другой говорит: "эка, мошенник, хорошенько бы его!"; третий думает: "эка, молодец! и рожа-то какая хватская; жаль, что попался!"; иная баба и поплачет, да вместе поднимет трехлетнего ребенка, чтобы посмотрел, – для курьезу или для примера, неизвестно; у иного пропадет охота самому пуститься на дурное дело, которое, может быть, уже и замышлял; а у десятого по непостижимому свойству природы человеческой, может быть, возгорится тут же желание пойти по следам преступника. Точно то же совершается и в душе читателя. Может быть, найдутся люди, которые назовут Плюшкина человеком положительным и основательным. Иной подумает: "да смейтесь над ним, а у него денег до черта!" Кому-нибудь и Ноздрев покажется славным малым, а про Чичикова не один скажет: "умен бестия!" Старайтесь же после этого действовать благотельно на общество верным его изображением. Мне кажется, мораль никогда не должна быть целью писателя, а главное – он никогда не должен выставлять на вид свою мораль. Взяв из жизни характеры, он должен их заставить действовать так, чтобы вовсе не было заметно участие писателя. Лица должны как бы совершенно отделиться от него и поступать не зависимо, но в смысле своих характеров; точно так, как будто бы писатель был сам не виноват, что они так действуют. Иначе произведение будет походить на кукольную комедию, и так и подмывает сказать писателю: "спрячьте руки; зрителям видно, как вы передвигаете куклы". В этом отношении "Мертвые Души" суть совершенство. У обыкновенных писателей характеры поясняются сюжетом; для сюжета

придуманы характеры. У вас напротив; можно сказать, что все действующие лица еще почти не сделали шагу для развития сюжета, но уже обрисованы самым полным образом, и прочитав первую только часть, думаешь, что роману конец. Остается только развязка анекдота. Для иных это главное" (К.И.Марков – Гоголю).

ПССП, т. XV, с. 275–277.

<Осень. 1849. Москва>.

"Скотина Чичиков едва добрался до половины своего странствования. Может быть, оттого, что русскому герою с русским народом нужно быть несравненно увертливей, нежели греческому с греками. Может быть, и оттого, что автору "Мерт<вых> д<уш>" нужно быть гораздо лучше душой, нежели скотина Чичиков" (Гоголь – В.А.Жуковскому).

ПСС, т. XIV, с. 152.

<1849>.

"К этому времени относятся исправления глав II тома чернилами, которые проходят сплошь от страницы к странице и даже от строки к строке, через все четыре тетради, образуя собственно не приписки к старому тексту, а самостоятельный новый текст. Он-то и создавался между сентябрем 1849 г. и январем 1850 г. За этот период, очевидно, были так исправлены "две-три главы" (Е.С.Смирнова-Чикина).

ПСС, т. XIV, с. 418.

<Декабря 3. Четверг. 1849. Москва>.

"Что же касается до II тома "М<ертвых> душ", то я не имел в виду собственно *героя добродетелей*. Напротив, почти все действующие лица могут назваться героями недостатков. Дело только в том, что характеры *значительнее* прежних и что намеренье автора было войти здесь глубже в высшее значение жизни, нами опошленной, обнаружив видней русского человека не с *одной* какой-либо *сторонны*" (Гоголь – К.И.Маркову).

ПСС, т. XIV, с. 152.

Декабря 6 <1849>. Москва.

Гоголь рассказывает, как при помощи черта рождается сплетня.

"Здоровье мое кое-как плетется, хотя и не совсем так, как нужно для произведения моей поденной работы" (Гоголь – А.О.Смирновой).

ПСС, т. XIV, с. 155.

Декабря 14. 1849. Москва.

"Полтора года моего пребывания в России пронеслось, как быстрый миг, и ни одного такого события, которое бы освежило меня, после которого, как бы после ушата холодной воды, почувствовал бы, что действую трезво и точно действую. Только и кажется мне трезвым действием поездка в Иерусалим. Творчество мое лениво. Стараясь не пропустить и минуты времени, не отхожу от стола, не от<о>двигаю бумаги, не выпускаю пера – но строки лепятся вяло, а время летит невозвратно. Или, в самом деле, 42 года есть для меня старость, или так следует, чтобы мои "Мертвые души" не выходили в это мутное время, когда, не успевши отрезвиться, общество еще находится в чаду и люди еще не пришли в состояние читать книгу как следует, то есть прилично, не держа ее вверх ногами? Здесь всё, и молодежь и стар<ость>, до того запуталось в понятиях, что не может само себе дать отчета. Одни в полном невежестве дожевывают европейские уже выплюнутые жеваки. Другие изbleвывают свое собственное несваренье. Редкие, очень, очень редкие слышат и ценят то, что в самом деле составляет нашу силу... Временами мне кажется, что II-й том "Мертвых душ" мог бы послужить для русских читателей некоторую ступенью к чтению Гомера" (Гоголь – В.А.Жуковскому).

ПСС, т. XIV, с. 155–156.

Декабря 15. <1849>. Москва.

"Все кругом на меня жалуются, что не пишу. При всем том, мне кажется, виноват не я, но умственная спячка, меня одолевшая. "Мертв<ые> души" тоже тянутся лениво. Может быть, так оно и следует, чтобы им не выходить теперь. Дело в том, что время еще содомное. Люди, доселе не отрезвившиеся от угару, не годятся в читатели, не способны ни к чему художественному и спокойному" (Гоголь – П.А.Плетневу).

ПСС, т. XIV, с. 157.

"Гоголь смотрел на "Мертвые души", как на что-то, что лежало вне его, где должен был раскрыть тайны, ему заповеданные. "Когда я пишу, очи мои раскрываются неестественною ясностью. А если я прочитаю написанное еще неоконченным, кому бы то ни было, ясность уходит с глаз моих. Я это испытывал много раз. Я уверен, когда сослужу свою службу и окончу, на что я призван, то умру. А если выпущу на свет незрелое или поделюсь малым,

мною совершаемым, то умру раньше, нежели выполню, на что я призван в свете" (А.О.Смирнова).

РС, 1902, май, с. 491.

1850

"1850 года генваря 7-го Гоголь прочел нам в другой раз первую главу "Мертвых душ". Мы были поражены удивлением: глава показалась нам лучше и как будто написана вновь" (С.Т.Аксаков).

Аксаков С., 1960, с. 203.

Января 9. 1850.

"Гоголь прочел нам в другой раз первую главу "Мертвых душ". Мы были поражены удивлением: глава показалась нам еще лучше и как будто написана вновь. Гоголь был очень доволен таким впечатлением и сказал: – Вот что значит, когда живописец даст последний туш своей картине. Поправки, по-видимому, самые ничтожные: там одно слово убавлено, здесь прибавлено, а тут переставлено – и все выходит другое. Тогда надо напечатать, когда все главы будут так отделаны. Оказалось, что он воспользовался всеми сделанными ему замечаниями" (С.Т.Аксаков).

Кулиш, 1856, т. 2, с. 229–230.

Января 9. 1850. Ярославль.

"Спасибо Гоголю! Все читанное выступало передо мной отделанными частями во всей своей могучей красоте... Если бы имел больше претензий, я бы бросил писать: до такой степени превосходства дошел он, что все другие перед ним пигмеи" (И.С.Аксаков – С.Т.Аксакову).

Аксаков И., 1888, т. 2, с. 267.

<Октябрь 1849 – январь 1850>.

В числе весьма немногих Гоголь читал Максимовичу первые главы II тома "Мертвых душ" и говорил ему о своем труде. "Беспрестанно исправляю, и всякий раз, когда начну читать, то сквозь написанные строки читаю еще не написанные" (Из дневника М.П.Погодина).

Барсуков, т. X, с. 328.

<Начало 1850>.

"Умерла старушка, которую оплакивают поочередно три дочери. Девушки причитывали ей импровизированные жалобы с редким искусством и вдохновлялись собственным своим плачем... Раза два появлялись они, то та, то другая, на галерейке второго этажа и, опершись на перилы, продолжали свои вопли и жалобы, и иногда обращались к утреннему солнцу, говоря: "Солнышко ты мое красное!". Максимовичу это живо напоминало Ярославну, "плакавшую рано, Путивлю городу на забороле...". Когда Максимович рассказал обо всем виденном и слышанном Гоголю, то он был поражен поэтичностью этого явления и выразил намерение воспользоваться им, при случае, в "Мертвых Душах" (Из рассказа М.А.Максимовича Гоголю).

Барсуков, т. X, с. 328.

Января 10. Вторник. 1850.

"Вчера целый вечер провели мы с Гоголем, даже Константина не было дома (он был у Кошелева, с Соллогуб и Васильчиковой). Гоголь был необыкновенно любезен, прост и искренен; при сестрах говорил о том, как он трудно пишет, как много переменяет, так что иногда из целой главы не остается ни одного прежнего слова. Когда все вышли в другую комнату, он наклонился ко мне и спросил: "Ну, а заметили вы, как я всё переправил по вашему письму? Теперь вы должны сделать мне свои замечания на второе чтение". Я сказал, что решительно не могу ничего заметить и в то же время спросил его, что это значит, что при втором чтении я слышал всё как будто новое, так что я забыл теперь прежнее? Он объяснил мне это тем, 1) что при втором чтении выступила наружу глубина содержания и второе, что он дал последнюю гармоническую отделку. Он прибавил, что трудно это объяснить, и что только живописец понимает, что такое значит тронуть в последний раз картину, что после этого ее не узнаешь. Он потребовал вторично, чтоб я ему что-нибудь заметил. Я напряг свою память и точно вспомнил, что в описании девушки мне показалось слишком обыкновенным, даже избитым, то что *когда надобно дать что-нибудь – она отдает всё что у нее есть*, и потом выражение, *что казалась она готова была сама улететь вслед за своими словами*, мне не нравится своей идеальностью. На оба замечания Гоголь сказал: *точно так* весьма проворно и таким тоном, что вероятно он и прежде это думал. Я заставил его признаться, что все наши замечания бесполезны и что он сам это видит лучше

других, но в то же время он сказал, что для него важно совпадение моих замечаний с его собственными и прибавил, что при третьем чтении, я может быть больше замечу. Я решился ему сказать мое опасение; что при его ясновидящем взгляде, так глубоко и широко всё обнимающем, он при каждом новом воззрении, увидит что-нибудь новое, если не в главном, не в существенном, то в подробностях, в полноте... Гоголь улыбнулся и сказал: успокойтесь; этому есть мера; художник почувствует гармонию своего создания и ни за что в свете ничего не переменит, кроме каких-нибудь ошибочных слов или сведений" (С.Т.Аксаков – И.С.Аксакову).

МИ, 1936, т. 1, с. 184–185; Аксаков С., 1960, с. 203–204.

Января 12. 1850. Ярославль.

"Я совершенно согласен с замечаниями сделанными вами Гоголю. Мне показалось еще, что не довольно ясно обозначено, почему, под каким предлогом Чичиков расположился жить у Тентетникова... Я теперь точно стал в отдалении и смотрю на картину развернувшуюся в "Мертвых душах", и лучше еще понимаю и чувствую ее, нежели стоявши слишком близко к ней. Так все глубоко, могуче и огромно, что дух захватывает!" (И.С.Аксаков – С.Т.Аксакову).

Аксаков И., 1888, т. 2, с. 268–269.

Января 17. Вторник. 1850.

"... Вчера прочли Гоголю также и твои письма.

Отвечаю на твое письмо: Гоголь ни слова не сказал на твое замечание о Чич<икове> и Тентет<никове>, но конечно без внимания его не оставит.

Скажу одно: вторая глава несравненно выше и глубже первой. Раза три я не мог удержаться от слез. Такого высокого искусства показывать в человеке пошлом высокую человеческую сторону нигде нельзя найти, кроме Гомера" (И.С.Аксаков – С.Т.Аксакову).

Аксаков С., 1960, с. 204; Аксаков И., 1994, с. 186.

Января 19. 1850. Москва.

Гоголь читает первые главы второго тома "Мертвых душ" М.П.Погодину и М.А.Максимовичу и в тот же день Аксаковым (Из дневника Погодина).

Барсуков, т. XI, с. 133.

Января 19. 1850.

"Гоголь прочел нам вторую главу, которая была довольно отделана и не уступала первой в достоинстве; а до отъезда своего в Малороссию он прочел третью и четвертую главы" (С.Т.Аксаков).

Кулиш, 1856, т. 2, с. 230.

Января 20. 1850. Москва.

"До сих пор не могу еще придти в себя: Гоголь прочел нам с Конст<антином> 2-ую главу. Вот как было дело.

Пришел он к нам вчера обедать <...>. Часу в 7-м вдруг говорит: "А что бы куличка прочесть?" Я отвечал, что теперь все маленькие кулички, но что если он хочет, то Конст<антин> принесет все мои записки и прочтет их в гостиной. Гоголь сказал, что лучше пойти наверх. Я, ничего не подозревая, согласился; но Вера догадалась и, провожая меня, сказала: "Он будет вам непременно читать". Мы пришли наверх, я выбрал маленького куличка и заставил Костю читать. Гоголь решительно ничего не слушал и едва Конст<антин> дочитал, как он выхватил тетрадь из кармана, которую давно держал в руке, и сказал: "Ну, а теперь я вам прочту".

Что тебе сказать? Скажу одно: вторая глава несравненно выше и глубже первой. Раза три я не мог удержаться от слез. Рассказывать содержание, в котором ничего нет особенно интересного для тебя, мне не хочется; даже как-то совестно, потому что в голом рассказе анекдота ничего не передается. Впрочем, если ты захочешь его знать, то напиши: я расскажу его со всею возможною подробностью. Такого высокого искусства: показывать в человеке пошлом высокую человеческую сторону, нигде нельзя найти, кроме Гомера. Так раскрывается духовная внутренность человека, что для всякого из нас, способного что-нибудь чувствовать, открывается собственная своя духовная внутренность. Теперь только я убедился вполне, что Гоголь может выполнить свою задачу, о которой так самонадеянно и дерзко, по-видимому, говорит он в первом томе <...> Что за образы, что за картины природы без малейшей картинности... Нет, я уж не стану описывать вод так, как хотел было, а расскажу их просто словами охотника, а не поэта.

Гоголю хотелось прочесть третью главу: ибо, по его словам, нужно было прочесть ее немедленно, но у него не достало сил. Да, много должно сгорать жизни в горниле, из которого истекает чистое злато" (С.Т.Аксаков – И.С.Аксакову).

Аксаков И., 1888, т. 2, с. 272–273; Аксаков С., 1960, с. 204–205.

Января 20. 1850. Москва.

"Вчера Гоголь читал отесеньке и мне вторую главу. – Что тебе сказать? Она для меня несравненно выше первой. Уленька, генерал, жизненные отношения и столкновения этих и других лиц не выходят у меня из головы. Чем дальше, тем лучше. Рассказывать ли тебе или нет? Право, не знаю! О, как трудно выставить прекрасную девушку и как хороша она! Ну, если б ты был здесь, я и не знаю, что бы с тобою было! – Глубоко захвачен человек! Гоголь поймал его и заставил всё высказывать, во всем признаваться. Кажется, Гоголь сам был очень доволен, в духе. Жаль только, что ни маменька, ни сестры не слыхали. Хорош, хорош Быстрищев <!> со всем, что в нем есть! Но я пишу тебе одни восклицания, а рассказывать мудрено" (К.С.Аксаков – И.С.Аксакову).

ЛН, т. 58, с. 724.

Января 21. 1850. Москва.

"Время летит так, как еще никогда не помню. Встаю рано, с утра принимаюсь за перо, никого к себе не впускаю, откладываю на сторону все прочие дела, даже письма к людям близким, – и при всем том так немного из меня выходит строк! Кажется, просидел за работой не больше, как час, смотрю на часы – уже время обедать. Некогда даже пройтись и прогуляться. Вот тебе вся моя история. Конец делу еще не скоро, т.е. разумею конец "Мертвых душ". Все почти главы соображены и даже набросаны, но именно не больше, как набросаны; собственно написанных две-три и только. Я не знаю даже, можно ли творить быстро собственно художническое произведение" (Гоголь – П.А.Плетневу).

ПСС, т. XIV, с. 160.

Января 22. 1850. Ярославль.

"Итак, Гоголь прочел вам и вторую главу, а теперь, может быть, и третью. Вы спрашиваете меня, рассказывать ли мне содержание?.. Анекдотический интерес для меня, как и для вас, в произведениях Гоголя неважен. Придется рассказывать или почти ничего, или слишком много, т.е. его же речами, из которых мудрено выкинуть слово: так каждая нота состоит в соотношении с общим аккордом! А потому, зная, что последнее невозможно, я и не слишком хлопочу знать внешнюю связь содержания... Я думаю, что у Гоголя всё написано, что он уже дал полежать своей рукописи и потом вновь обратился к ней для исправления и оценки, словом, поступает так, как сам советует другим. В противном случае он не

стал бы читать и заниматься отделкою подробностей и частностей" (И.С.Аксаков – С.Т.Аксакову).

ПССП, т. XVI, с. 650; Аксаков И., 1888, т. 2, с. 271–272.

"Как случилось, что вместо 7 глав, читавшихся летом 1849 г., к январю 1850 г., в результате новой почти полугодовой работы, их оказалось "две-три и только". Надо учесть обычный способ художественной работы Гоголя.

Едва изготовленный беловик всякий раз немедленно начинал у него обрастать приписками, снова превращавшими его малопомалу в черновик, требующий новой беловой копии" (Н.В.Берг).

РС, 1872, январь, с. 124–125.

Января 27. 1850. Москва.

"Гоголь еще ничего не читал мне нового, но, кажется, раза два приходил с намерением читать, но всегда что-нибудь мешало. Я совершенно с тобою согласен во всем, что ты говоришь о Гоголе..." (С.Т.Аксаков – И.С.Аксакову).

Аксаков И., 1994, с. 98.

Января 31. 1850.

"Гоголь нам нового не читал, но часто у нас бывает... По необыкновенному расположению духа Гоголя я заключаю, что он пишет много и доволен тем, что написал..." (С.Т.Аксаков – И.С.Аксакову).

ЛН, т. 58, с. 724.

Февраля 14. 1850. Санкт-Петербург.

"Гоголь в Москве. Он жалуется в письме ко мне, что 2-я часть "Мертвых душ" очень медленно у него продвигается, хоть он и работает прилежно" (П.А.Плетнев – В.А.Жуковскому).

Плетнев, 1885, т. 3, с. 626.

Февраля 25. 1850.

"Насчет II тома "Мертвых душ" могу сказать только, что не скоро ему до печати. Кроме того, что сам автор не приготовил его к печати, не такое время, чтобы печатать что-либо; да я думаю, что и самые головы не в таком состоянии, чтобы уметь читать спокойное художественное творение. В эту зиму я как-то разболелся. Суровый северный климат начинает допекать" (Гоголь – А.С.Данилевскому).

Кулиш, 1856, т. 2, с. 561.

Марта 3. Пятница. <1850>. <Москва>.

"Гоголь в ее [А.О.Смирновой – Г.С.] присутствии – описать невозможно. Таким схвачен он на портрете Моллера, который, верно, ты видел у Хомякова. Таким бывает он в счастливые минуты творчества. Нет никакой возможности признать его влюбленным, и потому я объясняю себе это обстоятельство другим образом: между ними существует совершенное согласие в религиозном и нравственном отношении. Я не знаю, правда ли это, – но Гоголь убежден в том, – мой разговор с Александрой Осиповной утвердил меня в моей догадке... Когда я между слов промолвил, что, слава богу, талант Гоголя жив и что он здраво смотрит на предметы, Смирнова расхохоталась и, разгорячась, высказала мне, что Гоголь точно так же смотрит на всё, как смотрел в своих письмах, что без них он никогда бы не написал второго тома "Мертвых душ", что он не отступился ни от одного слова, в них написанного, и что он решился меня обманывать, в этом отношении, со всеми другими. Что за укладистая вещь у этих людей вера!.. Она рассказала мне кое-что о дальнейшем развитии "Мертвых душ", и по слабости моего ума на всё легла тень ложных их убеждений. Например, она мне открыла секрет, что Гоголь никогда не представит своей рукописи государю, что я советовал, хотя уверен, что он дозволил бы ее напечатать; нет, он хочет до тех пор ее исправлять, пока всякий глупый, привязчивый цензор не пропустит ее без затруднения. Я отвечал: как жаль, какая ложная мысль!.." (С.Т.Аксаков – И.С.Аксакову).

Аксаков С., 1960, с. 205–206; ЛН, т. 58, с. 728–730.

Марта 7. 1850. Москва.

"<Ю.Ф.>Самарин приезжает к нам по вечерам... как я рад, что третьего дня Гоголь прочел ему и Хомякову 1-ю главу "Мертвых душ", слышанную тобой. Разумеется, Самарин вполне оценил это великое произведение. Хомякова еще не видал: он сделал два замечания, по-моему неосновательные и пустые" (С.Т.Аксаков – И.С.Аксакову).

ЛН, т. 58, с. 734.

<После марта 5. 1850>.

"Никогда не забуду я того глубокого и тяжелого впечатления, которое он произвел на Хомякова и меня раз вечером, когда он прочел нам первые две главы второго тома. По прочтении он обратился к нам с вопросом: "Скажите по совести только одно – не хуже первой части?" Мы переглянулись, и ни у него, ни у меня не

достало духу сказать ему, что мы оба думали и чувствовали" (Ю.Ф.Самарин – А.О.Смирновой).

ВФиП, 1903, с. 681.

После марта 5. 1850. Москва.

"Любезнейший Николай Васильевич, если бы я собрался слушать вас, с намерением критиковать и подмечать недостатки, кажется, и тогда, после первых же строк, прочтенных вами, я забыл бы о своем намерении. Я был так вполне увлечен тем, что слышал, что мысль об оценке не удержалась бы в моей голове. Вместо всяких похвал и поздравлений, скажу вам только, что я не могу вообразить себе, чтобы прочтенное вами могло быть совершеннее. Но вы непременно требуете замечаний, а мне хочется исполнить ваше желание – и потому посылаю вам несколько придинок, касательно не художественной стороны, а исторической верности. Обращаюсь к вступлению Тентетникова в службу и к впечатлению, которое она произвела на него.

Т<тентетнико>в – человек, получивший ученое образование; на службу определяет его дядя, действ<ительный> стат<ский> советник; поэтому должно полагать, что он принят был в министерство на тех же правах, на которых поступают все молодые люди, прошедшие полный курс наук и не лишенные вовсе протекции. Но от таких людей теперь уже не требуют изящного почерка; их не сажают за переписывание бумаг. Их определяют прямо в столоначальники, или в помощники столоначальников, а помощник столоначальника и столоначальник занимаются тем самым, чем занимаются начальник отделения и директор.

Нелепость настоящего устройства всех наших департаментов и канцелярий заключается совсем не в том, что образованным людям задаются механические занятия, что участие их в делопроизводстве ограничено, а совершенно в противном. Вспомните ход дел: министр распечатывает пакет, и если бумага не касается каких-либо личных его отношений, почему-либо для него значительных, он передает ее директору; директор – начальнику отделения; начальник отделения – столоначальнику. Здесь она останавливается и начинается над нею работа умственная. Столоначальник сочиняет ответ, кладет решение. Он должен вникнуть в содержание бумаги, задать себе вопросы такого рода: с какой стороны взяться за дело? Какое дать ему направление? Приступить к решению, или оттолкнуть от себя на целый год под предлогом новых справок, соображений и т.п. Вообще участь дела в его

руках; приступ к нему зависит от него, а этот первый шаг есть самый важный. Заготовленный столоначальником проект ответа идет на рассмотрение начальника отделения, который не изучает сущности дела, а ограничивается рассмотрением того, что сделал столоначальник, т.е. нет ли в подсунутой ему бумаге чего-либо противного закону, или такого, что бы могло не понравиться директору. Так как он только критикует труд другого, то сравнительно с столоначальником (хотя и подчиненным ему) деятельность его не так значительна. Далее, директор точно также смотрит, не вкралось ли в бумагу одно из тех слов, к которым не благоволит министр, и пущено ли хоть одно из тех, которыми можно его подкупить. Итак, направление дела, если только посторонние обстоятельства и личные соображения не перебьют его хода, – почти всегда зависит от низших чиновников, т.е. столоначальников. Бумага, написанная ими, проходя снизу вверх до министра, смягчается, сглаживается, сокращается, теряет постепенно характер, цвет, силу, иногда смысл; но почти никогда ничего не выигрывает, ничего не прибавляется к сущности ее.

Потому мне кажется, что впечатление, произведенное на Тентетникова его служебной деятельностью, не также совсем верно, именно потому, что самая эта деятельность представлена у вас слишком ничтожною и ограниченою.

Я встречал на службе молодых людей трех разрядов (не считая приобретателей). Большинство, поступая прямо из училища, не имея ясного понятия о практической деятельности, очень скоро втягивается в служебный формализм и усваивает себе все взгляды и понятия наших столичных учреждений, то есть они и приучаются к мысли, что всякое министерство существует само по себе и само для себя, что всякое дело в его стенах начинается и в них оканчивается и что вся задача в том, чтобы провести его благополучно и не задев никого, от первого стола до министра. Эти люди проникнуты сознанием своей важности и отменно довольны службою.

Те, которые стоят выше их, впадают в тоску. Их мучит именно эта отрешенность от жизни, эта отвлеченность их деятельности. Им совестно решать дела по бумагам, из которых ничего не видно, на бумаге, которая в жизнь не перейдет. Чем значительнее обязанность, на них налагаемая, тем совестнее. Их сокрушает не ничтожность предмета занятий, а ничтожность, ограниченность взгляда на предмет, преступная легкость, с которою оно обделывается. В этом случае страждет не самолюбие, а другая, лучшая

потребность. Эти люди или бросают службу, или – как Тентетников – приучаются смотреть на нее как на дело второстепенное.

Наконец, некоторые, испытав все это, продолжают, однако, служить, но смотрят на службу уже не как на средство действовать на жизнь, приносить пользу, а как на предмет, достойный во всей его мерзости изучения... как на одну из коренных болезней нашего времени.

Вообще первое соприкосновение с службою почти всегда бывает решительною минутою в жизни человека и определяет его надолго, если не навсегда. В характере Тентетникова эта тема, конечно, не главная, и вы должны были коснуться ее слегка; поэтому все, что я сказал, может быть, вовсе некстати; но все же мне хотелось указать на предмет, знакомый мне и который, может быть, вы когда-нибудь разработаете. Других замечаний я решительно сделать не могу, и мне остается только пожелать от всей души, чтоб вы благополучно совершили дело, важность которого для нас всех более и более обнаруживается.

Преданный вам Ю.Самарин" (Ю.Ф.Самарин – Н.В.Гоголю).

РС, 1889, июль, с. 174–176.

Марта 25. 1850. Москва.

"Гоголь берет подорожную в Симбирск и надеется на будущей неделе быть у Вас в пятницу <31 марта> <...>. "Гоголь... – едет к Вам с большим удовольствием и везет вторую часть "Мертвых душ", я еще не успела их прочесть, т.е. слушать, ибо недавно переехала из деревни и нахожусь в ужасных хлопотах <...>. Расскажите ему побольше анекдотов..." (Е.А.Елагина – Н.А.Языковой).

Иващенко.

Марта 29. 1850. Москва.

"Болезни приостановили мои занятия "Мертв<ыми> душами", которые пошли было хорошо. Может быть, болезнь, а может быть, и то, что как поглядишь, какие глупые настают читатели, какие бестолковые ценители, какое отсутствие вкуса... просто не поднимаются руки. Странное дело, хоть и знаешь, что труд твой не для какого-нибудь переходного современной минуты, а все-таки современное неустройство отнимает нужное для него спокойствие" (Гоголь – Н.Я.Прокоповичу).

ПСС, т. XIV, с. 174.

<1850>.

"В конце лета Гоголь предложил нам собраться в два часа у меня. Граф Алексей Толстой послан был в Калугу с сенатором Давыдовым для ревизии нашей губернии. Он <Гоголь> читал нам первую главу второго тома "Мертвых душ", всякий день в два часа. Тентетников, Вороного-Дрянного, Костанжогло, Петух, какой-то помещик, у которого было все на министерскую ногу, причем он убивал драгоценное время для посева, жнитвы и косьбы и все писал об агрикультуре. Чичиков уже ездил с Платоновым, который от нечего делать присоединился к этому труженику и вовсе не понимал, что значила покупка мертвых душ. Наконец приезд в деревню Чаграновых, где Платонов влюбился в портрет во весь рост этой петербургской львицы. Обед управляющего из студентов с высшими подробностями. Стол был покрыт: хрусталь, серебро, фарфор саксонский. Бедный студент запил и тут высказал то, что тайно подрывало его энергию и жизнь. Сцена так была трагически жива, что дух занимало. Все были в восторге. Когда он читал главу о Костанжогло, я ему сказала: "Дайте хоть кошелек жене его, пусть она шали вяжет". – "А, – сказал он, – вы заметили, что он обо всем заботится, но о главном не заботится" (А.О.Смирнова-Россет).

ГВС, 1952, с. 471.

<Июнь. 1850>.

"Я видала перед ним [Гоголем – Г.С.] мелко исписанную тетрадь в лист, на которую он всякий раз набрасывал платок; но однажды ей удалось прочитать, что дело идет о генерал-губернаторе и о Никите" (А.О.Смирнова).

В.И.Шенрок, т. IV, с. 795.

<1850>.

"На другой день я с сестрой заехал к Гоголю утром. В комнате его был большой беспорядок; он был занят чтением какой-то старинной ботаники. Покуда он разговаривал с сестрой, я нескромно заглянул в толстую тетрадь, лежавшую на его письменном столе, и прочел только: Генерал-губернатор, – как Гоголь бросился ко мне, взял тетрадь и немного рассердился. Я сделал это неумышленно и бессознательно и тотчас же попросил у него извинения. Гоголь улыбнулся и спрятал тетрадь в ящик. "А что ваши "Мертвые души", Николай Васильевич?" – спросила у него сестра. "Да так себе, подвигаются понемногу. Вот приеду к вам в Калугу, и мы почитаем". Вообще Гоголь был очень весел и бодр в

этот день. Вечером он опять явился к нам в гостиницу. Мы пили чай, а он красное вино с теплою водой и сахаром. В одиннадцать часов я провожал его снова до Никитских ворот. Ночь была чудная, светлая, теплая...

В продолжение двух недель я виделся с Гоголем почти каждый день; он был здоров, весел, но ничего не говорил ни о "Мертвых душах", ни о "Переписке с друзьями", и вообще, сколько я помню, ничего не сказал все это время особенно замечательного <...>.

<...> Когда наступил день отъезда, Гоголь приехал ко мне со своим маленьким чемоданом и большим портфелем. Этот знаменитый портфель заключал в себе второй том "Мертвых душ", тогда уже почти конченных вчерне.

Мог ли думать Гоголь, что никто не прочтет того, над чем он в то время так бодро трудился, что та же участь, какая постигла первый второй том, ожидает и эти разрозненные листы, тщательно от всех скрываемые до времени" (Л.И. Арнольди).

ГБС, 1952, с. 474–476.

<1850>.

"Гоголь жил подле меня во флигеле, – вставал рано, гулял один в парке и в поле, потом завтракал и запирался часа на три у себя в комнате. Перед обедом мы ходили с ним купаться. Он уморительно плясал в воде и делал в ней разные гимнастические упражнения, находя это очень здоровым. Потом мы опять гуляли с ним по саду, в три часа обедали, а вечером ездили иногда на дрогах гулять, к соседям или в лес. К сожалению, сестра моя скоро захворала, и прогулки наши прекратились. Чтобы рассеять ее, Гоголь сам предложил прочесть окончание второго тома "Мертвых душ"; но сестра откровенно сказала Гоголю, что ей теперь не до чтения и не до его сочинений. Мне показалось, что он немного обиделся этим отказом; я же был в большом горе, что не удалось мне дослушать второго тома до конца, хотя и ожидал тогда его скорого появления в печати; но одно уже чтение Гоголя было для меня истинным наслаждением. Я все надеялся, что здоровье сестры поправится и что Гоголь будет читать; но ожидания мои не сбылись. Сестре сделалось хуже, и она должна была переехать в Москву, чтобы начать серьезное лечение. Гоголь, разумеется, тоже оставил деревню.... В Москве он каждый вечер бывал у сестры и забавлял нас своими рассказами <...>.

В последний раз я был у Гоголя в новый год; он был немного грустен, расспрашивал меня очень долго о здоровье сестры,

говорил, что имеет намерение ехать в Петербург, когда окончится новое издание его сочинений и когда выйдет в свет второй том "Мертвых душ", который, по его словам, был совершенно окончен" (Л.И.Арнольди).

ГВС, 1952, с. 494.

Июня 2. 1850. Москва.

"Гоголь третьего дня прочел мне одному, даже без Константина, 3-ю главу "Мертвых душ". Вчера прочел половину ее в другой раз при мне Константину и сегодня хотел дочитать другую. До того хорошо, что нет слов... Константин говорит, что это легче всего; но чтобы он сказал, если б услышал в другой раз то же? Я утверждаю, что нет человека, который мог бы вполне все почувствовать и все обнять с первого раза. Гоголь приготовил и отделал главу для прочтения всему нашему семейству, но не читал, потому что она так чувствительна, что меня должна расстроить... Как это досадно! Проклятое последнее мое нездоровье тому причиной. – Теперь чтение откладывается на год..." (С.Т.Аксаков – И.С.Аксакову).

Аксаков С., 1960, с. 207; ЛН, т. 58, с. 734.

Июня 6. 1850. Москва.

"... В последнем письме от 2-го июня Вы пишете, милый отесинька, что Гоголь Вам читал новую главу. Слава Богу!" (И.С.Аксаков – С.Т.Аксакову).

Аксаков И., 1888, т. 2, с. 324.

Около июня 13. 1850. Москва.

Сообщает об отъезде Гоголя из Москвы за границу. "В последнее время я заметил в Гоголе необыкновенное ко мне чувство: или записки мои ему очень понравились, а также и замечания на его второй том, или болезненность моя его разжалобила..." (С.Т.Аксаков – И.С.Аксакову).

ЛН, т. 58, с. 734.

Июня 28. 1850. Калуга.

"Что за человек этот Гоголь, что за оригинальный гений! Он проехал здесь с Максимовичем, здоровье его плохо. Если Бог поможет ему получить паспорт за границу, он, вероятно, поселится в Афинах или на Афоне и кончит там второй том" (А.О.Смирнова – И.С.Аксакову).

ЛН, т. 58, с. 728.

Июля 9. 1850.

"Она (А.О.Смирнова) пишет... что Гоголь, вероятно, поселится на Афонской горе и там будет кончать "Мертвые души" (как ни подымайте высоко значение искусства, а все-таки это нелепость по-моему: среди строгих подвигов аскета он будет изображать ощущения Селифана в хороводе и грезы о белых и полных реках и проч.)" (И.С.Аксаков – С.Т.Аксакову).

Аксаков И., 1888, т. 2, с. 334–335.

<Июля 10–18. 1850. Васильевка>.

Гоголь пишет однотипные письма-обращения министру внутренних дел графу Л.А.Перовскому, министру народного просвещения князю П.А.Ширинскому-Шихматову, начальнику III отделения графу А.Ф.Орлову, в которых просит поддержать его просьбу, направленную государю на разрешение и поддержку в связи со слабым здоровьем 3 месяца прожить на Средиземноморье.

"Это не прихоть, но существенная потребность моего слабого здоровья и моих умственных работ. Я пробовал переломить свою природу и, укрепившись пребыванием на юге, приехал было в Россию с тем, чтобы здесь заняться и кончить свое дело, но суровость двух северных зим расстроила снова мое здоровье. Не столько жаль мне самого здоровья, сколько того, что время пропало даром. А, между тем, предмет труда моего не маловажен. В остальных частях "Мертвых душ", над которыми теперь сижу, выступает русский человек уже не мелочными чертами своего характера, не пошлостями и странностями, но всей глубиной своей природы и богатым разнообразием внутренних сил, в нем заключенных...

Мне кажется, если бы доставлена была мне возможность в продолжении трех лет сделать три летние поездки во внутренность России и три зимние пребывания вне ее под благотворенным климатом юга, всегда действовавшим освежительно на мои силы и творческую способность, – такое благоденствие не пропало бы даром. Сверх мной упомянутого большого сочинения, я бы мог окончить тогда ту необходимую и нужную у нас книгу, мысль о которой меня занимает с давних времен" (Н.В.Гоголь).

ПССП, т. XV, с. 339–340.

Июля 18. <1850>. <Деревня> Васильевка близ Полтавы.

"Посылаю вам всё, что мог придумать. Письмо это доставит вам племянник мой Трушковский, юноша, едущий в Казанский

университет продолжать там свое учение по факультету восточных языков. Дело вот в чем: я нахожусь в каком-то нравственном бессилии. Пробовал писать к наследнику, но так стало совестно всё просить и просить, всё забирать вперед, не сделавши ничего, что перо не поднялось. Писать официальную просьбу к министру о пашпорте с присоединением свидетельства от врачебной управы мне неприлично: я человек не служащий и этим формам не подлежу. Притом же я в России все-таки известнее какого-нибудь инспектора врачебной управы, которого подкупное свидетельство большему подвержено сомнению, чем мое собственное. Дело в том, что так как уже самое положение мое несколько необыкновенно и не похоже на положение других людей, то и поступить я должен несколько необыкновенно. Я написал письмо к министру внутр<енних> дел. Если же найдете его более приличным министру просвещения, то пусть оно будет к министру просвещения. Если ж Орлову, то пусть будет к Орлову. Я выставил только сиятельство. Они все трое сиятельные. Если ж никому нейдет оно в особенности, то дайте каждому из них по копии, сказавши, что Гоголь, совершенно не зная, к кому из них обратиться, по причине несколько необыкновенной своей просьбы, выходящей из предела установленных порядков, заботился только о том, чтобы изложить обстоятельно и откровенно свое положение, в уверенности, что они как истинно благородной души люди, любящие добро земли своей, не откажут в покровительстве тому, который также от всей души хотел бы принести ей дань и от себя по мере небольших сил своих. А, может быть, недурно будет и так: посоветовавшись прежде с гр<афом> Толст<ым>, с которым вы обо мне уже совещались (которому передайте душевный поклон), обратить это письмо к наследнику, сделавши такой приступ: "Ваше импер<аторское> высочество! Все мне присоветовали принять смелость обратиться прямо к вам и чистосердечно изъяснить свое полож<ение>", и вслед за этим всё как есть письмо, выбросивши только то, что неприлично. Я думаю, что редакцию этого может по расположению своему ко мне сделать наилучшим образом гр<аф> Т<олстой>. Я же не знаю ни полного титула, ни форменных условий пись<ма>, а что самое главное, ничего не могу написать начисто, ошибаюсь беспрестан<но>, пропускаю, не дописываю, приписываю, надписываю сверху, испорчу десь бумаги и ничего не делаю. Я думаю, что мое дело только изобразить свое положение и сделать его очевидным другом. Остальное всё управит Бог. Он, верно, внушит и вам, и Т<олстому>, и всякому другому, с кем бы вы

нашли нужным обо мне посоветоваться, именно то, что нужно. Тогда я могу написать от себя небольшую вроде официальной просьбу только к министру внутр<енних> дел. Впрочем, уведомьте меня об этом двумя-тремя небольшими строчками. Ваш весь всегда вас любящий всею силою души своей Н.Гоголь" (Гоголь – А.О.Смирновой).

ПССП, т. XV, с. 356–357.

Июля 30. 1850. Калуга.

"С полною доверенностью к благородному сердцу Вашего Императорского величества, прибегаю к вам без всяких предисловий. Ваше высочество читали мои сочинения, и не которые из них удостоились Вашего высокого одобрения. Последняя книга, на которую я употребил лучшие мои силы, – это "Мертвые души". Но из них написана только первая часть. Вторая же, где русский человек выступает не одними пошлостями, но всей глубиной своей богатой природы – еще не вполне окончена. Труд этот может один доставить мне способ существования, ибо состояние у меня нет никакого... Окончить вторую часть "Мертвых душ" я должен для того, чтобы было чем жить" (Гоголь – Государю наследнику Цесаревичу Александру Николаевичу).

ПССП, т. XV, с. 356.

Июля 30. 1850. Калуга.

"Если сочинение мое пробудит в русских любовь ко всему тому, что составляет ее святыню, и с тем вместе поселит в нем охоту к занятиям и трудам, более прочих свойственным нашей земле, то это с моей стороны есть уже тоже некоторый род службы, полезной отечеству. Сочинение мое "Мертвые души" долженствует обнять природу русского человека во всех ее силах. Из этого сочинения вышла в свет одна только часть, содержащая в себе осмеянье всего того, что несвойственно нашей великой природе, что ее унизило; вторая же часть, где русский человек является уже не пошлой своей стороной, но всей глубиной своей природы, со всем величием своего характера, не могла быть так скоро оконченной. Много нужно было обдумать и созреть самому. Теперь часть дела уже сделана. Но я устал, утомился, и здоровье мое, которым было запаса в Италии, вновь ослабело, и, что всего хуже, суровость климата отнимает у моей головы способность работать в зимнее время; две зимы пропали здесь даром. Чувст-

вую, что для оживленья труда моего и окончанья нужно большее сближенье с Россией и временное отдаленье от нее.

Если бы в продолжение трех лет была у меня возможность совершать в летние месяцы путешествие по России, а на три зимние месяца удаляться невдали от нее или на острова Греции или где-нибудь на Востоке затем, чтобы поработать в тишине, – сочиненье мое было бы кончено не к бесславию Русской земли. Ибо нет у меня другой мысли: этим живу, этим дышу, молюсь богу только об этом. Но как добыть на это средства? Доходов и жалованья я не получаю ниоткуда. Пенсия, пожалованная мне великодушным государем во время пребывания моего в Италии для излеченья, прекратилась с возвратом моим в Россию. Три года я здесь перебивался кое-как в надежде, что, когда окончу сочиненье, тогда сбыт его вознаградит меня достаточно. Но жестокие две зимы отняли у головы моей производительность, а у воображенья крылья.

Если я не имею права просить о вспомоществовании денежном, то, мне кажется, я могу просить об оказанье покровительства, о беспошлинном паспорте, давшем бы мне право прожить три зимы в теплых местах, и казенной подорожной, обезопасившей бы на три года мое путешествие по России" (Гоголь – Гофмаршалу Двора наследника Цесаревича Александра Николаевича В.Д.Олсуфьеву).

ПССП, т. XV, с. 358–59.

Августа 20. 1850. Васильевка.

"Письмо ваше, добрый, бесценный друг Александра Осиповна, получил вместе с двумя проектами официальных писем. Мне кажется, что и вы и Толстой совершенно правы <...>.

Мне нужно непременно эту зиму хорошенько поработать в ненатопленном тепле, с благодатными прогулками на воздухе благорастворенного юга. И если только милосердный бог приведет мои силы в состоянье полного вдохновенья, то второй том эту же зиму будет готов. Вы сами знаете, что бывают времена, когда в один день больше делается, чем в месяцы. От Стурдзы я получил на днях из Одессы весьма милое письмо с дружелюбным зазывом в Одессу. Если бы Одесса сделалась хоть на этот год Коринфом или Байрутом, с какой бы я радостью остался в России! Весной увидался бы с вами раньше обыкновенного, май – в Москве, июнь, июль и август устроили бы где-нибудь на морских водах близ Реве<ля> или Риги в совокупности с Жуковс<ким> с присоеди-

немем Плетнева. Там прочитали бы совокупно написанное, а сентябрь и октябрь – в Петербурге, для печатанья и окончательного устроенья дел. В Одессу я выезжаю не раньше 15-го сентября <...>.

Вразуми вас бог найти занятие и физическим силам: какую-нибудь рукопашную работу на вольном воздухе. Я телом не очень здрав, но голова, слава богу, вся сидит во 2 томе" (Гоголь – А.О.Смирновой).

ПСС, т. XIV, с. 199, 200, 201.

Июля 25. 1850. С.-Петербург.

"В народе ходит молва, что вы и вторую часть "Мертвых душ" кончили. Нетерпеливо ждут выпуска в свет, и я равномерно. Мне все что-то ныне кажется, что и до того не доживешь, и до другого не доживешь. Потешьте, душенька, повернитесь попроворнее!" (М.С.Скуридин – Гоголю).

ПССП, т. XV, с. 348.

Августа 20. <1850>. Д<еревня> Васильевка.

"Если бы Одесса была хоть сколько-нибудь похожа климатом на Неаполь, разумеется, я и не подумал бы о выезде за границу. Но голове и телу моему необходим, и особенно во время работы, благорастворенный воздух и ненатопленное тепло. А мне нужно всю эту зиму поработать хорошо, чтобы приготовить 2 том к печати, приведя его окончательно к концу. Покуда, слава богу, дело идет еще недурно. Когда я перед отъездом из Москвы прочел некоторым из тех, которым знакомы были, как и вам, две первые главы, оказалось, что последующие сильнее первых и жизнь раскрывается, чем дале, глубже. Стало быть, несмотря на то, что старею и хирею телом, силы умственные, слава Богу, еще свежи" (Гоголь – А.П.Толстому).

ПСС, т. XIV, с. 201–202.

Октябрь 1. 1850.

Гоголь на именинах матери читает ей и сестрам главы второго тома "Мертвых душ".

Шенрок, т. IV, с. 705.

Ноября 7. 1850. Одесса.

"Нужно необходимо, чтобы к выходу II тома "Мертвых душ" подоспело издание сочинений, которых, вероятно, потребуется тогда вдруг много" (Гоголь – С.П.Шевыреву).

ПСС, т. XIV, с. 209–210.

Ноября 28. 1850. Москва.

"Рад тому, что ты приютился в Одессе и что подаешь надежду видеть тебя весною и даже со вторым томом "Мертвых душ". Вот было бы прекрасно" (С.П.Шевырев – Гоголю).

ПССП, т. XIV, с. 375.

Декабря 2. 1850. Одесса.

"Намеренья мои теперь вот какого рода: в конце весны или в начале лета предполагаю быть в Петербурге, затем, чтобы, во-первых, повидаться с тобой и с Жуковским и перечесть вместе всё то, что хочется вам прочитать, а, во-вторых, если будет Божья воля, то и приступить к печатанью" (Гоголь – П.А.Плетневу).

ПСС, т. XIV, с. 214.

Декабря 23. 1850. Одесса.

"О себе покуда скажу, что Бог хранит, дает силу работать и трудиться, Утро постоянно проходит в занятиях, не тороплюсь и осматриваюсь. Художественно создание и в слове то же, что и в живописи, то же, что картина" (Гоголь – А.О.Смирновой).

ПСС, т. XIV, с. 218.

Декабря 16. 1850. Одесса.

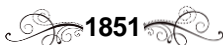
"Работа идет с прежним постоянством и хоть еще не кончена, но уже близка к окончанию" (Гоголь – В.А.Жуковскому).

ПСС, т. XIV, с. 215.

Зима. 1850/51.

Гоголь в Одессе. Работает над вторым томом "Мертвых душ".

ПССП, т. XVI, с. 674.

Января 24. Одесса.

"М-ме Гойер выехала с вопросом: "Скоро ли выйдет окончание "Мертвых душ"?" – Гоголь: "Я думаю – через год". Она: "Так они не сожжены?" (При этих словах я убежала). Он: "Да-а-а! Ведь это только начала-то было...". Он был сонный в этот день от русского обеда" (Е.А.Хитрово).

РА, 1902, № 3, с. 551.

Марта. <1850>. Одесса.

Гоголь читает у Репниных главы второго тома "Мертвых душ".

Из воспоминаний князя Н.В.Репнина-Волконского: "Во время пребывания Гоголя в Одессе он положительно писал вторую часть "Мертвых душ". Об этом всем нам было известно от него самого. Перед отъездом, в марте месяце <1851 года>, он вечером читал вслух написанную им вторую часть "Мертвых душ", и я теперь еще хорошо помню из них инциденты Тентетникова и Петуха и произведенное ими на меня впечатление

Мне в марте 1851 года минуло 17 лет, поэтому я мог совершенно сознательно ко всему относиться и отлично помню это чтение. Помню также, что при чтении нас было очень много слушателей... еще припоминаю особое впечатление, какое произвело на меня при чтении Гоголем второй части "Мертвых душ" – его серьезное невозмутимое выражение лица, когда он читает самые смешные эпизоды; это еще более усиливало комизм содержания".

Записки, 1906, с. 78–82.

Марта 28. 1851.

Гоголь отъезжает из Одессы в Васильевку.

ПССП, т. XVI, с. 680.

Начало апреля. 1851.

Гоголь приезжает в Кагарлык к А.А.Трощинскому, у которого гостит М.И.Гоголь со старшими дочерьми и читает родным первую главу второго тома "Мертвых душ".

Барсуков, т. XI, с. 541.

Мая 6. <1851>. Полтава.

"Что второй том "Мертвых душ" умнее первого – это могу сказать, как человек, имеющий вкус и притом умеющий смотреть на себя, как на чужого человека, так что, может быть, Смирнова отчасти и права; но как рассмотрю весь процесс, как творилось и производилось его создание, вижу, что умен только тот, кто творит и зиждет всё, употребляя нас всех вместо кирпичей для стройки по тому фасаду и плану, которого он один истинно разумный зодчий" (Гоголь – П.А.Плетневу).

ПСС, т. XIV, с. 229.

Июля 15. <1851>. Москва.

"Пишу к тебе из Москвы, усталый, изнемогший от жару и пыли. Поспешил сюда с тем, чтобы заняться делами по части приготовления к печати "Мертвых душ" второго тома, и до того изнемог, что едва в силах водить пером, чтобы написать несколько строчек записки, а не то, что поправлять или даже переписать то, что нужно переписать <...>. Получил пересланное тобой описание филармонического быта в большом свете, по поводу "Мертвых душ" (Гоголь – П.А.Плетневу).

ПСС, т. XIV, с. 240.

Июня 26. 1851. Москва.

"В воскресенье <24 июня> Гоголь приехал к Аксаковым. На другой день Гоголь пришел к обеду, принес новые малороссийские песни (записанные у него дома в деревне), за которые мы и принялись после обеда <...>. Потом отесенька прочел Гоголю из своих записок, после чего он сам принес свою тетрадь и прочел только отесеньке и братьям четвертую главу <...>.

Сегодня отесенька рассказывал нам, что читал Гоголь. Он и все в восхищении, только эта глава далеко не так окончена, как предыдущие. Со стороны Гоголя это была маленькая жертва прочесть то, что он думает потом сам изменить. С Гоголем мы вчера простились (он уехал в деревню к Смирновой). Несмотря на неоконченность главы, говорят, Гоголь захватывает такие разнообразные стороны жизни в среде уже более высокой, так глубоко зачерпывает с самого дна, что даже слишком полны по впечатлению выходят его главы" (В.С.Аксакова – М.Г.Карташевской).

ЛН, т. 58, с. 736.

<Октября 31. Москва>.

"Гоголь в назначенный вечер приехал к Аксаковым значительно позже Бодянского и меня. До его приезда С.Т.Аксаков и его сыновья, разговарывая со мною о Петербурге, расспрашивали о Норове, Плетневе, Срезневском и других знакомых им писателях. Все посматривали на дверь, ожидая Гоголя и приглашенного певца. Ни тот, ни другой еще не являлись. Пока Бодянский говорил со стариками, ко мне подсел Иван Сергеевич. Сообщив ему о моем заезде с Бодянским к Гоголю, я спросил его, что слышно о втором томе "Мертвых душ", который всех тогда занимал. И.С.Аксаков ответил мне, что в начале октября Гоголь был у них в деревне, Абрамцеве, под Сергиевской лаврой, где читал отрывки из этого

тома их отцу и потом Шевыреву, но взял с них обоих слово не только никому не говорить о прочитанном, но даже не сообщать предмета картин и имен выведенных им героев.

– Батюшка нам передавал одно, – прибавил И.С.Аксаков, – что эта часть поэмы Гоголя по содержанию, по обработке языка и выпуклости характеров показалась ему выше всего, что доньше написано Гоголем. Надо думать, что Чичиков, в конце этой части, вероятно, попадет за новые проделки в ссылку в Сибирь, так как Гоголь у нас и у Шевырева взял много книг с атласами и чертежами Сибири. С весны он затевает большое путешествие по России; хочет на многое взглянуть самолично, собственными глазами, называться русскими звуками, русскою речью и затем уже снова выступить на литературной сцене, с своими новыми образами. Все твердит: "жизнь коротка, не успею"; встает рано, с утра берется за перо и весь день работает; ночью, в одиннадцать часов, уже в постели.

– Мы видели у него груды исписанных бумаг, – сказал я.

– Он марает целые дести, – сказал И.С.Аксаков, – переделывает, пишет и опять обрабатывает; как живописец с кистью, то подойдет и смотрит вблизи, то отходит и вглядывается, не бросается ли какая-либо частность слишком резко в глаза? Его только смущают несправедливые нападки.

– За "Переписку с друзьями"? – спросил я.

– Да, эти злобные клеветы, будто он возгнушался искусством, считает его низким и бесполезным! Вы его видели – это ли не истинный, преданный долгу художник? А его чуть не в глаза называли, за его душевную исповедь, изменником, обманщиком, приписывали ему низкие и подлые цели. Жалкая, оторванная от родной почвы кучка западников-либералов! Им чужда Россия, чужд ее своеобразный, верящий народ <...>.

Подошел старик Аксаков. Он передал, что Гоголь все ждет от него живых "птиц", говоря, что и свои "души" он постарается сделать столь же живыми. Подъехал, наконец, Гоголь.

Помню, что спели какую-то украинскую песню даже общим хором. Кто-то в разговоре, которым прерывалось пение, сказал, что кучер Чичикова, Селифан, участвующий, по слухам, во втором томе "Мертвых душ", в сельском хороводе, вероятно, пел и только что исполненную песню. Гоголь, взглянув на И.С.Аксакову, ответил с улыбкой, что несомненно Селифан пел и "Чоботы", и даже при этом лично показал, как Селифан высокоделикатными, кучерскими движениями, вывертом плеча и головы, должен был дополнять,

среди сельских красавиц, свое "заливисто-фистульное" пение. Все улыбались, от души радуясь, что знаменитый гость был в духе. Но не прошло после того и десяти минут, Гоголь вдруг замолк, насупился, и его хорошее настроение бесследно исчезло. Усевшись в стороне от чайного стола, он как-то весь вошел в себя и почти уже не принимал участия в общей, длившейся беседе. Это меня поразило. Зная его обычай, Аксаковы не тревожили его обращениями к нему и, хотя видимо были смущены, покорно ждали, что он снова оживится.

Что вызвало в Гоголе эту неожиданную перемену в его настроении, новая ли, непростительная небрежность приглашенного певца, который и в этот вечер так и не явился, или случайное напоминание в дорогой ему семье о неконченной и мучившей его второй части "Мертвых душ", – не знаю. Только Гоголь пробыл здесь еще с небольшим полчаса, посидел молча, как бы сквозь дремоту прислушиваясь к тому, о чем говорили возле него, встал и взял шляпу.

– В Америке обыкновенно посидят, посидят, – сказал он, через силу улыбаясь, – да и откланиваются" (Г.П.Данилевский).

ГВС, с. 441–443.

Июля до 25–26. 1851.

Гоголь живет на даче у С.П.Шевырева в селе Троицком или Кагулове по Рязанской дороге. Читает ему под большим секретом новые главы второго тома "Мертвых душ" (всего прочитано в незаконченной редакции семь глав).

ПССП, т. XVI, с. 688.

<Июля до 25–26. 1851>

"В 1851 году мне случилось жить с Гоголем на даче у Шевырева, верстах в двадцати от Москвы, по Рязанской дороге. Как называлась эта дача, или деревня, не припомню. Я приехал прежде, по приглашению хозяина, и мне был предложен для житья уединенный флигель, окруженный старыми соснами. Гоголя совсем не ждали. Вдруг, в тот же день после обеда, подкатила к крыльцу наемная карета на паре серых лошадей и оттуда вышел Гоголь, в своем испанском плаще и серой шляпе, несколько запыленный.

В доме был я один. Хозяева где-то гуляли. Гоголь вошел балконной дверью, довольно живо. Мы расцеловались и сели на диван. Гоголь не преминул сказать обычную свою фразу: "Ну, вот теперь наговоримся: я приехал сюда пожить!.."

Явившийся хозяин просил меня уступить Гоголю флигель, которого я не успел даже и занять. Мне отвели комнату в доме, а Гоголь перебрался ту же минуту во флигель со своими портфелями. Людям, как водится, было запрещено ходить к нему без зову и вообще не вертеться без толку около флигеля. Анахорет продолжал писать второй том "Мертвых душ", вытягивая из себя клещами фразу за фразой. Шевырев ходил к нему, и они вместе читали и перечитывали написанное. Это делалось с такою таинственностью, что можно было думать, что во флигеле, под сенью старых сосен, сходятся заговорщики и варят всякие зелья революции. Шевырев говорил мне, будто бы написанное несравненно выше первого тома <...>" (Н.В.Берг).

ГВС, 1952, с. 507.

Июля 25–26. 1851. Москва.

"Убедительно прошу тебя не сказывать никому о прочитанном ни даже называть мелких сцен и лиц героев. Случились истории. Очень рад, что две последние главы, кроме тебя, никому неизвестны. Ради Бога никому" (Гоголь – С.П.Шевыреву).

ПСС, т. XIV, с. 241–242.

Июля 27. 1851. Село Троицкое.

"Успокойся, даже и жене я ни одного имени не назвал, не упомянул ни об одном событии. Только раз при тебе же назвал штабс-капитана Ильина, но и только. Тайна твоя для меня дорога, поверь. С нетерпением жду 7-й и 8-й главы. Ты освежил и упоил этим чтением. Бодрствуй и делай" (С.П.Шевырев – Гоголю).

ПССП, т. XV, с. 429.

Июль–август. 1851.

Гоголь на даче у Шевырева. Под большим секретом читает С.П.Шевыреву новые главы "Мертвых душ" (всего прочитано им Шевыреву семь глав) (Н.В.Берг).

РС, 1872, январь, с. 126; РА, 1896, № 1, 152;

РС, 1901, январь, с. 429.

Август. 1851.

"Лето того же года [1851 – Г.С.] я прожил у себя в деревне и когда возвратился в Москву, то услышал, что Гоголем написано уже 11 глав второго тома, но он всеми ими недоволен, все поправляет и переписывает" (Н.В.Берг).

РС, 1872, январь, с. 126.

Августа 18. 1851.

"Гоголь кончил свои "Мертвые души" и готовит пустить их в цензуру" (Ф.И.Иордан – А.А.Иванову).

ЛН, т. 58, с. 737.

Августа 20. 1851.

М.П.Погодин извещает читателей "Москвитянина": "19 числа сего августа... прибыл в Москву император с императрицей... есть надежда, что второй том "Мертвых душ" скоро выйдет в свет".

Моск., 1851, № 16, с. 265–267.

Осень. 1851. Москва.

Гоголь читает князю Д.А.Оболенскому и А.О.Россету первую главу второго тома "Мертвых душ".

Из воспоминаний князя Д.А.Оболенского:

"Из рассказов графа А.П.Толстого, которому Гоголь читал еще вчерне отрывки из второй части "Мертвых душ", я уже несколько знал, какой серьезный оборот должна принять поэма в окончательном своем развитии. Письма самого Гоголя о "Мертвых душах" подготавливали также публику к чему-то неожиданному. Все это усиливало мое любопытство, и я, пользуясь хорошим расположением духа Гоголя и скверной дорогой, мешавшей нам скоро уснуть, заводил на разные лады разговор о лежащей в ногах наших рукописи. Но узнал не многое. – Гоголь отклонял разговор, объясняя, что много еще ему предстоит труда, но что черная работа готова и что, к концу года, надеется кончить, ежели силы ему не изменят. Я выразил ему опасение, что цензура будет к нему строга, но он не разделял моего опасения, а только жаловался на скуку издательской обязанности и возни с книгопродавцами, так как он имел намерение, прежде выпуска второй части "Мертвых душ", сделать новое издание своих сочинений.

Осенью 1851 года, будучи проездом в Москве, я, посетив Гоголя, застал его в хорошем расположении духа, и на вопрос мой о том, как идут "Мертвые души", он отвечал мне:

– Приходите завтра вечером, в восемь часов, я вам почитаю.

На другой день, разумеется, ровно в восемь часов вечера я был уже у Гоголя; у него застал я А.О.Россета, которого он тоже позвал. Явился на сцену знакомый мне портфель; из него вытащил Гоголь одну довольно толстую тетрадь, уселся около стола и начал тихим и плавным голосом чтение первой главы.

Гоголь мастерски читал: не только всякое слово у него выходило внятно, но, переменяя часто интонацию речи, он разнообразил ее и заставлял слушателя усваивать самые мелочные оттенки мысли. Помню, как он начал глухим и каким-то гробовым голосом: "Зачем же изображать бедность, да бедность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей из глуши, из отдаленных закоулков государства? Что же делать, если уже таковые свойства сочинителя и, заболев собственным несовершенством, уже и не может он изображать ничего другого, как только бедность, да бедность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей из глуши и отдаленных закоулков государства? И вот опять попали мы в глушь, опять наткнулись на закоулок". После этих слов внезапно Гоголь приподнял голову, встряхнул волосы и продолжал уже громким и торжественным голосом: "Зато какая глушь и какой закоулок!"

За сим началось великолепное описание деревни Тентетникова, которое, в чтении Гоголя, выходило как будто писано в известном размере. Все описания природы, которыми изобилует первая глава, отделаны были особенно тщательно. Меня в высшей степени поразила необыкновенная гармония речи. Тут я увидел, как прекрасно воспользовался Гоголь теми местными названиями разных трав и цветов, которые он так тщательно собирал. Он иногда, видимо, вставлял какое-нибудь звучное слово единственно для гармонического эффекта.

Хотя в напечатанной первой главе все описательные места прелестны, но я склонен думать, что в окончательной редакции они были еще тщательнее отделаны".

Разговоры выведенных лиц Гоголь читал с неподражаемым совершенством. Когда, изображая равнодушное, обленившееся состояние байбака Тентетникова, сидящего у окна с холодной чашкой чая, он стал читать сцену происходящей на дворе перебранки небритого буфетчика Григорья с ключницей Перфильевной, то казалось, как бы действительно сцена эта происходила за окном и оттуда доходили до нас неясные звуки этой перебранки.

Граф А.П.Толстой сказывал мне, что ему не раз приходилось слышать, как Гоголь писал свои "Мертвые души": проходя мимо дверей, ведущих в его комнату, он не раз слышал, как Гоголь один, в запертой горнице, будто бы с кем-то разговаривал, иногда самым неестественным голосом. В черновых рукописях видны следы этой работы. Каждый разговор переделывался Гоголем по нескольку

раз. Зато как живо, верно и естественно говорят все его действующие лица.

Рассказ о воспитании Тентетникова, сколько мне помнится, читан был Гоголем в том виде, как он напечатан в первом издании 1855 года. Причина же выхода в отставку Тентетникова была гораздо более развита, чем в тех вариантах, которые до нас дошли. Но ничего подобного на глупые анекдоты о директорской шинели и галошах и о Сидоре Андреевиче, вставленных в варианты, изданные в 1872 году, не было и быть не могло; ибо причина выхода в отставку Тентетникова имела весьма глубокое нравственное основание.

Помню, что это место в чтении Гоголя особенно меня поразило по тонкости его психического анализа борьбы, происходящей в благородной душе молодого человека, с возвышенными чувствами и бескорыстными желаниями добра и пользы поступающего на службу. Таким был Тентетников, – не нужно забывать, что под влиянием чудного наставника развилось пылкое сердце мальчика и пробуждены были в нем все честные, благородные порывы и стремления; но Тентетников лишился своего наставника, когда "еще не успел образоваться и окрепнуть начинавший в нем строиться высокий внутренний человек; что, не испытанный измлада в борьбе с неудачами, не достигнул он до высокого состояния возвышаться и крепнуть от преград и препятствий; что растопившийся, подобно разогретому металлу, богатый запас великих ощущений не принял последней закалки". Поэтому, еще в школе, когда изменился характер преподавания и воспитания, он благодаря природному уму чувствовал, что не так должно преподавать, но как – не знал, и он "повесил нос". Но, по мере того как приближалось время к выпуску, сердце его билось. Он говорил себе: "Ведь это еще не жизнь, это – только приготовление к жизни, настоящая жизнь на службе". Там подвиги – и он жаждет их. С таким настроением поступает Тентетников на службу. С рвением принимается за работу. Прежде всего его несколько смущает механизм занятий, которому, ему казалось, придают слишком большое значение. Но он с этим примиряется в надежде все-таки добраться до сути дела, где найдет пищу своим благородным стремлениям и где, может быть, его ожидают подвиги. Он принимается за дело, как бы оно ни казалось вначале мелким. Действительно, уже в должности столоначальника у него в руках дела, направление которых уже много от него зависит. Он пишет, пишет новые законы, пишет распоряжения о благоустройстве отдален-

нейших мест, о которых не имеет ни малейшего понятия. Пишет заочно указы, разрешающие участь целого народонаселения, о действительных нуждах которого он ничего хорошенько не знает. Решает на бумаге дела людей, живущих за три тысячи верст. Ум и совесть говорят ему, что тут есть какая-то фальшь и что из всего этого может произойти много вздору, при всем желании его добра и пользы. Он чувствовал, что не так следовало бы идти делам, а как – не знал. И он утратил веру в службу. Вот разгадка, почему Тентетников "свыкнулся с службой: но только она сделалась у него не первым делом и целью, как он полагал было вначале, но чем-то вторым. Она служила ему распределением времени, заставив его более дорожить оставшимися минутами". При таком настроении, легко мог Тентетников подчиниться влиянию людей раздраженных и наискиваться на неприятности. При первом случае он выходит в отставку.

Вот тема, которая развита была Гоголем с поразительной живостию, – Тентетников выставлен был лицом в высшей степени симпатичным. Утратив веру в свой идеал, чувствуя себя безоружным в борьбе с неразрешимыми противоречиями, он, может быть, по примеру других, окончательно и примирился бы с ними, чиновное честолюбие взяло бы верх над голосом совести, ежели бы не представилось воображению его другое поприще деятельности, еще не испытанное им, но заманчивое по обилию средств к практическому приложению всего запаса добрых и благородных намерений, которыми полна была душа его. Он поехал в деревню.

Чудное описание этой деревни в чтении Гоголя выходило так прелестно, что когда он кончил его словами: "Господи, как здесь просторно!" то мы, оба слушателя, невольно вскрикнули от восхищения.

Затем приезд Чичикова, разговор его с Тентетниковым и весь конец первой главы, сколько мне помнится, Гоголь читал совершенно согласно с текстом издания 1855 года. Окончив чтение, Гоголь обратился к нам с вопросом:

– Ну, что вы скажете?

Будучи под впечатлением тех прелестных картин и разнообразных описаний природы, которыми изобилует первая глава, я отвечал, что более всего я поражен художественной отделкой этой части, что ни один пейзажист не производил на меня подобного впечатления.

– Я этому рад, – отвечал Гоголь и, передав нам рукопись, просил, чтобы мы прочли ему вслух некоторые места.

Не помню, г. Россет или я исполнил его желание, и он прислушивался к нашему чтению, видимо, желая слышать, как будут передаваться другими те места, которые особенно рельефно выходили при его мастерском чтении.

По окончании чтения г. Россет спросил у Гоголя:

– Что, вы знали такого Александра Петровича (первого наставника Тентетникова) или это ваш идеал наставника?

При этом вопросе Гоголь несколько задумался и, помолчав, отвечал:

– Да, я знал такого.

Я воспользовался этим случаем, чтобы заметить Гоголю, что, действительно, его Александр Петрович представляется каким-то лицом идеальным, оттого, быть может, что о нем говорится уже как о покойнике, в третьем лице; но как бы то ни было, а он, сравнительно с другими действующими лицами, как-то безжизнен.

– Это справедливо, – отвечал мне Гоголь и, подумав немного, прибавил: – Но он у меня оживет потом.

Что разумел под этим Гоголь – я не знаю.

Рукопись, по которой читал Гоголь, была совершенно набело им самим переписана; я не заметил в ней поправок.

Прощаясь с нами, Гоголь просил нас никому не говорить, что он нам читал, и не рассказывать содержания первой главы" (Из воспоминаний князя Д.А.Оболенского).

ГВС, 1952, с. 546, 548–552.

Сентябрь. 1851.

"По крайней мере на мое замечание о нетерпении всей публики видеть законченным наконец его жизненный и литературный подвиг" (П.В.Анненков).

ЛН, т. 58, с. 545.

Октябрь 4–5. 1851. Москва.

"Здоровье мое идет понемногу, нервы еще успокоились не совсем, но кажется, как будто покрепче. Работается крайне туго..." (Гоголь – С.Т.Аксакову).

ПСС, т. XIV, с. 257.

Октябрь 6. 1851.

"Напомните Гоголю, что я жду если не его самого, так письма от него. Печатается ли второй том "Мертвых душ"?" (П.А.Плетнев – М.П.Погодину).

ЛН, т. 58, с. 737–738.

Октябрь. 1851. Москва.

"Слава Богу за все. Дело кое-как идет. Может быть, оно и лучше, если мы прочитаем друг другу зимой, а не теперь. Теперь время еще какого-то беспорядка, как всегда бывает осенью, когда человек возится и выбирает место, как усесться, а еще не уселся. Месяца через два мы, верно, с божьей помощью приведем в большой порядок тетради и бумаги, тогда и чтение будет с большим толком и с большей охотой" (Гоголь – С.Т.Аксакову).

ПСС, т. XIV, с. 257.

"Гоголь был очень расположен к Щепкину. Оба они знали и любили Малороссию и охотно толковали о ней, сидя в дальнем углу гостиной в доме Михаила Семеновича. Они перебирали и обычаи, и одежду малороссиян, и, наконец, их кухню. Прислушиваясь к их разговору, можно было слышать под конец: вареники, голубцы, паленицы – и лица их сияли улыбками. Из рассказов Щепкина Гоголь почерпал иногда новые черты для лиц в своих рассказах, а иногда целиком вставлял целый рассказ его в свою повесть. Это делалось по просьбе Михаила Семеновича, который желал, чтобы характерные выражения или происшествия не пропали бесследно и сохранились в рассказах Гоголя. Так, Михаил Семенович передал ему рассказ о городничем, которому нашлось место в тесной толпе, и о сравнении его с лакомым куском, попадающим в полный желудок. Так, слова исправника: "полюбите нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит" – были переданы Гоголю Щепкиным. Нельзя утверждать, чтобы Гоголь всегда охотно принимал советы Михаила Семеновича, но последний всегда заявлял свое мнение искренно и без утайки..." (М.А.Щепкин).

ГВС, 1952, с. 528.

Ноября 16. 1851. Москва.

"Гоголь собирается печатать 2-й том "Мертвых душ", который окончен совершенно и который уже он читал у Назимова. Шевырев уже покупает, по его поручению, бумагу для печати..." (Е.И.Якушкин – И.К.Бабсту).

ЛН, т. 58, с. 742.

Декабря 25. 1851.

"Гоголь живет в Москве. Он получил разрешение напечатать прежние свои сочинения без цензуры, в том виде, как они были изданы прежде. Говорят, будто он приготовил к печати и второй том "Мертвых душ" (П.А.Плетнев – В.А.Жуковскому).

Плетнев, т. 3, с. 724.

Декабря 20. 1851. Москва.

"Я тружусь, работаю в тишине по-прежнему. Иногда хвораю, иногда же мило<сть> Божия дает мне чувствовать свежесть и бодрость, тогда и работа идет свежее, а работа всё та же, с той разницей, что меньше, может быть, юношеской самонадеянности и больше сознанья" (Гоголь – В.А.Жуковскому).

ПСС, т. XIV, с. 261.

<1851>.

"В самое последнее свидание с моей женой Гоголь сказал, что он не будет печатать второго тома, что в нем все никуда не годится и что надо все переделать. Только про первую главу второго тома он сказал мне, что она получила последнее прикосновение, была тронута кистью художника, говоря техническим языком живописцев. Он сказал это потому, что при вторичном чтении той же главы для моего сына Ивана я заметил многие изменения" (С.Т.Аксаков – С.П.Шевыреву).

РА, 1878, кн. 2, с. 54.

1852

Начало января. 1852. Москва.

"В последний раз я был у Гоголя в новый год; он был немного грустен, расспрашивал меня очень долго о здоровье сестры, говорил, что имеет намерение ехать в Петербург, когда окончится новое издание его сочинений и когда выйдет в свет второй том "Мертвых душ", который, по его словам, был совершенно окончен. Потом тут же при мне взял почтовый лист бумаги и написал сестре несколько поздравительных слов, запечатал и, отдавая его мне, просил переслать в Петербург. Этим письмом оканчивается переписка его с сестрой, продолжавшаяся четырнадцать лет. Обстоятельства заставили меня скоро оставить Москву: я переменял род службы и должен был отправиться в Петербург" (Л.И.Арнольди).

ГВС, 1952, с. 496.

Января 4 (16). 1852.

"Стороною слышу, что твоя работа идет удачно, что твои "Мертвые души" удивительно живы и что Смирнова от них в восхищении; слыша это, я мучаюсь нетерпением познакомиться с твоими мертвецами" (В.А.Жуковский – Гоголю).

ПССП, т. XV, с. 462–463.

Февраля 2. <1852>. Москва.

Гоголь отвечает на письмо В. Жуковского от 4<16> января (№ 1872), в котором в последний раз говорит о своем главном труде – "Мертвых душах".

"О себе что сказать? Сижу по-прежнему над тем же, занимаюсь тем же. Помолись обо мне, чтобы работа моя была истинно добросовестна и чтобы я хоть сколько-нибудь был удостоен пропеть гимн Красоте Небесной" (Гоголь – В. А. Жуковскому).

ПСС, т. XIV, с. 269.

<Начало февраля. 1852>.

"С первых чисел февраля <1852 г.> друзья Гоголя толковали промеж себя, что Гоголь весь погрузился в себя, удалился ото всех, никого не посещал, никого не принимал иначе, как по докладу и под условием просидеть с ним не долее какого-нибудь получаса. Одни, как Хомяков, этому радовались, думая, что великий писатель трудится над 2-м томом "Мертвых душ" и восторжествует после всеми признаваемого падения, споткнувшись на брошенный им же себе камень "Переписки с друзьями". Другие, скорее пессимисты, чем всегдашний оптимист Хомяков и паче всех обожавшая Гоголя восторженная семья Аксаковых, за него перепугались и ни о чем уже другом, как о самозаклчении Гоголя, не говорили. Те и другие внушали мне навестить затворника. Я был допущен с предупреждением от слуги – пробыть недолго. Принял он меня ласково, посадил и через 2–3 минуты судорожно вскочил со своего стула, говоря, что ему давно уже нездоровится. Нашел я его каким-то странным, бледным и, судя по глазам, чем-то встревоженным и пламенеющим. Я тотчас поднялся и от него вышел. Таким видел я его в последний раз, дней за 5 пред концом <...>" (Д. Н. Свербеев).

ЛН, т. 58, с. 750.

Февраля 5. Москва.

"Говорят, что вы посоветовали Гоголю сжечь второй том "Мертвых душ"? – "Неправда, и неправда... Гоголь имел обыкновение сжигать свои неудавшиеся произведения и потом снова восстанавливать их в лучшем виде. Да едва ли у него был готов второй том: по крайней мере, я не видал его. Дело было так: Гоголь показал мне несколько разрозненных тетрадей с надписями: глава, как обыкновенно писал он главами. Помню, на некоторых было надписано: глава I, II, III, потом, должно быть, VII, а другие были без означения; просил меня прочитать и высказать свое суждение. Я

отказывался, говоря, что я не ценитель светских произведений, но он настоятельно просил, и я взял и прочитал. Но в этих произведениях был не прежний Гоголь. Возвращая тетради, я воспротивился опубликованию некоторых из них. В одной или двух тетрадях был описан священник. Это был живой человек, которого всякий узнал бы, и прибавлены были такие черты, которых... во мне нет, да к тому же еще с католическими оттенками, и выходил не вполне православный священник. Я воспротивился опубликованию этих тетрадей, даже просил уничтожить. В другой из тетрадей были наброски... только наброски какого-то губернатора, каких не бывает. Я советовал не публиковать и эту тетрадь, сказавши, что осмеют за нее даже больше, чем за "Переписку с друзьями" <...>" (Протоиерей Федор Образцов).

Образцов, 1902, с. 138–139.

<Начало 1852>.

"В эту же зиму приведен был к окончанию второй том "Мертвых душ" и еще какие-то статьи, которые должны были войти в состав прежних четырех томов полного собрания. Напечатав предположенное, он собирался посвятить себя какому-то труду, по части русской истории. Не любя раскрывать своих задушевных мыслей, особенно говорить о себе как о сочинителе, тем более слушать себе похвалы, он в это последнее время, в задушевной беседе, объявил, однако, что довольнее своими последними, приготовленными к печати трудами, в которых слог трезвый, крупный, яркий, не такой, как был в прежних, уже изданных сочинениях, когда он вовсе не умел писать" <...>.

В последние месяцы своей жизни Гоголь работал с любовью и рвением, почти каждое утро до обеда (четырёх часов) выходя со двора для прогулки только за четверть часа, и вскоре после обеда по большей части уходил опять заниматься в свою комнату.

"Литургия" и "Мертвые души" были переписаны набело его собственною рукою, очень хорошим почерком. Он не отдавал своих сочинений для переписки в руки других; да и невозможно было бы писцу раздобыть его рукописи по причине огромного числа перемарок. Впрочем, Гоголь любил сам переписывать, и переписывание так занимало его, что он иногда переписывал и то, что можно было иметь печатное. У него были целые тетради (в восьмушку почтовой бумаги), где его рукою каллиграфически были написаны большие выдержки из разных сочинений. Второй том

"Мертвых душ" был прочтен им в Москве по главам в разных домах, но число слушателей было весьма ограничено, да и те обязывались не рассказывать о содержании слышанного до поры до времени. "Литургия" была еще меньшему числу его знакомых известна, а о других своих сочинениях он упоминал только изредка. Читал он отлично: слушавшие его говорят, что не знают других подобных примеров. Простота, внятность, сила его произношения производили живое впечатление, а певучесть имела в себе нечто музыкальное, гармоническое. При чтении даже чужих произведений умел он с непостижимым искусством придавать вес и надлежащее значение каждому слову, так что ни одно из них не пропадало для слушающих. В.А.Жуковский по этому поводу сказал, что ему никогда так не нравились его собственные стихи, как после прочтения их Гоголем.

И переписанные набело сочинения он все откладывал отдавать в цензуру, отзываясь тем, что желает еще исправить некоторые места, которые кажутся не совсем вразумительными. Впрочем, по его деятельности и распоряжениям можно было заключить, что у него многое уже окончательно готово" <...> (А.Т.Тарасенков).

ГБС, 1952, с. 512–514.

<Февраля 8 на 9. 1852. Москва>.

"На этой же неделе (с понедельника на вторник ночью) Николай Васильевич велел своему мальчику раскрыть печную трубу, вынул из шкапа большую кипу писанных тетрадей, положил в печь и зажег их. Мальчик заметил ему: "Зачем вы это делаете? может, они и пригодятся еще". Гоголь его не слушал; и когда почти все сгорело, он долго еще сидел, задумавшись, потом заплакал и велел пригласить к себе графа. Когда тот вошел, он показал ему догорающие листы бумаг и с горестью сказал: "Вот что я сделал! Хотел было сжечь некоторые вещи, давно на то приготовленные, а сжег все! Как лукавый силен – вот он к чему меня подвигнул! А я было там много дельного уяснил и изложил. Это был венец моей работы; из него могли бы все понять и то, что неясно у меня было в прежних сочинениях!"

Прежде этого Гоголь делал завещание графу взять все его сочинения и после смерти передать митрополиту Филарету. "Пусть он наложит на них свою руку; что ему покажется ненужным, пусть зачеркивает немилосердно". Теперь, в эту ужасную минуту сожжения, Гоголь выразил другую мысль: "А я думал разослать друзьям на память по тетрадке: пусть бы делали, что хотели. Теперь все

пропало". Граф, желая отстранить от него мрачную мысль о смерти, с равнодушным видом сказал: "Это хороший признак – и прежде вы сжигали все, а потом выходило еще лучше; значит, и теперь это не перед смертью". Гоголь при этих словах стал как бы оживляться; граф продолжал: "Ведь вы можете все припомнить?" – "Да, – отвечал Гоголь, положив руку на лоб, – могу, могу: у меня все это в голове". После этого он, по-видимому, сделался покойнее, перестал плакать.

Был ли этот поступок им обдуман прежде и произведен как следствие предшествовавших размышлений, или это решение последовало тут же, внезапно, – разгадку этой тайны он унес с собою. Во всяком случае после уничтожения своих творений мысль о смерти, как близкой, необходимой, неотразимой, видно запала ему глубоко в душу и не оставляла его ни на минуту" (А.Т.Тарасенков).

ГВС, 1952, с. 515–516.

<Февраля 8 на 9. 1852. Москва>.

"Ночью, на вторник, он долго молился один в своей комнате. В три часа призвал своего мальчика и спросил его, тепло ли в другой половине его покоев. "Свежо", – ответил тот. – "Дай мне плащ, пойдем, мне нужно там распорядиться". И он пошел, со свечой в руках, крестясь во всякой комнате, чрез которую проходил. Пришед, велел открыть трубу, как можно тише, чтоб никого не разбудить, и потом подать из шкафа портфель. Когда портфель был принесен, он вынул оттуда связку тетрадей, перевязанных тесемкой, положил ее в печь и зажег свечой из своих рук. Мальчик, догадавшись, упал перед ним на колени и сказал: "Барин! Что это вы? Перестаньте!" – Не твое дело, – ответил он. – Молись!" Мальчик начал плакать и просить его. Между тем огонь погасал после того, как обгорели углы у тетрадей. Он заметил это, вынул связку из печки, развязал тесемку и уложил листы так, чтобы легче было приняться огню, зажег опять и сел на стуле перед огнем, ожидая, пока все сгорит и истлеет. Тогда он, перекрестясь, воротился в прежнюю свою комнату, поцеловал мальчика, лег на диван и заплакал". – "Иное надо было сжечь, – сказал он, подумав, – а за другое помолились бы за меня Богу; но, Бог даст, выздоровею и все поправлю" (М.П.Погодин (со слов слуги Гоголя Семена Григорьева и графа А.П.Толстого)).

Моск., 1852, с. 49.

Февраля 21. Москва.

"Около 8 утра Гоголь представился о Господе".

Тарасенков, 1857, с. 28.

<Январь – февраль. 1852. Москва>.

"К сочинению своему он стал относиться в это время еще более подозрительно, только с другой, религиозной стороны.

Ему воображалось, что, может быть, там заключается что-нибудь опасное для нравственности читателей, способное их раздражить, расстроить. В этих мыслях, приблизительно за неделю до кончины, он сказал своему хозяину, Толстому: "Я скоро умру; свежи, пожалуйста, эту тетрадь к митрополиту Филарету и попроси его прочитать, а потом, согласно его замечаниям, напечатай".

Тут он передал графу довольно большую пачку бумаг, в виде нескольких тетрадей, сложенных вместе и перевязанных шнурком. Это было одиннадцать глав второго тома "Мертвых душ". Толстой, желая откинуть от приятеля всякую мысль о смерти, не принял рукописи и сказал: "Помилуй! ты так здоров, что, может быть, завтра или послезавтра сам свезешь это к Филарету и выслушаешь от него замечания лично".

Гоголь как будто успокоился, но в ту же ночь, часу в третьем, встал с постели, разбудил своего Семена и велел затопить печь. Семен отвечал, что надо прежде открыть трубу наверху, во втором этаже, где все спят: перебудишь! "Поди туда босиком и открой так, чтобы никого не будить!" – сказал Гоголь. Семен отправился и действительно открыл трубу так осторожно, что никто не слышал, и, воротясь, затопил печь. Когда дрова разгорелись, Гоголь велел Семену бросить в огонь ту связку бумаг, которую утром отдавал Толстому. Семен говорил нам после, будто бы он умолял барина на коленях не делать этого, но ничто не помогло: связка была брошена, но никак не загоралась; Обгорели только углы, а середина была цела. Тогда Гоголь достал связку кочергой и, отделив тетрадь от тетради, бросал одну за другой в печь. Так рукопись, плод стольких тягостных усилий и трудов, где, несомненно, были многие прекрасные страницы, сгорела.

Была ли это минута *просветления*, минута высокого торжества духа над телом, убаюканным лъстивыми словами недальновидных и добродушных друзей, – минута, когда великий художник прорвался в слабом, отходящем в иную жизнь человеке и сказал: "Нет! это не то, что нужно... задача не выполнена: сожги!" – Или это была совсем другая минута, – минута умственного расстройства? Я готов стоять за первое...

Подвиг (если это был подвиг) совершился, однако же, не вполне: в шкапу нашлись потом наброски Гоголя, приведенные в некоторую полноту и довольно чисто переписанные рукою самого Гоголя на больших почтовых листах. Забыл он об этих тетрадах, что ли, или оставил их умышленно?..

21 февраля Гоголя не стало. Об этом быстро узнал весь город. Скульптор Рамазанов снял в ту же минуту с покойного маску. Кто-то положил лавровый венок. Двое неизвестных мне художников сделали очерк лица покойного, в гробу, с лавровым венком на голове. Эти листки ходили по Москве. Но грубая спекуляция, а может и просто глупость, выпустила тогда же в свет нелепую литографию, изображавшую *сожжение рукописи*: Гоголь сидит, в халате, перед пылающим камином, мрачный, со впалыми щеками и глазами. Подле стоит на коленях Семен. Сзади подбирается смерть, с изогнутыми атрибутами. Рукопись пожирается пламенем...

Похороны были торжественные. Некоторые из знакомых Гоголя вынесли гроб, на плечах. В том числе находился и я. Снег был чрезвычайно глубок, при легком морозе. У Никитских ворот мы передали гроб студентам, которые шли кругом кучами и постоянно просились нас заменить. Студенты донесли гроб до своей церкви, считавшейся в то время самой аристократической и модной. Там произошло отпевание. В числе многих официальных лиц внешнего круга я видел попечителя Московского учебного округа генерал-адъютанта Назимова в полной форме. Из университетской церкви гроб понесли также на руках вплоть до кладбища, в Данилов монастырь, верст шесть-семь. Тут я опять увидел Назимова, над самой могилой, когда в нее опускали гроб.

Гоголь, положе неподалеку от Языкова. На гробнице написано изречение Ефрема Сирина: "Горьким словом моим посмеюся <...>" (Н.В.Берг).

ГВС, 1952, с. 504–510.

Февраля 25. 1852. Абрамцево.

"Вот, милая Машенька, что случилось с нами: Гоголь умер... страшные слова! Умереть-то ему нельзя, потому что он вошел в жизнь нашу; но вот беда: он сжег все "Мертвые души". Вероятно, ханжа гр. Толстой, попы и монахи подвинули его на это.

Нельзя служить двум владыкам; нельзя исповедовать двух религий: христианства и художества <...>.

Кажется, что дальше, то тяжелее этот удар" (С.Т.Аксаков – М.Г.Карташевской).

Аксаков С., 1960, с. 223.

Февраля 25. 1952.

"Как Вы полагаете, слухов об оставшихся сочинениях – бездна. Достоверно то, что он всё сжег. Но вчера единогласно говорили, что у гр. Толстого, его главного друга, у которого он жил и умер, остался запечатанный пакет, который откроют чрез 6 недель. Что в нем – неизвестно. Достоверно известно только то, что 2-я часть "Мертвых душ" сожжена" (Е.М.Феокистов – И.С.Тургеневу).

ЛН, т. 58, с. 743.

Февраля 26. 1852. Москва.

"Вчера мы похоронили Гоголя. Точно будто хоронил самого себя; знаю, что Вы испытываете то же самое чувство, и потому мне захотелось писать к Вам. Какое тяжкое чувство сиротства овладело всеми, для которых в Гоголе заключалась вся надежда, все утешение, единственная светлая точка в России. Теперь все лопнуло. Надо начать жить без Гоголя! Он изнемог под тяжестью неразрешимой задачи, от тщетных усилий найти примирение и светлую сторону там, где ни то, ни другое невозможно, – в обществе. Двенадцать лет трудился он над этой задачей, двенадцать лет писал он второй том "М<ертвых> д<уш>", писал, переписывал, переделывал и все не считал оконченным, ни разу не мог удовлетвориться... И вот он сам сжигает их и, сжегши, умирает. Все это полно страшного, огромного смысла. Вся мученическая, художественная деятельность Гоголя, все его существование, писание "М<ертвых> душ", сожжение их и смерть – все это составляет такое огромное историческое событие, с таким необъятным значением, от которого дух захватывает. "Ну, кажется, теперь больше хоронить некого", – сказал нам вчера Грановский <...> .

Гоголь постоянно смотрел на свой труд как на подвиг; в нем не было двух жизней и двух лиц отдельных: писателя и человека, члена общества. Когда я присутствовал при чтении двух глав из второго тома "М<ертвых> д<уш>", то мне делалось страшно: так каждая строка казалась написанною – кровью и плотью, всею его жизнью. Казалось, он принял в свою душу всю скорбь России. Как поразительны теперь слова, заканчивающие первый т<ом> "М<ертвых> д<уш>": "Русь, Русь, куда несешься ты, дай ответ... Не дает ответа!.." И не нашел он ответа!

Все сожжено им, ничего не осталось!" (И.С.Аксаков – И.С.Тургеневу).

Аксаков, 1960, с. 223–224.

Февраля 26. 1852.

"Еще до кончины узнали, что за день или два он ночью тайно от всех сжигает все свои сочинения и тут же "Мертвые души"; после не осталось ни строки, кроме чужих к нему писем" (Д.Н.Свербеев – Е.А.Свербеевой).

ЛН, т. 58, с. 747.

Февраля 29. 1852.

"Ищут, ищут повсюду, нет ли где какого списка со 2-го "Мертвых душ", сожженных самим автором, и нигде не находят.

Пронесся слух, будто Гоголь отдал список великой княгине Ольге Николаевне или Жуковскому; об этом можешь узнать сама" (Д.Н.Свербеев – Е.А.Свербеевой).

ЛН, т. 58, с. 748.

Февраль. 1852.

"Довольно сказать, что первая часть "Мертвых душ" кажется перед ним [II томом – Г.С.] незрелым произведением – впечатление, разделенное всеми слушателями со мной. Вот что сделала сосредоточенная мысль художника. Как природа, так и характеры уже не описываются, а выставляются весьма скудными чертами, но жизненными в такой степени, что глаза прожигают..." (П.В.Анненков – И.С.Тургеневу).

Тургенев, 1961, т. II, с. 476.

"Много еще пройдет времени, пока уразумеется вполне все глубокое и строгое значение Гоголя, этого монаха-художника, христианина-сатирика, аскета и юмориста, этого мученика возвышенной мысли и неразрешимой задачи! Нельзя было художнику в одно время вместить в себя, выстрадать, высказать вопрос и самому предложить на него ответ и разрешение! Вспомним то место, в конце 1-го тома "Мертвых душ", когда из души поэта, наболевшей от пошлости и ничтожества современного общества, вырываются мучительные стоны, и – обхваченный предчувствием великих судеб, ожидавших Русь, эту непостижимую страну, он восклицает: "Русь! куда несешься ты, дай ответ!.. Не дает ответа!.."

И не дала она ответа поэту, и не передал он его нам, хотя всю жизнь свою ждал, молил и домогался истины. Ответ желал он найти и себе и обществу, требовавшему от него разрешения вопроса, заданного "Мертвыми душами". Долго страдал он, отыскивая светлой стороны и пути к примирению с обществом, как того

жаждала любящая душа художника, искал, заблуждался (только тот не заблуждается, кто не ищет), уже не однажды думал, что найден ответ... Но не удовлетворилось правдивое чувство поэта <...>.

Вся жизнь, весь художественный подвиг, все искренние страдания Гоголя, наконец, сожжение самим художником своего труда, над которым он так долго, так мучительно работал, эта страшная, торжественная ночь сожжения и вслед за этим смерть, – все это вместе носит характер такого события, представляет такую великую, грозную поэму, смысл которой еще долго останется неразгаданным <...>.

Нам привелось два раза слушать чтение самого Гоголя (именно из 2-го тома "Мертвых душ"), и мы всякий раз чувствовали себя подавленными громадностью испытанного впечатления: так ощутителен был для нас этот изнурительный процесс творчества, о котором мы говорили, такую глубиной и полнотою жизни веяло от самого содержания, так много, казалось, изводилось жизни самого художника на писанные им строки. Да, если и ошибался этот гениальный поэт в некоторых своих воззрениях (высказанных, например, в "Переписке с друзьями"), то тем не менее подвиг всей его жизни вполне чист и высок, вполне искренен. Явится ли еще подобный художник или, быть может, со смертью Гоголя наступает для нас иная пора?.." (И.С.Аксаков).

Аксаков И., 1852, с. VIII–X.

Февраль–март. 1852.

"12 лет писал... 2-й том "Мертвых душ", писал, переписывал, переделывал и все не считал оконченным, ни разу не мог удовлетвориться... И вот он сам сжигает их и, сжегши, умирает" (И.С.Аксаков – И.С.Тургеневу).

РО, 1894, с. 464.

<1852>.

"По свидетельству людей, близко знавших Гоголя, им был уже вполне окончен весь 2-й том, состоявший из 11 глав, т.е. из того же числа, какое входило в состав первого тома, и он решался приступить к изданию его, когда внезапная болезнь изменила его намерения и побудила к сожжению с такою любовью взлелеянного произведения" (В.П.Чижов).

ВЕ, 1872, июль, с. 448.

Марта 1. 1852.

"Дней за десять до смерти, ночью, часа в три, сжег все бумаги, так, что Хомяков ни в одном ящике не нашел ничего, нет и готовых

семи глав второй части "Мертвых душ", которая Гоголь читал Шевыреву. Не известно, отыщется или нет. Говорят, что список есть у великой княгини Ольги Николаевны" (Н.Ф.Павлов – А.В.Веневитинову).

Барсуков, ч. 11, с. 538.

Марта 3 (15). 1852. С.-Петербург.

"... Скажу вам без преувеличения: с тех пор как я себя помню, ничего не произвело на меня такого впечатления, как смерть Гоголя... Эта страшная смерть – историческое событие, понятное не сразу: это тайна, тяжелая, грозная тайна – надо стараться ее разгадать, но ничего отрадного не найдет в ней тот, кто ее разгадает... все мы в этом согласны. Трагическая судьба России отражается на тех из русских, кои ближе других стоят к ее недрам, – ни одному человеку, самому сильному духом, не выдержать в себе борьбу целого народа, и Гоголь погиб! Мне, право, кажется, что он умер потому, что решился, захотел умереть, и это самоубийство началось с истребления "Мертвых душ"... Что касается до впечатления, произведенного здесь его смертью, да будет вам достаточно знать, что попечитель здешнего университета гр. Мусин-Пушкин не устыдился назвать Гоголя публично писателем лакейским. Это случилось на днях по поводу нескольких слов, написанных мною для "С.-Петербургских ведомостей" о смерти Гоголя (я их послал Феокистову в Москву). Гр. Мусин-Пушкин не мог довольно надивиться дерзости людей, жалеющих о Гоголе. Честному человеку не стоит тратить на это своего честного негодования. Сидя в грязи по горло, эти люди принялись есть эту грязь – на здоровье. Благородным людям должно теперь крепче, чем когда-нибудь, держаться за себя и друг за друга. Пускай хоть эту пользу принесет смерть Гоголя" (И.С.Тургенев – И.С.Аксакову).

Тургенев, 1961, т. II, с. 107–108.

Марта 4. 1852. С.-Петербург.

"На днях я слушал оставшиеся, или, лучше сказать, спасенные от Гоголя главы 2-й и 3-й части его "Мертвых душ". Теперь решительно известно, что это сочинение было у него кончено и сожжено – уцелело только каким-то чудом между черновыми его бумагами то, что я слышал. Рассказывают, что в последнее время, когда дух его уже омрачился и из деятельной силы начал переходить в какую-то аскетическую окись, он предлагал на сохранение чисто переписанный экземпляр "Мертвых душ", совсем конченных, одному из своих

приятелей, говоря ему: "Возьми, брат, это и спрячь; мне иногда кажется, что тут есть кое-что хорошее, жаль мне самому, если это пропадет". Приятель, однако ж, по неизвестной причине, не хотел этого исполнить, и высокое создание погибло. Да, высокое, судя по тем главам, которые я слышал. Главы эти весьма длинные, и, следовательно, по ним можно судить об остальном. Это решительно одно из тех капитальных творений искусства, которые переживают века. На сцене являются всё новые лица, до того типические и живые, что становится страшно, как бы сделалось страшно, когда какая-нибудь античная статуя сдвинулась бы вдруг со своего пьедестала и пошла. Тут являются лица с трагической физиономией и между ними тот же Чичиков и множество комических и юмористических изображений мастерской, почти шекспировской отделки. В последних частях идея "Мертвых душ" переменяет свой характер, и это одна из замечательнейших сторон книги. Выходит, что мертвые души не те, которых скупал Чичиков, а души тех, у которых он покупал. Тут сочинение становится колоссально величественным, грозным, не поэмой, как он его называл, а трагедией национальной. И все это пропало! Потеря действительно важная. Такое сочинение именно теперь нужно, и оно принесло бы несчетно много добра. Жалко подумать, от каких случайностей зависит успех нравственности на земле" (А.В.Никитенко – неустановленному лицу).

ЛН, т. 58, с. 750–751.

Марта 5 (17). 1852. Баден<-Баден>.

"Какое пустое место оставил в этом маленьком мире мой добрый Гоголь! жалею об нем еще для его начатых и неконченных работ; для нашей литературы он потеря незаменимая. Но жалеть ли о нем для него? Его болезненная жизнь была и нравственно мучима. Настоящее его призвание было монашество: я уверен, что если бы он не начал свои "Мертвые души", которых окончание лежало на его совести и все ему не давалось, то он давно бы был монахом и был бы успокоен совершенно, вступив в ту атмосферу, в которой душа его дышала бы легко и свободно. Его авторство, по особенному свойству его гения, в котором глубокая меланхолия соединялась с резкостью иронии, было в противоречии с его монашеским призванием и ссорило его с самим собою" (В.А.Жуковский – П.А.Плетневу).

Смирнова, 1931, с. 306.

Марта 6. 1852.

"Гоголя нет на свете, Гоголь умер... Странные слова, не производящие обыкновенного впечатления. Умереть Гоголю вдруг нельзя: тело его предано земле, но дух вошел в нашу жизнь, особенно в жизнь молодого поколения. Много, очень много надобно времени, чтоб память о Гоголе потеряла свежесть; забыт, кажется мне, он никогда не будет. Но Гоголь сжег "Мертвые души"... вот страшные слова! Безотрадная грусть обнимает сердце при мысли, что Гоголь не досказал своего слова, что погиб плод десятилетних вдохновенных трудов, что навсегда исчезли созданные им образы, выступавшие во втором томе "Мертвых душ", первые главы которого он читал многим. Я сам слышал четыре, а С.П.Шевырев и А.О.Смирнова, как говорят, слушали семь глав. И Уленька, и Тентетников с их взаимною любовью, и генерал Быстрищев, и Костанжогло, и братья Платоновы, и многие другие – все погибли, и навсегда! Это ужасно, это невыносимо горько. Но теперь еще не время распространяться об этом. Я обращаюсь к статьям Гоголя, получившим теперь настоящий смысл, к его "Предисловию" и "Завещанию", напечатанным в книге "Выбранные места из переписки с друзьями". Если б Гоголь был жив, я никогда бы не стал перечитывать этой книги, в свое время не один раз прочитанной мною; но теперь следовало это сделать, и я прочел ее вновь. Поразили меня эти две статьи. Больно и тяжело вспомнить неумеренность порицаний, возбужденных ими во мне и других. Вся беда заключалась в том, что они рано были напечатаны. Вероятно, такое же действие произведут теперь обе статьи и на других людей, которые, так же, как и я, были недовольны этою книгой и особенно печатным завещанием живого человека. Смерть все изменила, все поправила, всему указала настоящее место и придала настоящее значение. Гоголя как человека знали весьма немногие. Даже с друзьями своими он не был вполне или, лучше сказать, всегда откровенен. Он не любил говорить ни о своем нравственном настроении, ни о своих житейских обстоятельствах, ни о том, что он пишет, ни о своих делах семейных. Кроме природного свойства замкнутости, это происходило от того, что у Гоголя было постоянно два состояния: творчество и отдохновение. Разумеется, все знали его в последнем состоянии, и все замечали, что Гоголь мало принимал участия в происходившем вокруг него, мало думал о том, что говорят ему, и часто не думал о том, что сам говорит; одним словом, Гоголя не могли знать хорошо и потому могли усомниться в задушевности, в правде многих слов его последней книги. Но

теперь, когда он смертью запечатлел искренность своих нравственных и религиозных убеждений, кажется наступило время дать полную веру его христианской любви к людям. Речь идет не о том, ошибочны были или нет некоторые мысли и воззрения Гоголя, речь идет о правде его смирения, чистоте намерений, сердечности чувствований и стремления к добру.

Я убедительно прошу всех друзей и почитателей Гоголя обратить особенное внимание на следующие его слова: "Завещаю по смерти моей не спешить ни хвалой, ни осуждением моих произведений в публичных листах и журналах; все будет так же пристрастно, как и при жизни. В сочинениях моих гораздо больше того, что нужно осудить, нежели того, что заслуживает хвалу. Все нападения на них были в основании более или менее справедливы. Передо мной никто не виноват; неблагороден и несправедлив будет тот, кто попрекнет мною кого-либо в каком бы то ни было отношении".

Неужели теперь мы не поверим в искренность каждой буквы этих слов? Чем можем мы достойнее почтить память усопшего нашего друга, как не самым точным исполнением завещанного им желания? Я знаю, нельзя ожидать общего почтительного молчания хотя на короткое время. Вероятно, много будут писать и уже пишут теперь о Гоголе. Вероятно, некоторые, глубоко, болезненно огорченные смертью любимого и чтимого художника, станут так горячо хвалить его, что оскорбят самолюбие многих; оскорбленные станут возражать с большею неумеренностью; охотно присоединится к ним онемевшее перед таинством смерти старинное недоброжелательство, и закипят над свежей могилой Гоголя новые вражды, тогда как сердце его билось одним желанием, чтоб люди жили в мире и любви. Не будет ли это истинным оскорблением памяти Гоголя, который никогда ни к кому не питал неприязни, даже скоропреходящего гнева: эту истину могут засвидетельствовать не только все друзья, но даже сколько-нибудь знакомые с ним люди. Не заводить новые ссоры следует над прахом Гоголя, а прекратить прежние, страстями возбужденные, несогласия и в этом искать утешения в нашем общем великом горе" (Письмо Сергея Тимофеевича Аксакова к друзьям Гоголя).

РС, 1873, т. XIII, декабрь, с. 955–957.

Марта 11. 1852. Москва.

"Потеря Гоголя вдвойне для меня чувствительна. Кроме общей, я в нем оплакиваю и личную потерю, ибо он был мне близок. Увы!

Сожжение всех последних следов его литературной деятельности оказывается верным. В "Москвитяине" вы прочтете подробности. По истечении шести недель, узнаем всю правду. Семь глав второго тома он мне читал: это утрата долго незаменимая в нашей словесности". (С.П.Шевырев – К.С. Сербиновичу).

РС, 1904, январь – февраль – март, т. 117, с. 429.

Марта 12. 1852. Острогжск.

"... Смерть Гоголя ужасно поразила меня. Нет сомнения, что тяжелая атмосфера играет немаловажную роль в смерти многих людей у нас. Что будет с 2-м томом "Мертвых душ", будут ли его печатать, осталось ли еще что-нибудь и к кому перешло? Это очень интересно. Неужели он сжег все, что было у него?.." (И.В.Станкевич – Н.М. и А.В.Щепкиным).

ЛН, т. 58, с. 754.

Марта 17. 1852.

"Летом же [1851 г. – Г.С.] читал многим главы "Мертвых душ" и сам попросил напечатать известие в журнале о скором его издании вместе с умноженным первым.

А.О.Смирнова сказывала мне, что только И.В.Капнисту, который хотя любил Гоголя, но терпеть не мог его сочинений, он прочитал девять глав, желая воспользоваться строгою критикою беспощадного порицателя своих сочинений" (П.А.Плетнев).

СПГ, 1857, т. III, с. 734.

Марта 17. 1852.

"Итак, Москва приняла прах его, он любил Москву, помнишь, как он нам в последний раз говорил о Москве? Как же "Мертвые души"? Он сжег их! Не найдутся ли они где-нибудь? Это потеря большая" (Е.А.Свербеева – Д.Н.Свербееву).

ЛН, т. 58, с. 747.

Марта. 1852.

"Уже вторую горестию была для меня мысль о Гоголе, как о нашей знаменитости. Осиротели мы совершенно, невозвратно, и последнее наше сокровище отнял у нас Толстой своим ханженством. Зачем лишил он нас еще одной части Мертвых Душ? Вы один, милый мой дяденька, имеете воспоминание чудных глав, которые остались неизвестны никому" (М.Г.Карташевская – С.Т.Аксакову).

МИ, 1936, с. 188.

<1852>.

"От всей души благодарю вас, почтеннейший Степан Петрович, за ваше письмо и за извещение о бумагах покойного друга нашего. Все найденное вами драгоценно для нас и все свидетельствует из каких трудов и святых стремлений состояла непорочная жизнь его!.. его обращение к друзьям так взволновало мою душу, что я не скоро пришел в состояние его дослушать. Каждое слово в нем – святая правда и священный залог его к нам дружбы. Жаль, что не было известно при его кончине завещание матери и сестрам: тогда легче было бы перевезть тело покойного в Васильевку (чего, – по моему, очевидно, желал он); а теперь, при каком-то безумном гонении имени Гоголя, вероятно это встретит много затруднений.

Еще раз благодарю от глубины сердца за вашу дружескую поспешность – поделиться со мной вашими чувствами и прекрасными намерениями; дай Бог вам совершить их благополучно. Хотя я предполагал, что открытие и разбор бумаг будут произведены в присутствии Погодина, вас, меня и Хомякова, но сыновья объяснили мне причину, по которой было сделано именно таким образом. Впрочем, я вполне признаю, что одного вашего присутствия для этого было достаточно, ибо уверен, что вы не допустили никого читать частную переписку Гоголя...

Конечно, все бумаги покойного принадлежат его наследникам, т.е. его сестрам; но оне, разумеется, представят в наше полное распоряжение свое литературное наследство, и я прошу вас передать мои письма которому-нибудь из моих сыновей...

Не один раз слышал я от Гоголя, как возмущалась душа его, когда после смерти какого-нибудь замечательного писателя, предавали тиснению все остальное им ненапечатанным, тогда как не было прямых указаний, что автор хотел напечатать, но не успел. У нас есть указания совершенно тому противные: в самое последнее свидание с моей женой, Гоголь сказал, что он не будет печатать второго тома, что в нем все никуда не годится и что надо все переделать. Сожжение набело переписанных глав второго тома как нельзя больше подтверждает эти слова. И так, рассудите сами, следует ли их печатать? Найденные вами черновые тетради, очевидно забытые Гоголем, должны быть самые давнишние. Только про первую главу второго тома он сказал мне, что она получила последнее прикосновение, была тронута кистью художника, говоря техническим языком живописцев. Он сказал это потому, что при вторичном чтении той же главы для моего сына Ивана, я заметил

многие изменения. Повторяю: как же печатать после этого черновую, впоследствии, может быть, совершенно измененную рукопись?

Мы нарушим последнюю волю или художника или христианина... нам надобно увидаться и поговорить вместе с Михаилом Петровичем. Я подробно изложу вам обоим мои мысли, а вы можете поступить, как заблагоразсудите" (С.Т.Аксаков – С.П.Шевыреву).
РА., 1878, № 5, кн. 2, с. 53–54.

<Весна. 1852.> Москва.

"... На днях получил от Шевырева отесенька письмо, в котором он нам сообщает дорогие для нас вести. Они произвели разбор бумагам Гоголя и нашли между другими бумагами, свидетельствующими о его непрестанных и неутомимых трудах всякого рода, 5 черновых глав "Мертвых душ" и истолкование литургии, это последнее сочинение. Но что всего для нас дороже – это последние строки Гоголя, которые и посылаю тебе, мой милый друг, – в них святая истина, объясняющая вполне всю деятельность Гоголя самого. Мы не раз слышали от него самого подобные мысли, но никогда они не выражались так ясно, просто и хорошо. Как хотелось бы мне видеть и пересмотреть все его бумаги! Жаль, что мы не в Москве! Но печатать эти черновые главы "Мертвых душ" не должно, по крайней мере теперь: очевидно, что он не желал их оставить, если сжег набело переписанные. В черновых тетрадах он даже часто не выписывал того, что у него уже было окончено в голове и что он читал из головы, держа в руках тетрадь. Эти тетради могут возбудить противоречия, недоумения. Надобно знать, как Гоголю было тяжело выставлять что-нибудь незрелое, недоконченное, тяжело потому именно, что вводило в заблуждение слушающих и не могло быть полезно. Не знаю, как поступит Шевырев, который, впрочем, принимает самое искреннее душевное участие во всем этом" (В.С.Аксакова – М.Г.Карташевской).

ЛН, т. 58, с. 755–756.

Апреля 2. 1852.

"Из второго тома он читал мне летом, живучи у меня на даче, около Москвы, семь глав. Он читал их, можно сказать, наизусть по написанной канве, содержа окончательную отделку в голове своей" (С.П.Шевырев – М.Н.Синельниковой).

РС, 1902, май, с. 442–443.

<Февраля–июля. 1852. Москва>.

"Акт сожжения "Мертвых душ" может быть только объяснен таким подробным анализом особенных нравственных свойств этого необыкновенного человека и таким подробным изучением самой задачи, задуманной Гоголем и разрешить которую он надеялся "Мертвыми душами", что нет возможности сколько-нибудь убедительно и ясно изложить это в краткой журнальной статье.

Вскоре после похорон Гоголя все находившиеся в квартире его бумаги, все до последнего листка, были переданы графом А.П.Толстым – С.П.Шевыреву.

Смерть Гоголя, как громовой удар, поразила нашу литературу. Все газеты и журналы наполнены были статьями о Гоголе. Это окончательно возмутило цензурное управление, уже прежде подозрительно относившееся к Гоголю, считая его знаменем или главою либеральной партии. Особенно злобно относился к Гоголю бывший в то время попечителем С.-Петербургского учебного округа Мусин-Пушкин, председательствовавший в главном управлении цензуры.

Цензорам объявлено было приказание – строго цензуровать все, что пишется о Гоголе, и, наконец, объявлено было совершенное запрещение говорить о Гоголе. И.С.Тургенев за коротенькую статью, напечатанную в "Московских ведомостях" 13-го марта 1852 года, где он назвал Гоголя великим писателем, по особому распоряжению посажен был в Петербурге на съезжую, во вторую часть, и просидел там две недели. Наконец даже имя Гоголя опасались употреблять в печати и взамен его употребляли выражения: "известный писатель".

Вот при каких условиях друзья и родственники Гоголя должны были начать хлопоты об издании его сочинений и в том числе найденных отрывков из второй части "Мертвых душ".

Высшее петербургское общество в то время относилось с полным равнодушием к русской литературе вообще, а к утрате Гоголя в особенности.

Весьма тесный кружок людей, ценивших творения Гоголя, был совершенно бессилен противодействовать в высших сферах влиянию "Северной пчелы", под редакцией Булгарина. Газета эта, владея искусством действовать на слабые струны лиц, в то время власть имевших, была единственною представительницею общественного мнения в глазах этих лиц. Она умела ополнить и вместе с тем представить в опасном виде восторженные похвалы поклонников Гоголя. Замечательно, что арест И.С.Тургенева в съезде

доме не произвел в высшем петербургском обществе никакого особого впечатления. Место заключения – "съезжий дом", куда сажали тогда пьяниц, показался некоторым лицам только странным и знаменательным, об этом много шутили и смеялись.

... Между тем Шевырев занимался в Москве разбором бумаг покойного Гоголя. В числе их оказалось несколько оконченных глав второго тома "Мертвых душ" и несколько отрывков из второй, а может быть даже и третьей части. Рукописи эти, очевидно, были черновые, с таким множеством помарок, что разобрать их было делом весьма трудным. Шевырев, которому Гоголь успел прочесть почти весь второй том, мог один только, по памяти, восстановить текст, ближе всего подходивший к той редакции, которая была сожжена. При содействии племянника покойного Гоголя, г. Трушковского, труд этот был кончен весною 1853 года" (Д.А.Оболенский).

ГВС, 1952, с. 553–554.

Мая 2. 1852.

"Бумаги открыли. Нашли объяснение на литургию и 4 главы черновых 2-го тома "Мертвых душ". Подробнее при свидании" (С.П.Шевырев – М.П.Погодину).

Манн, 1984, с. 354.

Июня 10. 1852. Москва.

"... свободные часы должен я был посвятить разбору бумаг, оставшихся после покойного Н.В.Гоголя. Нашлись... пять черновых тетрадей 2-го тома "Мертвых душ", забытые им, вероятно, – печальный остаток, уцелевший нечаянно от аутодафе. Все это требует разбора, редакции, переписки. Могу сделать это только я сам. – Жду свободных совершенно минут для этого дела (С.П.Шевырев – К.С.Сербиновичу).

РС, 1904, январь – февраль – март, с. 430.

"Шевырев, которому Гоголь успел прочесть почти весь второй том, мог один только, по памяти, восстановить текст, ближе всего подходивший к той редакции, которая была сожжена...

На первоначальном списке, изданном в 1855 г., после второй главы написано было карандашом, в скобках: "Здесь пропущено примирение генерала Бетрищева с Тентетниковым; обед у генерала и беседа их о 12-м годе, помолвка Улиньки с Тентетниковым; помолвка ее и плач на гробе матери; беседа помолвленных в саду.

Чичиков отправляется, по поручению генерала Бетрищева, к родственникам его для извещения о помолвке дочери и едет к одному из этих родственников – полковнику Кашкаркову..."

Я могу указать... еще несколько мотивов из последних глав 2-й части, о которых г. Арнольди не упоминает, но которые я слышал от Шевырева. Напр., в то время, когда Тентетников, пробужденный от своей апатии влиянием Улиньки, блаженствует, будучи ее женихом, его арестовывают и отправляют в Сибирь; этот арест имеет связь с теми сочинениями, которые он готовил о России и с дружбой с недоучившимся студентом с вредным либеральным направлением. Оставляя деревню и прощаясь с крестьянами, Тентетников говорит им прощальное слово (которое, по словам Шевырева, было замечательное художественное произведение). Улинька следует за Тентетниковым в Сибирь, – там они венчаются и проч. Вероятно, в бумагах Шевырева сохранились какие-либо воспоминания о слышанных им главах 2-го тома "М.Д.": по крайней мере, мне известно, что он намерен был припомнить содержание тех глав, от которых не осталось никаких следов, и изложить их вкратце на бумаге" (кн. Оболенский).

ГВС, 1952, с. 555–556.

"В то время, когда Тентетников, пробужденный от своей апатии влиянием Уленьки, блаженствует, будучи ее женихом, его арестовывают и отправляют в Сибирь; этот арест имеет связь с тем сочинением, которое он готовил о России, и с дружбой с недоучившимся студентом... Оставляя деревню и прощаясь с крестьянами, Тентетников говорит им прощальное слово (которое, по словам Шевырева, было замечательное художественное произведение). Уленька следует за Тентетниковым в Сибирь, – там они венчаются и проч." (С.Шевырев со слов кн. Оболенского).

ГВС, 1952, , с. 555–556.

РС, 1873, т. VIII, декабрь, с. 952–953.

Июля 2. 1852. Казань.

"Кто мог ожидать, что он, трудясь несколько лет над своим созданием, все предаст сожжению!! В последний мой с ним разговор, на вопрос: оживают ли его "Мертвые души" – "Как же иначе? И даже почти ожили", – с улыбкою, известною Вам, отвечал он мне. Непонятно, что с ним случилось" (А.А.Божко – неустановленному лицу).

ЛН, т. 58, с. 767.

<Июля. 1852. Москва>.

"После распечатанья бумаг Гоголя я было на другой день написал к Вам о том, что найдено, но мне отсоветовали посылать письмо, потому что тогда боялись делать это открытием гласным. Действительно найдены самые черновые рукописи 4-х первых глав 2-го тома, да еще какой-то главы, никому не читанной. Шевырев их сам разбирает и переписывает <...>.

Объяснение обедни, завещание, слово к друзьям, этот лоскуток – кажется, найдены в портфеле; очевидно, что он сохранил их с намерением, но главы из "Мертвых душ" нашлись завалившимися в шкафу за книгами. При распечатании бумаг были Капнист, Толстой и Шевырев; разбор взял на себя Шевырев, который исполняет это дело добросовестно" (И.С.Аксаков – неустановленному лицу).

Манн, 1984, с. 354–355.

Августа 13. 1852. Москва.

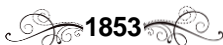
"Гоголя оставшиеся бумаги еще не успел переписать" (С.П.Шевырев – М.П.Погодину).

Барсуков, ч. 12, с. 10.

Список бумаг, оставшихся после покойного Гоголя:

"Черновые тетради 2-го тома "Мертвых душ": 1-я глава от 1-й до 35 страницы, 2-я глава от 37 до 48-й страницы, 3-я глава от 47 страницы по 75-ю, 4-я глава от 77 по 99-ю. Еще глава, необозначенная номером. Еще эскиз, должен быть, из 1-го тома "Мертвых душ".

РМ, 1896, кн. V, с. 180.

Января 29 (ст.ст.). 1853. Спасское.

"Работаю я порядком и читаю много. Кстати, в проезде Вашем через Москву, Вы не слыхали отрывков из 2-й части "Мертвых душ"? До меня только доходят слухи о ней. Если Вам это удалось, поделитесь со мной Вашими впечатлениями" (И.С.Тургенев – П.В.Анненкову).

Тургенев, 1961, т. II, с. 116.

<Февраль. 1853>.

"Чтение двух глав второй части "Мертвых душ" – это колокол Ивана Великого, заглушающий все наши почтовые колокольчики" (П.В.Анненков – И.С.Тургеневу).

ВЛ, 1957, № 2, с. 181.

Февраля 9. 1853.

"Обедал у <А.Н.Карамзина>. После обеда читаны были неизданные главы "Мертвых душ". Чтение продолжалось ровно пять часов, от семи до двенадцати. Эти пять часов были истинным наслаждением. Читал, и очень хорошо, князь <Д.А.>Оболенский" (А.В.Никитенко).

ЛН, т. 58, с. 751.

Февраль. 1853.

"Первая часть "Мертвых душ" кажется перед ним незрелым произведением – впечатление, разделенное всеми слушателями со мной. Вот что сделала сосредоточенная мысль художника. Как природа, так и характеры уже не описываются, а выставляются весьма скучными чертами, но жизненными в такой степени, что глаза прожигают..." (П.В.Анненков – И.С.Тургеневу).

Тургенев, 1961, т. II, с. 476.

Февраля 24 (ст.ст.). 1853. Орел.

"... Ваши слова по поводу "посмертного" романа ["Мертвые души" Н.Гоголя] возбудили во мне невыразимое желание услышать наконец эту гениальную вещь... Хотя, с другой стороны, я думаю, что если б я прочел ее в начале зимы, – у меня бы самого перо из рук вывалилось – беда небольшая – конечно – но что бы я делал всю зиму?" (И.С.Тургенев – П.В.Анненкову).

Тургенев, 1961, т. II, с. 128.

Ноября 6. 1852. Москва.

"Из сочинений Гоголя уцелело: три<!> неполные черновые главы второго тома "Мертвых душ", его автобиография и объяснение литургии. Три главы были брошены им в шкаф с платьем, после переписки набело, и позабыты: некоторые листы потеряны. Но случилось, что сын Шевырева, перечитывая окончательную рукопись "Мертвых душ", делал из нее для себя извлечения. Теперь эти извлечения отчасти восполняют дефект утраченного

творения Гоголя, но все-таки это бедные остатки <...>. А первые повести в "Вечерах на хуторе" показывают уже замечательную способность строить план композиции... все это объяснится, когда соберутся все факты... – об уцелевших частях "Мертвых душ" говорят, что это черновая рукопись всего 2-го тома, но только со многими утраченными листами, а что две или три первые главы вчерне, с большими поправками и помарками, сохранились вполне (Неустановленное лицо – такому же).

ЛН, т. 58, с. 768.

Апреля 2. 1853. Спасское.

"Довелось мне слышать отрывки из первых двух глав продолжения "Мертвых Душ" – вещь удивительная, громадная – но что такое фантастический наставник Тентетникова – Александр Петрович – что за лицо – и какое его значение? – Не нравится мне также Улинька: ложью – (виноват!) ложью несет от нее, – тою особенно неприятной ложью, которая с какой-то небрежной естественностью становится перед Вами в виде самой настоящей Истины – я имел случай изучить ее в лице А.О.Смирновой, с которой Улинька, вероятно, списана. Не могу я также переварить Селифана, видящего во сне, что он кружится в хороводе с прекрасными крестьянками – и не перевариваю я его не вследствие направления, а так – не верится мне что-то. Но все-таки Вы правы – это колокол Ивана Великого, а мы – даже не колокольчики, как Вы выразились – а сверчки запечные, – трещим – и с большим усердием трещим, – но кому от этого какая польза?" (И.С.Тургенев – П.В.Анненкову).

Тургенев, 1961, т. II, с. 141.

Апреля 21 (3 мая). 1853. Спасское.

"Я не боюсь сказочного элемента в романе – и мне потому только не верится в селифановский сон, что мне кажется, что Гоголю он бы в голову не пришел, если б он не хотел смягчить и загладить своих жесткостей в 1-ой ч<асти> "Мертвых душ" – загладить их в смысле "Переписки". И не в одном этом сне замечается это желание подпустить "примирительного" элементу. Я знаю, что в природе и в жизни всё так или иначе примиряется – если жизнь не может, смерть примирит; да ведь коли художнику такого рода гармония, гармония, которую бы он сам, сознательно, вложил в свое произведение, не дается – зачем ему насиловать себя?" (И.С.Тургенев – П.В.Анненкову).

Тургенев, 1961, т. II, с. 144.

Май. 1853. Полтава.

"Ваше Императорское Величество Всемилостивейший Государь. Мать Гоголя, имевшего счастье при жизни трудами своими заслужить благоденствия Вашего Императорского Величества, повергается перед вами с своею всеподданнейшею просьбою <...>.

По смерти сына моего, в бумагах его найдены неизданные сочинения, из которых особенно замечательны: Авторская исповедь, Размышление о божественной литургии и пять глав второго тома "Мертвых душ". По мнению, не моему, которое могло бы быть пристрастно, но людей, заслуживающих доверие, в этих сочинениях обнаружены такие нравственные истины, которые бросают новый свет на все прежние сочинения моего сына, выставляют образ его мыслей, подвергавшийся разным толкованиям, в настоящем виде. Издание их вместе с прежними трудами сына моего, как уверяют меня, могло бы принести некоторую пользу русской словесности, в отношении к нравственному направлению его произведений. Память сына моего мне дорога, – сильно во мне желание, чтобы он Божьим даром ему данным, тем словом своим, которым он имел счастье при жизни заслужить милостивое внимание Вашего Императорского Величества, и по смерти своей мог быть полезен своему отечеству..." (М.И.Гоголь – государю Николаю Первому).

РМ, 1896, с. 183–184.

Сентября 11 (23). 1853. Спасское.

"Пяти глав "Мертвых душ" у меня нет – и я бы очень был Вам за них благодарен" (И.С.Тургенев – П.В.Анненкову).

Тургенев, 1961, т. II, с. 182.

Октября 6 (18). 1853. Спасское.

"Довелось мне перечесть 1-ую, 2-ую, 3-ью и 5-ую главы "Мертвых душ" (второго тома). 3-я глава (где Петух, Кошкарев и Костанжогло) – вещь удивительная – совершенство. Что за гениальная карикатура, что за водопад здоровой веселости – этот Петух! Но 5-ая глава с невыносимым Муразовым – меня более нежели озадачила – она меня огорчила. Если всё остальное было так написано – уж не вследствие ли возмущившегося художнического чувства сжег Гоголь свой роман? А долито полагать, что этой Смирновщины (мне при чтении беспрестанно мерещилась Александра Осиповна) было напущено вдоволь. Боже мой! Боже мой! За что же так губить и ломать, и коверкать себя?" (И.С.Тургенев – П.В.Анненкову).

Тургенев, 1961, т. II, с. 184.

Октября 14 (26). 1853.

"Литературная критика раздвоилась по поводу г. Костанжогло они говорят: это подлейший плантатор, которому автор сообщил идеализацию еще подлейшую по намерению. Другие (и я в том числе) говорят: это тип разумного эксплуататора, который любит свое ремесло и знает, что для богатства собственного надобно, чтобы и все окружающие были богаты – и что в нем нет нисколько пошлой идеализации, а только есть необходимая художественность" (П.В.Анненков – И.С.Тургеневу).

РЛ, 1959, № 3, с. 157.

Октября 19. 1853. Спасское.

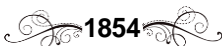
"О 2-й части "Мертвых душ" и в особенности о Костанжогло – я на Вашей стороне, – хоть я не могу не заметить, что в этой 2-й части бежит какая-то нехорошая струя – иногда скрыто, иногда наружи; в характерах фантастического наставника, Муразова, Улиньки – она выступает на поверхность – и разливается – а в иных местах чуть просачивается... в кой-каких выражениях Костанжогло, Кошкарева ее можно заметить – и они-то и подали повод к недоразумениям. Юпитер-Гоголь сердился кой-где – стало быть был виноват. Но есть места – охватывающие и потрясающие в одно время всю душу читателя. Помните прогулку Петуха в лодке – и песни рыбаков – и расшевеленного Чичикова – и безжизненную вялость Платонова. Это удивительное место" (И.С.Тургенев – П.В.Анненкову).

Тургенев, 1961, т. II, с. 196–197.

Ноября 14 (ст.ст.). 1853.

"Доставили мне 3-ю и 5-ю главу "Мертвых душ" (2-й части). 3-я глава, где Петух и Костанжогло – удивительна – но 5-я с необычным и невозможным откупщиком Муразовым... лучше не говорить о ней – и набросить, как почтительные сыновья Ноя, покров на обнажившегося нашего литературного отца" (И.С.Тургенев – С.Т.Аксакову).

Тургенев, 1961, т. II, с. 206.

Августа 21. 1854.

"Графиня Вилиегорская, служившая прототипом Гоголевой Улиньке, может иметь на Тургенева [И.С.] благодетельное влияние, разорвет узы, связывающие его с грязным безнравственным обществом Ив.Панаева и компании. Я думаю – ей будет около 28 лет" (И.С.Аксаков – родителям).

Аксаков И., 1888, т. 2, с. 60.

Декабря 22. 1854.

"Трушковский привозил нам письма Гоголя к Смирновой и оставшиеся главы "Мертвых душ" 2-го тома. Все эти чтения произвели сильное, глубокое впечатление на всех и возбудили много и много разговоров и толков, над многим заставили глубоко задуматься. Гоголь – святой человек по своему стремленью. Он мог ошибаться как человек; мог запутываться в приложении к житейским обстоятельствам тех святых истин, которым был предан всеми силами души своей, но он возлюбил Бога всем умом своим, всей душой, всеми помышлениями, и ближнего, как самого себя, больше этого не требуется от человека. Какой святой подвиг вся его жизнь! Теперь только, при чтении стольких писем к стольким разным лицам, начинаем мы постигать всю задачу его жизни и все его духовные внутренние труды. Какая искренность в каждом слове! И этого человека подозревали в неискренности! Прекрасны его слова к Смирновой о России, как замечательны они теперь! Он верил в светлое будущее России, но путь к нему указывал в настоящем.

Главы "Мертвых душ", особенно последняя, в таком неоконченном виде, что скорее их можно назвать заметками, которые автор набрасывает для себя самого. Но все же, какие чудные задачи и какие места! Одна первая глава довольно окончена, хотя тоже не в том виде, как мы ее слышали от самого Гоголя" (В.С.Аксакова).

Дневник, 1878, с. 22.

Декабря 6. 1854.

"Мы просили его (П.А.Кулиша) показать нам главы "Мертвых душ" второго тома. Я и Константин (К.С.Аксаков) прочли первую, нам столь памятную: ее читал нам сам Гоголь; ничто так живо не напомнило нам Гоголя; казалось, он был тут, казалось, мы слышали его голос. Хотя эта глава далеко не в том виде, в каком он нам ее читал, но и в этом она так прекрасна, что снова произвела на нас то же впечатление, впечатление, которое только Гоголь производит; как живо почувствовали, чего мы лишились, чего лишился весь мир; в ком отразится он так, кто его так сознает и передаст! Прежде нам не хотелось, нам было больно и взглянуть на эти оставшиеся черновые страницы, но теперь так захотелось иметь!" (В.С.Аксакова).

Дневник, 1878, с. 21.

Апреля 24. 1855.

"Тяжело мне было читать продолжение "Мертвых душ" из найденных вчерне в его шкапу" (М.И.Гоголь-Яновская – О.С.Аксаковой).

Дурылин, 1928, с. 90.

<1855>.

"Считаем долгом напомнить читателям, что пять глав 2-го тома "Мертвых Душ" списаны с черновых, давнишних тетрадей, нечаянным образом уцелевших от сожжения. Сколько всех глав было написано, наверное неизвестно; можно предполагать, что не только весь второй том, но даже третий был набросан вчерне. Еще в июле месяце 1851 г. Гоголь писал к П.А.Плетневу: "Пишу к тебе из Москвы, усталый, изнемогший от жары и пыли. Поспешил сюда с тем, чтобы заняться делами по части приготовления к печати "Мертвых Душ" второго тома и до того изнемог, что едва в силах водить пером, чтобы написать несколько строчек записки, а не то что поправить или далее переписать то, что нужно переписать". И незадолго уже до кончины написал он несколько строчек С.Т.Аксакову: "Поздравляю вас от всей души, что же до меня, то хотя и не могу похвалиться тем же, но если Бог будет милостив и пошлет несколько деньков, подобных тем, какие иногда удаются, то, может быть, и я как-нибудь управлюсь".

Итак, несколько деньков было нужно, чтобы кончить приготовление к печати 2-го тома "Мертвых Душ". Тяжело сродниться с мыслью, что этот труд, который уж так долго, с таким нетерпением ждала вся Россия, погиб навеки... Велика была жертва, принесенная смиренным христианином, и последний подвиг его жизни, как он ни тягостен для нас, останется вечным свидетелем высокого самоотвержения человека! Нам остается с благоговением к памяти покойного сохранить все уцелевшие отрывки, и хотя, издавая их в свет, мы, может быть, поступим против желания Гоголя, но эти отрывки, эти очерки, только еще набросанные, так много проявляют его великий талант, что грешно бы было утаить их под спудом.

Первые четыре главы идут, с небольшими пропусками, последовательно одна за другою и, судя по почерку, можно думать, что

они сохранились еще от первого сожжения (в 1845 г.); пятая же глава написана позднее, время действия в ней разделено довольно большим промежутком времени от четырех первых, и откосится к последним главам второго тома, а кто знает? может быть, и к первым главам третьего. Известно, какой тщательной отделке подвергал Гоголь, в последнее время, свои сочинения – издавать эти отрывки со всеми вычеркнутыми и потом вновь написанными местами совершенно невозможно; не говоря уже о трудностях в типографском отношении, самое чтение их было бы крайне затруднительно. Конечно, тогда бы был другой интерес – процесс художнического труда занял бы главное место, но издать черновую рукопись с совершенною точностью невозможно; мы постараемся, по крайней мере, указать на места, которые в особенности в ней перечеркнуты и которые, как сам читатель легко может заметить, своими отрывочными предложениями уже показывают, что это только наброски.

Приносим здесь, от лиц всей семьи покойного Гоголя, искреннюю благодарность С.П.Шевыреву, который принял на себя большой труд разобрать все оставшиеся бумаги после смерти Николая Василевича, переписать своей рукой, и своими советами много способствовал настоящему изданию. Первая глава сохранилась вся и более других подверглась поправкам и переделкам автора; самое ее начало: описание деревни Тентетникова (как и вообще все описание местностей); затем воспитание Тентетникова в школе, поступление его на службу, поправлено и переделано столько раз, что даже трудно решить, что именно следует выбирать. Наконец, портрет Улинки только набросан (говорят, что очерк ее был удивительный), самые слова даже не дописаны; может быть, из этого именно очерка предстала бы потом, как сам автор обещал в 1-ой части своей поэмы, та "чудная русская девица, какой не сыскать нигде в мире, со всей дивной красотой женской души, вся из великодушного стремления и самоотвержения". Вторая глава прервана в самом интересном месте, когда следует примирение Генерала с Тентетниковым и разговор их о 1812 годе; да и в самом разговоре Генерала с Чичиковым, по рассказам слышавших чтение самого автора, недостает многого. В 3-й главе после расспросов Чичикова у Селифана о дороге следует рассуждение Селифана с Петрушкой о Кашкареве, но оно зачеркнуто; Костанжогло был

представлен сначала коренным Русским, а жена его флегматической и вялой, подобно Платонову – все это после изменено. В конце набросаны карандашом некоторые подробности хозяйства у Костанжогло, вероятно, для 4-ой главы, когда он показывает свое хозяйство Чичикову – но так неразборчиво, что трудно разобрать. Затем в 4-й главе замечен первоначальный набросок в описании устройства имения Костанжогло, в описании дома и семейства Хлобуева, – едва выставлены начальные буквы слов. Пятая глава написана, как мы уже сказали, позднее (сохранилась она без означения главы); самый ее почерк, несколько дрожащий, отличен от четырех первых. Как видно, автор предполагал ее совсем переделать: так, в самом начале несколько страниц зачеркнуто и потом, между строками, написано вновь уже другим почерком; разговор же Хлобуева с Муразовым остался и в прежнем виде и вновь написан с некоторыми изменениями – оба, и вновь написанный, и прежний, приведены в тексте. Муразов в разговоре с Генерал-Губернатором упоминает о Дерпенникове – это, вероятно, о Тентетникове; так и Костанжогло называется иногда Скудронжогло, а иногда Попанжогло; Хлобуев – то Семеном Семеновичем, то Петром Петровичем. Еще несколько поправок сделано в разговоре Муразова с Чичиковым; затем остальная часть главы осталась так, как была набросана первоначально, даже без поправок в слог и прервана на речи Генерал-Губернатора. Этим и оканчивается все, что уцелело от 2-го тома "Мертвых Душ".

Мы указали только на главные места, а небольшие переделки и поправки встречаются почти на каждой странице.

Вторая часть в первоначальном очерке была у него (Гоголя) готова около 1842 года (есть слухи, будто она даже переписывалась в Москве в самое время печатания первой части романа)" (Н.П.Трушковский. От издателя. 20 июля 1855 г.).

Трушковский, 1855.

"... Эти пять глав из второго тома "Мертвых душ", изданные в 1855 г. племянником Гоголя Н.П.Трушковским (Москва, Университетская типография), и были в тех "писанных тетрадах", о которых упомянул Тарасенков, как о найденных.

Таким образом, в комнате Гоголя, даже в том самом "шкапу", который упомянут в полицейском протоколе, хранились те самые

бумаги – "завещание" и "писанные тетради", – которых не оказалось на месте уже через какие-нибудь полтора часа после смерти Гоголя, ни при докторе Тарасенкове, ни при "добросовестном свидетеле". Очевидно, чья-то дружеская рука, заранее, тотчас после кончины Гоголя, изъяла их из его комнаты для того, чтобы вернее сохранить для его семьи и для потомства" (С.Дурылин).

МИ, с. 365–366.

"Эта книга ["Сочинения Н.В.Гоголя, найденные после его смерти..." – Г.С.] явилась в сентябре прошлого года. Она была отпечатана в число 3600 экземпляров. В начале нынешнего, через какие-нибудь четыре месяца, потребовалось уже новое издание: кажется, красноречивой ответ тем господам, которые упрямятся признать Гоголя великим писателем и продолжают величать его человеком, написавшим несколько забавных повестей!".

ОЗ, 1856, июнь, с. 51.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ И ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ ХРОНИКИ

Аксаков И., 1852 – Аксаков И. С. Несколько слов о Гоголе / И. С. Аксаков // Московский сборник. – 1852.

Т. 1. – 1852.

Аксаков И., 1888 – Аксаков И. С. в его письмах / И. С. Аксаков. – М., 1888.

Т. 1, 2. – 1888; т. 3. – 1892.

Аксаков И., 1994 – Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849 / И. С. Аксаков ; изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. – М. : Наука, 1988 ; 1849–1856. – М. : Наука, 1994.

Аксаков С. – Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год / С. Т. Аксаков. – М. : Изд.-во АН СССР, 1960.

Анненков – Анненков П. В. Литературные воспоминания / П. В. Анненков. – М. ; Л., 1928.

Арнольди – Арнольди Л. И. Мое знакомство с Гоголем / Л. И. Арнольди // Русский вестник. – 1862.

Т. 37. – 1862. – С. 54–95.

Арх. Феодор – Архимандрит Феодор (Бухарев А. М.). Три письма к Гоголю, писанные 1848 г. – СПб., 1861.

Барсуков – Барсуков Н. П. Жизнь и труды М.П.Погодина : в 22 ч. / Н. П. Барсуков. – СПб., 1888–1910.

Берг – Берг Н. В. Воспоминания о Н.Гоголе / Н. В. Берг // Русская старина. – 1872. – Т. V, кн. 1. – Январь. – С. 122–125.

Вересаев – Вересаев В. В. Гоголь в жизни / В. В. Вересаев. – Х. : Прапор, 1990. – 680 с.

ВЕ – Вестник Европы. – 1872. – Июль. – С. 448.

ВЛ – Вопросы литературы. – 1957. – № 2. – С. 181.

ВФИП – Вопросы философии и психологии. – 1903. – Кн. 69. – Сентябрь–октябрь. – С. 681.

Галахов – Галахов А. Д. Сороковые годы / А. Д. Галахов // Исторический вестник. – 1892. – Февраль. – С. 405.

ГВС – Гоголь в воспоминаниях современников. – М. : Гослитиздат, 1952. – 719 с.

Гиппиус – Гиппиус В. Гоголь в письмах и воспоминаниях / В. Гиппиус. – М., 1931. – С. 391.

ГШ – Гоголь в школе / под ред. проф. В. В. Голубкова и А. Н. Дубовиковой. – М., 1954. – С. 426.

Данилевский – Данилевский Г. П. Знакомства с Гоголем / Г. П. Данилевский // Сочинения Г.П. Данилевского. – М., 1902.

Т. XIV. – 1902. – С. 92–108.

Дневник – Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. Редакция и примечания кн. Н.В. Голицына и П.Е. Щеголева. – СПб., 1878.

Т. VI. – 1878.

Жуковский – Сочинения Жуковского. – Изд. 7-е. – СПб., 1878.

Т. VI. – 1878.

Зап., 1906 – Записки имп. Одесского общества истории и древностей. 1906. – Т. 26. – Отд. 5.

Зап., 1960 – Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина. – Вып. 23. – М., 1960.

Иващенко – Иващенко А. Новый документ о Гоголе. Письмо Е.Елагиной к Н.А.Языковой / А. Иващенко // Лит. газета. – 1939. – 10 июля.

Каллаш – Каллаш В. В. Н.В.Гоголь в воспоминаниях современников и переписка / В. В. Каллаш. – М., 1924. – 168 с.

Кулиш, 1856 – Кулиш П. А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя : в 2 т. / П. А. Кулиш. – СПб., 1856.

Кулиш, 1854 – Николай М. [Кулиш П.]. Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя / М. Николай. – СПб., 1854 ; М. : Альтернатива, 2003.

ЛН, 58 – Литературное наследство. Т. 58. – М. : Изд. АН СССР, 1925.

Малиновский И. Знакомство Гоголя с моим отцом / И. Малиновский // Записки общества истории, философии и прав при Варшавском ун-те. – 1902. – Вып. 1. – С. 91.

Манн – Манн Ю. В. В поисках живой души. "Мертвые души": Писатель – критика – Читатель / Ю. В. Манн. – М. : Книга, 1984.

МИ – Гоголь Н. В. Материалы и исследования : в 2 т. / Н. В. Гоголь ; под ред. В. В. Гиппиуса. – М. ; Л. : Изд. АН СССР, 1936.

Моск. – Москвитянин. – 1851. – № 16. – Отд. 2. – С. 265–267 ; 1852. – № 5. – С. 49.

Никитенко – Никитенко А. Дневник / А. Никитенко. – М. : Гослитиздат, 1955.

Т. 1. – 1955.

ОЗ, 1856 – Отечественные записки. – 1856. – Июнь.

Образцов – Образцов Ф., протоиерей. Отец Матвей Константиновский, протоиерей Ржевского собора. По моим воспоминаниям / Ф. Образцов // Тверские Епархиальные ведомости. – 1902. – № 5. Часть неофициальная, 1 марта.

Плетнев – Плетнев П. А. Сочинения и переписка Плетнева / П. А. Плетнев. – СПб., 1885.

Т. 3. – 1885. – С. 734.

Погодин – Погодин М. П. Отрывок из записок / М. П. Погодин // Русский архив. – 1865. – № 7. – С. 895.

ПСС – Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений : в 14 т. / Н. В. Гоголь. – М. ; Л. : Изд. АН СССР, 1937–1952.

ПССП – Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем : в 17 т. / Н. В. Гоголь. – М. ; К. : Изд-во Московской Патриархии, 2009.

РА – Русский архив. – 1878. – Кн. 2. – С. 54 ; 1895. – № 12. – С. 437 ; 1896. – № 1. – С. 152 ; 1900. – № 5. – С. 114 ; 1902. – № 3. – С. 551 ; 1909. – № 5. – С. 114.

РА, 1878 – Из бумаг С.П. Шевырева // Русский архив. – 1878. – Кн. 2. – С. 54.

РА, 1896 – Из переписки А.О. Смирновой с Аксаковыми // Русский архив. – 1896. – № 1. – С. 152.

РЛ, 1959 – Назарова Л. Тургенев о Гоголе / Л. Назарова // Рус. лит. – 1959. – № 3. – С. 157.

РМ, 1896 – Новые материалы для биографии Н.В.Гоголя // Русская мысль. – 1896. – Кн. V. – С. 150–192.

РС, 1872 – Русская старина. – 1872. – Январь. – С. 125–126.

РС, 1873 – Русская старина. – 1873. – Декабрь. – С. 943–947, 952–953.

РС, 1889 – Русская старина. – 1889. – Июль. – С. 174–176.

РС, 1890 – Русская старина. – 1890. – Ноябрь. – С. 362.

РС, 1901 – Русская старина. – 1901. – Январь. – С. 429.

РС, 1902 – Русская старина. – 1902. – Май. – С. 443 ; сентябрь – С. 491.

РС, 1904 – Русская старина. – 1904. – Январь–февраль. – С. 429–430.

РВ – Русский вестник. – 1862. – № 1. – С. 74.

РО – Русское обозрение. – 1894. – № 8. – С. 464.

Самойленко – Самойленко Г. В. Гоголь в XX веке. Европа, Средняя Азия и Закавказье: тематико-библиографический указатель / Г. В. Самойленко. – Нежин, 2009. – С. 126–143.

Смирнова – А. О. Смирнова-Россет Автобиография. Неизданные материалы / А. О. Смирнова-Россет ; подготовка к печати Л. В. Крестова. – М. : Мир, 1931.

Соч., 1855 – Сочинения Николая Васильевича Гоголя, найденные после его смерти. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н.В.Гоголя. Том второй (5 глав). – М. : Университетская типография, 1855.

СПГ, 1857 – Сочинения и письма Н.В.Гоголя / изд. П. А. Кулиша. – СПб., 1857.

Т. III. – 1857. – С. 734.

Окт., 1959 – Смирнова-Чикина Е. Легенда о Гоголе. К истории II тома "Мертвых душ" / Е. Смирнова-Чикина // Октябрь. – 1959. – № 4. – С. 175–189.

Смир.-Чик. – Смирнова-Чикина Е. С. Поэма Н.В.Гоголя "Мертвые души": Литературный комментарий / Е. С. Смирнова-Чикина. – М. : Просвещение, 1964.

Тарасенков – Тарасенков А. Последние дни жизни Н.В.Гоголя / А. Тарасенков. – СПб., 1857.

Тихонравов – Сочинения Гоголя / текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоисточными изданиями его произведений Н. Тихонравовым и В. Шенроком. – 10-е изд. – М. ; СПб., 1889–1896.

Т. 1–7. – 1889–1896.

Тургенев – Тургенев И. С. Полное собрание сочинений : в 28 т. Письма / И. С. Тургенев. – М. ; Л. : Изд. АН СССР, 1961.

Т. 2. – 1961.

Хетсо – Хетсо Гейр. Что случилось со вторым томом "Мертвых душ" / Гейр Хетсо // Scando-Slavica. – 1989. – Tomus 35. – S. 137–138. Цит. по книге: Манн Ю. В. Гоголь. Завершение пути. 1845–1852 / Ю. В. Манн. – М., 2009. – С. 281.

Шенрок – Шенрок В. И. Материалы для биографии Н.В.Гоголя / В. И. Шенрок. – СПб., 1892–1897.

Т. I–IV. – 1892–1897.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886), публицист, поэт, общественный деятель, журналист, издатель еженедельной газеты "Русь", славянофил, младший сын С.Т.Аксакова. Был в курсе всех сторон отношений семьи Аксаковых с Гоголем, отраженных в его переписке, знакомый с кругом лиц, окружавших писателя, в частности, с А.Смирновой, которая проживала в Калуге, где И.Аксаков служил членом уголовной палаты. Хорошо был знаком с творчеством Гоголя. В письме из Калуги он писал: "Перечитываю Гоголя, и еще грустнее становится, потому что вспоминаю о самом Гоголе, потому после чтения Гоголя, по крайней мере, сутки двое не смеешь не только взяться за перо, но даже подумать о какой-нибудь литературной деятельности" (ноябрь 1846). Критически отнесся к "Выбранным местам из переписки с друзьями". На смерть писателя откликнулся статьей "Несколько слов о Гоголе". Гоголь положительно относился к поэтическому творчеству И.Аксакова, считал, что в его стихах "много таланта".

Аксаков Константин Сергеевич (1817–1860), публицист, поэт, критик, филолог, историк, один из идеологов славянофильства, старший сын С.Т.Аксакова. Сблизился с Гоголем в 1839–1840 гг. Написал восторженную брошюру о "Мертвых душах", называл Гоголя русским Гомером. С 1842 г. отношения становятся холодными, ибо Гоголь не разделял славянофильских взглядов К.Аксакова. В последние годы отношения становятся теплее.

Аксаков Сергей Тимофеевич (1791–1859), писатель, мемуарист. С Гоголем познакомился через Погодина 1832 г. в Москве, а начиная с 1839 г. и во все последующие, вплоть до смерти Гоголя, были с некоторыми перерывами тесные связи со всей семьей, особенно в последние годы. Гоголь любил очерки С.Аксакова, жил в его подмосковном имении Абрамцево, где читал главы второго тома "Мертвых душ", посещал его дом в Москве, в 1839–1842 гг. бывал "почти каждый день и очень часто обедал". С.Аксаков протестовал против религиозно-моралистических настроений Гоголя.

Вел с ним активную переписку, сохранилось 33 письма С.Аксакова и 62 Гоголя.

Аксакова Вера Сергеевна (1819–1864), дочь С.Т.Аксакова, которая вместе с другими Аксаковыми была ознакомлена с первыми главами второго тома "Мертвых душ", зафиксировала некоторые факты о Гоголе в своем Дневнике.

Аксакова Ольга Сергеевна (1821–1861), дочь С.Т.Аксакова, была знакома и встречалась с Гоголем. Писатель посещал ее дом, где она жила в Москве со своей сестрой Верой. В письме к С.Аксакову переживает о состоянии здоровья Ольги Сергеевны.

Александр Николаевич, Великий князь (1818–1881), наследник, Российский император с 1855 г., интересовался творчеством Гоголя, ходатайствовал перед цензурой об издании его произведений.

Анненков Павел Васильевич (1813, по др. свед. 1812–1887), писатель, критик, историк литературы, познакомился с Гоголем в 1832 г., продолжал встречаться с ним в 1832–1836 г. на квартире Гоголя в кругу нежинских "однокорытников", зимой 1839 г. присутствовал на квартире Н.Прокоповича, где Гоголь читал главы первого тома "Мертвых душ". Близкие отношения приходятся на весну–лето 1841 г. периода проживания в Риме, когда П.Анненков переписывал "Мертвые души", что нашло отражение в его воспоминаниях. Встречались также в 1846 г. в Париже и в Бамберге, а в 1851 г. – в Москве.

Арнольди Лев Иванович (1822–1860), чиновник по особым поручениям при калужском губернаторе, впоследствии вице-губернатор, мемуарист, сводный брат А.О.Смирновой по матери. Вместе с Гоголем одновременно проживал в 1849 г. в Калуге у А.Смирновой, слушал чтение Гоголем глав второго тома "Мертвых душ" и оставил об этом обширные, с деталями воспоминания. Гоголь бывал в доме Л.Арнольди в Москве в 1849 г. ("на неделе два или три раза заходил ко мне, но не застал дома") и в 1851 г.

Бабст Иван Кондратьевич (1824–1881), профессор политической экономии Московского университета, в студенческие годы преподавал сыновьям М.С.Щепкина.

Барсуков Николай Платонович (1838–1906), историк, библиограф, автор жизнеописания М.Погодина, в котором отражены связи ученого с Гоголем.

Белый Василий Иванович (1817–1890), сын купца, в 1835–1868 г. служил в Одесской городской думе. Был почитателем Гоголя.

Бенардаки Дмитрий Егорович (1799–1870), петербургский откупщик и заводчик, который, по словам С.Аксакова, "был единственным человеком в Петербурге, который называл Гоголя гениальным писателем" и знакомство с ним "ставил себе за большую честь" ("История моего знакомства", с. 25). Несколько месяцев вместе провел с Гоголем в Мариенбаде летом 1839 г. Встречались также в Петербурге в 1839 и 1841–1842 гг. Гоголя интересовало знание Бенардаки быта России, а также практическая сторона его деятельности, что нашло отражение в образах Муразова и Костанжогло во втором томе "Мертвых душ". Сохранилось 2 письма Гоголя к Бенардаки.

Берг Николай Васильевич (1823–1884), поэт-переводчик, журналист, историк, был членом группы "Молодая редакция "Москвитянина", принимал участие в именном обеде Гоголя в усадьбе Погодина 9 мая 1850 г. Оставил воспоминания о писателе.

Бестужева Прасковья Михайловна (рожд. Языкова; 1807–1862), сестра поэта Н.М.Языкова.

Божко Андрей Андреевич (1808 – после 1871), соученик Гоголя по Нежинской гимназии высших наук, служил в Казанском провиантском департаменте, встречался с Гоголем в С.-Петербурге и в Москве, упоминается в письмах Гоголя.

Вайскопф Михаил Яковлевич (1948), израильский филолог, доктор филологических наук, профессор русской литературы Иерусалимского университета, переводчик и комментатор библейских

текстов, главный редактор журнала "Солнечное сплетение", исследователь творчества Гоголя, среди книг: "Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст" (М., 1993).

Вересаев Викентий Викентьевич (1867–1945), писатель, литературовед, поэт-переводчик, автор книги "Гоголь в жизни" (М., 1933), своеобразной биографической летописи, составленной из различных документов мемуарного характера.

Веневитинов Алексей Владимирович (1806–1872), близкий младший брат поэта Д.В.Веневитинова, товарищ министра уделов, женат на Аполлинарии Михайловне Виельгорской, был знаком с Гоголем.

Виельгорская Анна Михайловна, графиня (в замужестве княгиня Шаховская; 1822–1861), младшая дочь Мих. Ю. и Л.К.Виельгорских, с которыми Гоголь сблизился в 1838–1839 гг. в Риме, возобновил связи в 1843–1844 гг. в Ницце, где жила Анна Михайловна, поселился в их доме. С.Аксаков считал, что сближение с Виельгорскими "имело вредное влияние на развитие Гоголя" (ПСС, т. XII, с. 642). В 1844–1850 гг. осуществлялась переписка, обмен книгами. Гоголь был влюблен в Анну Михайловну, в 1850 г. сделал предложение, но получил отказ, т.к. родители считали Гоголя ниже их социального положения. Сохранилось 20 писем А.Виельгорской и 40 Гоголя.

Виноградов Игорь Алексеевич (1958), доктор филологических наук, ст. научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М.Горького РАН, член Союза писателей России, ответственный редактор Гоголевской комиссии при Научном совете РАН "История мировой литературы", исследователь творчества Н.Гоголя, один из составителей и авторов статей и комментариев ПССП в 17 томах. Основные труды: "Гоголь – художник и мыслитель: христианские основы мирозерцания" (2000), "Переписка Н.В.Гоголя с Н.Н.Шереметевой" (2001), "Неизданный Гоголь" (2001), "Первый биограф Гоголя" (2003), "Н.В.Гоголь. Тарас Бульба. Автографы. Прижизненные издания" (2009).

Воропаев Владимир Алексеевич (1950), доктор филологических наук, профессор Московского университета им. М.В.Ломо-

носова, председатель Гоголевской комиссии научного совета "История мировой литературы" РАН, один из составителей и авторов статей и комментариев ПССП в 17 томах, за что был отмечен Орденом святого преподобного Нестора-летописца первой степени (2010). Основные работы: "Духом схимник сокрушенный... Жизнь и творчество Н.В.Гоголя в свете Православия" (1994), "Н.В.Гоголь: жизнь и творчество" (1998, 2004), "Николай Гоголь: опыт духовной биографии" (2008) и др.

Вяземский Петр Андреевич, князь (1792–1878), поэт, критик, государственный деятель, друг Пушкина. Был знаком с Гоголем, но в близких отношениях не состоял. Написал рецензии на "Мертвые души" и "Выбранные места из переписки с друзьями", статьи "Языков – Гоголь", о которой Гоголь писал автору 11 июня 1847 г.: "Благодарю вас, добрейший князь, много и много за ваше участие. Ваша статья в "Санктпетербургских Ведомостях" о Языкове и обо мне, кроме всех тех достоинств и свойств, которые принадлежат особенности собственно вашего ума, меня очень тронула тем чувством соучастия, которое принадлежит только одной нежной и любящей душе". Известно 6 писем Гоголя к Вяземскому.

Галахов Алексей Дмитриевич (1807–1892), историк литературы, критик, педагог, автор ядовитой статьи "Письмо к Н.В.Гоголю по поводу предисловия ко 2-му изд. "Мертвых душ" ("Отеч. зап., 1847, № 2), раздела "Время Пушкина и Гоголя" в "Истории рус. словесности" (1879).

Гиппиус Василий Васильевич (1890–1942), поэт, переводчик, критик, литературовед, профессор Ленинградского университета. Основные направления исследовательской работы ученого – творчество Гоголя, участвовал в редактировании академического полного собрания сочинений в 14 т. (т. 1–3, 10), издал книгу "Гоголь" (1924), "Н.В.Гоголь в письмах и воспоминаниях" (1931), принимал участие в выпуске сборника "Н.В.Гоголь. Материалы и исследования", вып. 2 (1936) и др. работы.

Гоголь Елизавета Васильевна (в замужестве Быкова; 1824–1864), сестра писателя, с которой он общался не только дома, но и в Москве, когда сестры учились в Патриотическом институте. "Брат часто возил нас на литературные вечера с Хомяковым, Свер-

беевым, Елагиным, Киреевским и другими, хотя мы очень мало вникали в самые чтения: я думаю, что это было для нас в то время слишком серьезно. Брат одевал нас всегда по своему вкусу, и мы неизменно являлись всюду в одних и тех же костюмах..." Переписывала некоторые произведения Гоголя.

Гоголь (Яновская) Мария Ивановна (рожд. Косярковская; 1791–1868), мать Гоголя.

Гольденберг Аркадий Хаимович (1948), доктор филологических наук, профессор Волгоградского педагогического университета, исследователь творчества Гоголя, среди книг: "Мертвые души" Н.В.Гоголя и традиции народной культуры" (1991), "Архетипы в поэтике Н.В.Гоголя" (2007).

Гончаров Сергей Александрович (1956), доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена, автор монографии о Гоголе: "Творчество Н.В.Гоголя и традиции учительской культуры" (1992), "Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте" (1997), статей о "Мертвых душах" и др.

Григорьев Семен, крепостной мальчик, слуга Гоголя в 1848–1852 гг.

Голубков Василий Васильевич (1880–1968), педагог, доктор педагогических наук, профессор, действительный член АПН РСФСР (с 1950), автор работ об изучении творчества Гоголя в школе, ответственный редактор сборника "Гоголь в школе" (1954).

Данилевская Ульяна Григорьевна (рожд. Похвиснева). С 1844 г. жена А.С.Данилевского, племянница и воспитанница А.М.Марковича, черниговского губернского предводителя дворянства. Познакомилась с Гоголем во время его приезда в Украину в 1848 г., состояла в переписке с писателем, который просил ее сообщать о различных бытовых ситуациях представителей различных сословий, в которых нуждался во время работы над вторым томом "Мертвых душ". Имя Улинька носит героиня второго тома "Мертвых душ".

Данилевский Александр Семенович (1809–1888), друг детства Гоголя, его соученик по Полтавскому училищу и Нежинской гимназии высших наук (1821–1828). В 1828 г. в декабре месяце вместе отправились в Петербург. В 1836 – мае 1838 г. вместе с Гоголем путешествовали в Европе. На некоторое время произошла размолвка. С 1843 г. Данилевский работал инспектором благородного пансиона при Киевской гимназии. В конце мая 1848 г. Гоголь приехал в Киев к Данилевскому. Со второй половины 1848 г. Данилевские жили в своем имении Дубровка. Возвращаясь в Москву, Гоголь встречался с другом в Сорочинцах, а затем выехали вместе в село Сварково (Глуховский уезд Чернигов. губ.), гостили у дяди жены А.М.Марковича. Гоголь называл А.Данилевского своим братом. В мае 1851 г. с женой приезжал в Васильевку, где жили шесть недель до отъезда Гоголя в Москву. Переписка длилась с некоторыми перерывами до конца жизни Гоголя. Известно 12 писем Данилевского и 70 Гоголя.

Данилевский Григорий Петрович (1829–1890), прозаик, публицист, чиновник Министерства народного просвещения, Министерства внутренних дел. В 1851 г. при посредничестве О.Бодянского знакомится с Гоголем. Оставил свои воспоминания о Гоголе. После смерти писателя выступил против Булгарина в защиту Гоголя. Позже редактор газеты "Правительственный вестник".

Дурылин Сергей Николаевич (1877–1954), литературовед, искусствовед, ст. научный сотрудник Института истории искусств АН СССР, автор статей о родителях и близких Гоголя (Аксаковых), его драматургии.

Дубовиков А.Н., кандидат филологических наук, автор статей о Гоголе, один из редакторов сборника "Гоголь в школе" (1954).

Елагина Елизавета Алексеевна (1825–1848), дочь А.А. и А.П.Елагиных, с которыми Гоголь находился в хороших отношениях, был благодарен за помощь в определении сестер в пансион П.И.Раевской.

Жуковский Василий Андреевич (1787–1852), поэт, академик С.-Петербургской академии (1841). Познакомился с Гоголем в конце 1830 г. и поддерживал дружеские связи до конца жизни.

Гоголь жил в доме Жуковского во Франкфурте зимой 1844 г., работая над вторым томом "Мертвых душ", а также летом 1846 г.: "У меня в Швальбахе гостил Гоголь; ему вообще лучше; но сидеть на месте ему нельзя; его главное лекарство путешествие; он отправился в Остенде" (Ж. – Погодину, 1846). Гоголь жил у Жуковского и летом 1847 г.: "Гоголь теперь во Франкфурте... Он теперь давно ушел от того состояния, в каком провел у меня целую зиму" (Ж. – Смирновой, 3.VII.47). Жуковский не раз старался выхлопотать денежную помощь в особ царской семьи для проживания Гоголя за границей. Гоголь встречался с Жуковским постоянно во время своего пребывания в Германии, а также приездов поэта в Петербург. Переписка длилась весь период их знакомства. Известно 28 писем Жуковского и 63 Гоголя.

Иванов Александр Андреевич (1806–1858), художник, закончил Академию художеств и с 1831 по 1858 г. жил в Италии, работая над картиной "Явление Христа народу" (1837–1857). Гоголь познакомился с художником в Риме в 1838 г. и поддерживал с ним связь до конца жизни. Ф.Иордан вспоминал: "А.А.Иванов была странная личность; он всегда улыбался и в Гоголе видел какого-то пророка. Гоголь давал ему наставления, которые рабски слушал. Я и Моллер, всегдашние вечерние посетители Гоголя были в его глазах ничто перед Гоголем... Иванов к Гоголю относился не только с еще большим почтением, чем мы все, но даже (особенно в тридцатых и в начале сороковых годов) с каким-то подобострастием". Иванов писал отцу летом 1841 г.: "Гоголь – человек необыкновенный, имеющий высокий ум и верный взгляд на искусство". Творческое влияние было обоюдным. Гоголь написал статью об Иванове и его картине для книги "Выбранные места из переписки с друзьями", хлопотал о его денежной поддержке. Переписка шла долгие годы. Сохранилось 40 писем Иванова и 45 Гоголя.

Иордан Федор Иванович (1800–1883), художник-гравер, впоследствии профессор и ректор Академии художеств. С Гоголем познакомился в Риме в 1838 г., оставил словесные зарисовки различных этюдов, связанных с Гоголем, в своих "Записках", а также описал похороны Гоголя.

Каллаш Владимир Владимирович (1866–1919), русский литературовед, библиограф, окончил Московский университет (1880), редактор "Сочинений и писем Н.В.Гоголя" (1–9 т., СПб., 1907–1909).

Капнист Иван Васильевич (1795–1860), московский гражданский губернатор в 1844–1855 г., сын В.В.Капниста, драматурга и поэта. Гоголь бывал в доме Капниста на Тверской улице в 1848–1852 г. К Гоголю относился дружески, хотя и не любил его произведений. Принимал участие в жизни Гоголя последних лет, был на похоронах писателя, входил в круг лиц, которые были связаны с литературным наследием Гоголя.

Карташевская Мария Григорьевна (1818–1906), племянница С.Т.Аксакова, известны ее записки к Аксаковым о "Мертвых душах" (ПССП, т. XII, с. 91–92), а также письмо о смерти Гоголя (Н.В.Гоголь. Материалы и исследования, т. I, с. 187–188, 219–220).

Киреевский Иван Васильевич (1806–1856), критик, публицист, философ-славянофил. Знакомство с Гоголем произошло в 1833 г. В письме к М.Погодину писал: "Кланяйся особенно Киреевскому, вспоминает ли он обо мне? Скажи ему, что я очень часто об нем думаю и эти мысли мне почти так же приятны, как о тебе и о родине" (ПСС, т. X, с. 278) (28 сент. 1833 г.). Гоголь бывал в доме И.Киреевского, в 1840 г., читал главы "Мертвых душ", часто посещал его салон в 40-е годы.

Константиновский Матфей Александрович (1791–1857), священник Спасо-Преображенской церкви, протоиерей Ржевского собора, настоятель Успенского собора, духовный отец Гоголя. Граф А.П.Толстой, у которого жил Гоголь, заочно познакомил писателя со священником. С 1846 г. последовала переписка, часть которой посвящена критике "Выбранных мест из переписки с друзьями", а также различным религиозным темам.

Личное знакомство между ними состоялось в январе 1849 г. в доме А.Толстого, встречи происходили до самой смерти Гоголя. Знакомые писателя раскрывали глаза на истинное лицо отца Матфея, но Гоголь к ним не прислушивался. Религиозные догмы привели писателя к истощению, а потом и смерти, к которой был причастен и о. Матфей.

Кулиш Пантелеймон Александрович (1819–1897), украинский писатель-прозаик, публицист, критик, переводчик, первый биограф Гоголя, издатель "Сочинений и писем" Гоголя, а также книг "Опыт

биографии Гоголя" (СПб., 1854), "Записки о жизни Гоголя" в 2-х т. (СПб., 1856) и др.

Львов Владимир Владимирович, князь (1805–1856), прозаик, цензор, принадлежал к кругу славянофилов, общался со знакомыми Гоголя, сохранилось несколько писем.

Максимович Михаил Александрович (1804–1873), филолог, историк, фольклорист, поэт, профессор-ботаник Московского университета, профессор русской словесности и ректор Киевского университета Св. Владимира. Познакомился с Гоголем в 1832 г. благодаря О.Сомову. Гоголь высоко ценил сборник украинских песен Максимовича. Встречались летом 1835 г. в Киеве ("Гоголь, нарочно приезжавший ко мне в конце июля, возвращаясь из своей полтавской Васильевки, или Яновщины, в Петербург. Он пробыл у меня пять дней или, лучше сказать, пять ночей, ибо в ту пору все мое дневное время было занято в университете, а Гоголь уезжал поутру к своим нежинским лицейским знакомцам и с ними странствовал по Киеву"), а затем в Москве в 1849 г. Со слов Максимовича П.Кулиш рассказывал: "Осенью 1849 года М.А.Максимович, соскучась жить в своей живописной, но пустынной и отдаленной от больших дорог усадьбе над Днепром, переехал в Москву, к старым своим знакомым и друзьям. Пребывание Гоголя в Москве было для него одною из главных побудительных причин к этой поездке..." Гоголь читал Максимовичу и О.Бодянскому первые главы второго тома "Мертвых душ", встречались они на вечерах у С.Аксакова. В 1850 г. Максимович сопровождал Гоголя в поездке в Украину. Сохранилось 28 писем Гоголя к Максимовичу.

Малиновский Дмитрий Константинович (ок. 1825–1871), студент математического факультета Московского университета, впоследствии полковник артиллерии, преподаватель математики во 2-м Московском кадетском корпусе, откликнулся на обращение Гоголя к читателям, опубликованное как предисловие ко 2-му изданию первого тома "Мертвых душ", переслал свое письмо писателю через С.Шевырева и получил от Гоголя ответ. Известно два письма Гоголя (1846–1847 гг.) к адресату и 14 его пространственных писем. Гоголь через С.Шевырева оказывал студенту материальную помощь. С.Шевырев: "Малиновский был у меня сегодня. Я сделал ему помощь из твоей суммы, но он не хотел принимать ее иначе,

как заимообразно" (т. XIII, с. 522). В 1848 г. Гоголь посетил Малиновского в Москве, после чего тот начал бывать у писателя. Опубликовал статью "Нечто о Гоголе" (1868).

Манн Юрий Владимирович (1929), литературовед, критик, доктор филологических наук, профессор, ст. научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М.Горького РАН, крупнейший исследователь творческого наследия Гоголя, автор книг "Комедия Гоголя "Ревизор" (1966), "В поисках живой души: писатель – критика – читатель" (1984), "Сквозь видный миру смех... Жизнь Гоголя. 1809–1835" (1994), "Гоголь. Труды и дни: 1809–1845" (2004), "Гоголь. Завершение пути 1845–1852" (2009), "Творчество Гоголя. Смысл и форма" (2007) и др.

Марков Константин Иванович (?), отставной поручик, помещик Лебединского уезда Харьковской губернии, сын переводчика, могилевского гражданского губернатора И.В.Маркова. Первое письмо К.Маркова было откликом на обращение Гоголя к читателям "Мертвых душ", в котором он сообщил свое впечатление о поэме: "Если вы выставите героя добродетели, то роман ваш станет наряду с произведениями старой школы, не пересолите добродетели" (ПССП, т. XV, с. 275).

Мочульский Константин Васильевич (1892–1948), литературовед, окончил Петербургский университет (1910), в 1919 г. эмигрировал, читал лекции в Софийском университете, жил в Париже, автор монографии "Духовный путь Гоголя" (1936).

Никитенко Александр Васильевич (1804–1877), литератор, профессор русской словесности Петербургского университета, цензор. Знакомство с Гоголем состоялось 22 апреля 1832 г.: "Был на вечере у Гоголя-Яновского, автора весьма приятных, особенно для малороссиянина, "Повестей пасечника Рудого Панька" (из Дневника). Встречался с Гоголем у Плетнева. В "Дневнике" Никитенко фиксировал как цензор сведения о публикации произведений Гоголя.

Николай I Павлович (1796–1855), Российский император с 1825 г. Через приближенных знал о Гоголе, присутствовал на премьере "Ревизора" в петербургском Александринском театре. Гоголь

обращался к государю в связи с выдачей паспорта для поездки за границу, а также цензурными задержками его произведений.

Оболенский Дмитрий Александрович, князь (1822–1881), чиновник Правительствующего Сената, министр государственных имуществ, сенатор, член Государственного совета. Знакомство с Гоголем произошло в Москве 1848 г., виделся в июле 1849 г. в Калуге. Осенью 1851 г. Гоголь читал Оболенскому и А. Россет первую главу второго тома "Мертвых душ". Оставил воспоминания о Гоголе.

Образцов Федор Иоанович, протоиерей Покровской церкви в Твери.

Олсуфьев Василий Дмитриевич (1796–1858), гофмаршал Двора наследника престола цесаревича Александра Николаевича, был в дружеских отношениях с Жуковским, Хомяковым, Погодиным и другими писателями.

Орлов Алексей Федорович, граф (1786–1861), генерал-адъютант, шеф корпуса жандармов и начальник III отделения (1844–1856), впоследствии председатель Государственного совета и Кабинета Министров России (1856–1860).

Павлов Николай Филиппович (1805–1864), прозаик, критик, публицист, познакомился с Гоголем в октябре 1839 г. Последующие встречи происходили, в основном, на званных обедах Гоголя у общих знакомых в Москве, Гоголь бывал в доме Павловых в 40-х гг. Павлов опубликовал в "Московских ведомостях" за 1847 г. цикл статей "Четыре письма к Н.В. Гоголю" (вышло три) с резкой критикой "Выбранных мест из переписки с друзьями", положительно принятый демократической общественностью. Гоголь откликнулся на первое письмо Павлова.

Перовский Лев Алексеевич, граф (1792–1856), министр внутренних дел (1841–1852), министр уделов (1852–1856).

Плетнев Петр Александрович (1791–1861), поэт, критик, издатель "Современника" (1837–1846), профессор русской словесности и ректор Петербургского университета (1840–1861), друг Гоголя, с которым познакомился в 1830 г. и который сыграл важную роль в

судьбе Гоголя: познакомил в 1831 г. с Пушкиным, помог устроиться преподавателем в Патриотический институт, беспокоился об издании произведений, в частности, "Мертвых душ", по распоряжению Гоголя рассылал высшим государственным чинам и друзьям экземпляры поэмы, сообщил о выходе "Выбранных мест...".

С Гоголем встречался в Петербурге в сентябре 1848 г., писатель рассказывал ему о работе над вторым томом "Мертвых душ". Сохранилось 22 письма Плетнева и 66 Гоголя.

Погодин Михаил Петрович (1800–1875), историк, писатель и журналист, профессор Московского университета (1825–1844), издатель славянофильского журнала "Москвитянин" (1841–1856), друг Гоголя, с которым познакомился в 1832 г. в Москве и общался до конца жизни писателя. Гоголь проживал в его доме в 1839–1840, 1841–1842, 1848 гг. в Москве, здесь писал и читал свои произведения, работал над вторым томом "Мертвых душ". Отношения были непростыми, иногда напряженными, о чем свидетельствуют их письма и записки. В "Выбранных местах" Гоголь дает резкую характеристику Погодину. В 1843 г. переписка прерывается, а затем восстанавливается. Сохранилось 30 писем Погодина и 98 Гоголя.

Прокопович Николай Яковлевич (1810–1857), соученик Гоголя по Нежинской гимназии, один из ближайших друзей писателя, преподаватель русского языка и словесности (с 1836) в кадетских корпусах С.-Петербурга, поэт, издатель первого собрания сочинений Гоголя (1842). Дружба продолжалась с некоторыми перерывами до конца жизни писателя (см. статью Н.В.Гербея "Н.Я.Прокопович и отношения его к Гоголю"). Гоголь останавливался на квартире друга, когда приезжал в Петербург, ценил его талант, который, к сожалению, не раскрылся. Сохранилось 5 писем Прокоповича и 46 Гоголя.

Репнин-Волконский Николай Васильевич, князь (1834–1918), сын В.Н. и Е.П.Репниных-Волконских, с которыми был знаком Гоголь, корнет, полковой адъютант, впоследствии киевский губернский предводитель дворянства, член Государственного совета.

Россет Аркадий Осипович (1812–1881), прапорщик лейб-гвардии конной артиллерии, впоследствии генерал-майор, сенатор, брат А.О.Смирновой. Знакомство с Гоголем произошло в начале

30-х годов, сблизились они в 1843 г. в Риме, а затем в 1848 г. вместе жили в усадьбе А.Смирновой в Калуге, был свидетелем чтения Гоголем первых глав второго тома "Мертвых душ".

Самарин Юрий Федорович (1819–1876), историк, литературный критик, философ-славянофил, познакомился с Гоголем зимой 1839–1840 г. в Москве. Был на именном обеде Гоголя в Погодина 9 мая 1840 г. Приглашая Самарина через Аксакова на один из именных обедов, Гоголь писал, что он хочет "держась старины... отобедать в кругу коротких приятелей". В 1842 г. Самарин делает разбор "Мертвых душ", а в ноябре 1844 г. посылает Гоголю часть магистерской диссертации "Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники" вместе с письмом, на которое ответил Гоголь. В письме к Смирновой Гоголь писал: "Самарин человек умный. Ему нужны покамест труд, работа и совершенное отсутствие праздного времени. Он себе пойдет следующим ему путем, на который натолкнут его его же собственные способности и силы, которые он узнает и испробует сам на труде же и на занятиях" (ПСС, т. XII, с. 411). Гоголь высказал Самарину несколько советов, которые касались его поведения в обществе. На что тот ответил: "Ничьему наставлению я не последую так охотно, как вашему; я готов слушаться вас и к вам имею полное доверие". Самарин критически отнесся к "Выбранным местам...". Личные отношения возобновились в 1848 г. в Москве. 15 июня 1849 г. был у А.Хомякова, где Гоголь читал им первые 2 главы второго тома "Мертвых душ": "Никогда не забуду я того глубокого и тяжелого впечатления, которое Гоголь произвел на Хомякова и на меня раз вечером, когда он прочел первые две главы второго тома". Встречались также в 1849–1851 гг. Сохранилось 4 письма Самарина и 4 Гоголя.

Самойленко Григорий Васильевич (1935), доктор филологических наук, профессор Нежинского государственного университета имени Н.Гоголя, инициатор изучения творчества писателя в Нежине с 1979 г., составитель 16 научных сборников о Гоголе, автор книг "Гоголь и литература народов СССР" (1984), "Изучение творчества Гоголя в школе" (1988), "Николай Гоголь и Нежин" (2008), "Творча спадщина М.Гоголя на перетині епох" (2009), "Гоголь в XX веке. Европа. Азия и Закавказье. Тематико-библиографический указатель" (2009) и др.

Свербеев Дмитрий Николаевич (1799–1874), дипломат, литератор, мемуарист, близкий знакомый С.Аксакова. С Гоголем был в приятельских отношениях после знакомства в 1840 г. Гоголь посещал дом Свербеева в 1848, 1851 гг. Как свидетельствует С.Аксаков, "очень умно и очень зло" разобрал книгу "Выбранные места из переписки с друзьями". Свербеев вместе с И.Аксаковым 14–16 февраля 1852 г. посетил Гоголя. Оставил об этом интересные "Записки".

Свербеева Екатерина Александровна (рожд. княжна Щербатова ; 1808–1892), жена Д.Н.Свербеева, Гоголь сблизился с ней в Москве в 1841–1842 гг. и относился к ней с большим уважением.

Сербинович Константин Степанович (1798–1897), историк, переводчик, цензор Петербургского цензурного комитета в 1833–1856 гг., редактор "Журнала Министерства Народного Просвещения".

Синельникова Мария Николаевна (рожд. Ходаровская; 1817–1892), дочь тетки Гоголя Е.И.Косяровской-Ходаровской, двоюродная сестра Гоголя, состояла с ним в переписке с 1843 г., открыто заявила о своей любви к Гоголю: "В 1850 году я впервые увидела его, полюбила его, встретивши в нем настоящее братское сочувствие, и привязалась к нему всю силою души моей". Писатель вместе с матерью и сестрой Ольгой гостили в 1851 г. у нее 8 дней в селе Власовка.

Сирин Ефрем – церковный деятель IV в. н.э. Гоголь цитировал его молитвы.

Сквира Наталия Михайловна (1981), кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института литературы им. Т.Шевченко НАН Украины, автор монографии "Проблемы поэтики другого тому "Мертвих душ" Миколи Гоголя" (2010), лауреат республиканской Гоголевской премии (2011).

Скуридин Михаил Сергеевич (ок. 1795–1872), отставной майор, петербургский знакомый Гоголя, близкий к высшим бюрократическим кругам столицы.

Смирнова Александра Осиповна (родж. Россет; 1809–1882), фрейлина, мемуаристка, жена дипломата, затем калужского гражданского губернатора (1845–1851), сенатора Н.М.Смирнова. Дружила с Пушкиным, Жуковским, Вяземским и др. С Гоголем познакомилась в Париже в 1837 г., подружилась зимой этого же года в Ницце и с этого времени поддерживала тесные связи. В январе 1843 г. произошла встреча с Гоголем в Риме, их дружба укрепилась следующей зимой 1843–1844 г. в Ницце и продолжалась до конца жизни Гоголя. В письме к Языкову от 5 июня 1845 г. он писал: "Это перл всех русских женщин, каких мне случалось знать, а мне многих случалось из них знать прекрасных по душе... она являлась истинным моим утешителем, тогда как вряд ли чье-либо слово могло меня утешить. И, подобно двум близнецам-братьям, бывали сходны наши души между собою" (ПСС, т. XII), "с ней мы были издавна как брат и сестра, и без нее Бог весть, был ли бы я в силах перенести много трудное в моей жизни" (ПСС, т. XIII, с. 373). С.Аксаков отмечал: "Между ними существует совершенное согласие в религиозном и нравственном отношении". В начале 1842 г. Смирнова хлопотала перед Николаем I о цензурном разрешении первого тома "Мертвых душ", а 2 марта 1845 г. – о помощи писателю. Гоголь встречался со Смирновой почти ежегодно. В 1848 г. бывал в имении Бегичево, а также в усадьбе в Калуге. Читал 7 глав второго тома "Мертвых душ". Летом 1851 г. был в ее имении Спаское. Сохранилось из переписки 59 писем А.Смирновой и 20 Гоголя.

Смирнова Ольга Николаевна (1833–1893), литератор, дочь А.О.Смирновой, была знакома с Гоголем.

Смирнова-Чикина Екатерина Сергеевна (1893–1979), закончила славяно-русское отд. историко-философского факультета Московских высших женских курсов, работала преподавателем литературы в средних учебных заведениях, библиографом Государственной библиотеки СССР. Основной темой литературоведческой деятельности было творчество Гоголя. Автор книг: "Гоголевские места в Подмосковье" (1960), "Поэма Н.В.Гоголя "Мертвые души", Литературный комментарий" (1934, 1964), статей о втором томе "Мертвых душ", а также библиографического сборника "Н.В.Гоголь" (1974).

Соллогуб Софья Михайловна, графиня (рожд. Виельгорская; 1820–1878), жена писателя В.А.Соллогуба, вторая дочь М.Ю. и Л.К.Виельгорских, была знакома с Гоголем, встречалась во время посещения писателем ее родителей.

Станкевич Иван Владимирович (1820–1907), младший брат поэта и философа Н.В.Станкевича.

Тарасенков Алексей Терентьевич (1816–1873), известный московский доктор, в 1852 г. – штаб-лекарь в Московской больнице для чернорабочих, с 1858 г. – главный врач Шереметевской больницы, близкий к графу А.П.Толстому, лечил в последние месяцы Гоголя, о предсмертных его днях писал: "В десятом часу утра, в четверг 21 февраля 1852 г. я спешу приехать ранее консультантов, которые назначили быть в десять (а Овер – в час), но уже нашел не Гоголя, а труп его: уже около восьми часов утра прекратилось дыхание, исчезли его признаки жизни". Оставил воспоминания о писателе.

Тихонравов Николай Саввич (1832–1893), литературовед, археограф, профессор русской словесности Московского университета, академик Петербургской академии наук (1890), председатель Общества любителей Российской словесности с 1885 г., крупнейший представитель культурно-исторической школы в литературоведении. Прокомментировал издание сочинений Н.Гоголя (т. 1–5, 1889–1893), которое было завершено В.Шенроком.

Толстой Алексей Константинович, граф (1817–1875), поэт, прозаик, автор исторического романа "Князь Серебряный", драматических произведений. С Гоголем познакомился в июне 1844 г. во Франкфурте-на-Майне, общался с ним 15–16 июня 1850 г. в Калуге в доме А.Смирновой. Гоголь читал ему первые главы второго тома "Мертвых душ".

Толстой Александр Петрович, граф (1801–1873), генерал-лейтенант, губернатор Тверской (1834–1837), генерал-губернатор Одесской (1837–1840) губерний, позже обер-прокурор Синода (1856–1862), член Государственного совета, придерживался реакционно-мистических взглядов. Познакомился с Гоголем в начале 1840 г., а затем встретился на квартире Жуковского в мае 1844 г. в

Бадене, сблизился с писателем в этом же году в Остенде. Эпизодически встречался в 1845 в Ваймаре и 1846 г. в Париже, затем в Остенде, в мае 1847 г. в Париже. В конце 1847 г. Гоголь жил у него больше месяца в Неаполе, поддерживал приятельские отношения. 8 декабря 1848 г. Гоголь поселился в доме А.Толстого в Москве, где 5 ноября 1851 г. читал московским писателям и артистам "Ревизора", принимал известных литераторов. Здесь он и умер. А.Толстой принимал участие в разборе бумаг Гоголя после его смерти.

Трощинский Андрей Андреевич (1774–1852), генерал-майор, родной племянник вельможи екатерининского времени, министра юстиции Д.П.Трощинского, родственник Гоголя. Помогал писателю на первых порах его пребывания в Петербурге в начале 30-х гг. Гоголь жил в его доме в Одессе весной 1848 г. и в октябре–декабре 1850 г., а также в усадьбе Трощинского в местечке Кагарлык, где бывали мать, сестры писателя в апреле 1851 г.

Трушковский Николай Павлович (1833–1862), сын П.О. и М.В.Трушковских, племянник Гоголя, издатель посмертного собрания сочинений писателя, собиратель материалов для его биографии.

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883), известный русский писатель, один из популярных и читаемых в России и в Европе. Впервые встретился с Гоголем в 1835 г., когда тот читал лекции по истории в С.-Петербургском университете. Тургенев очень точно описал этот процесс в своих воспоминаниях. Гоголь заинтересовался Тургеньевым в 1847 г. и просил П.Анненкова: "Изобразите мне... портрет молодого Тургеньева, чтобы я получил о нем понятие как о человеке; как писателя, я отчасти его знаю: сколько могу судить по тому что прочел, талант в нем замечательный и обещает большую деятельность в будущем" (ПСС, т. XIII, с. 385). Тургенев видел Гоголя в театре, на премьере "Ревизора", два раза в салоне А.П.Елагиной. Но первое их знакомство произошло в 1851 г.: "Меня свел к Гоголю покойный Михаил Семенович Щепкин. Помню день нашего посещения: 20 октября 1851 года. Гоголь жил тогда в Москве, на Никитской, в доме Талызина, у графа Толстого. Мы приехали в час полудни; он немедленно нас принял... Михаил Семенович предупредил меня, что с ним не следует говорить о продолжении "Мертвых душ", об этой второй части, над которою он так долго и так упорно трудился и которую он, как известно, сжег

перед смертью, что он этого разговора не любил. О "Переписке с друзьями" я сам не упомянул бы, так как ничего не мог сказать о ней хорошего. Впрочем, я и не готовился ни к какой беседе – а просто жаждал видеться с человеком, творения которого я чуть не знал наизусть. Нынешним молодым людям даже трудно растолковать обаяние, окружавшее тогда его имя; теперь же и нет никого, на ком могло бы сосредоточиться общее внимание... Вообще я скоро почувствовал, что между мирозерцанием Гоголя и моим лежала целая бездна. Не одно и то же мы ненавидели, не одно любили; но в ту минуту в моих глазах все это не имело важности. Великий поэт, великий художник был предо мною, и я глядел на него, слушал его с благоговением, даже когда не соглашался с ним". Следующая встреча произошла 5 ноября 1851 г., когда Гоголь в доме А.Толстого читал московским писателям и актерам пьесу "Ревизор". Тургенев откликнулся на смерть Гоголя статьей "Письмо из Петербурга", за которую был сослан в деревню.

Феодор, архимандрит (в мире Бухарев Александр Матвеевич; 1824–1871), богослов, ординарный профессор Московской Духовной академии (с 1854 г.), духовный писатель, публицист, автор книги "Три письма к Н.В.Гоголю, писанные в 1848 году" (СПб., 1861), которые вызвали недовольство московского митрополита Филарета. Запрещена была его книга об Апокалипсисе, а ее автор сослан в Переяславский монастырь. В 1863 г. о. Феодор снял с себя монашество. Познакомился с Гоголем в 1848 г., сопровождал писателя 1 октября 1851 г., когда он побывал в Троице-Сергиевской лавре и встретился со студентами Московской духовной академии. Одно из писем посвящено анализу "Мертвых душ" и их дальнейшему окончанию.

Феоктистов Евгений Михайлович (1828–1898), писатель, журналист, сотрудник журналов "Современник", "Отечественные записки", позже редактор журналов "Русская речь", "Журнал Министерства народного просвещения" (1871–1883), цензор, начальник главного управления по делам печати Министерства внутренних дел, сенатор, приятель И.Тургенева, автор широко известных мемуаров "За кулисами политики и литературы".

Хетсо Гейр, известный современный норвежский славист, автор книги "Правила жития в мире", исследователь спорных вопросов,

связанных с русской литературой ("Тихий Дон" М. Шолохова, "Мертвые души" Гоголя и др.).

Хитрово Екатерина Александровна (?–1856), воспитательница в доме княгини Е. П. Репниной-Волконской.

Хомяков Алексей Степанович (1804–1860), поэт, публицист, философ, один из наиболее видных славянофилов. С Гоголем познакомился в феврале 1840 г. на вечере у Д. Свербеева, сблизился с ним в 1841–1842 гг. в Москве, встречался в 1847 г. в Остенде и Емсе. Особенно близкими они были в 1848–1852 гг. Гоголь бывал в доме Хомякова в 1841–1842, 1842–1852 гг. в Москве. 31 января 1850 г. он окрестил сына Хомякова Николая, а 4 марта читал Хомякову и Самарину первые главы второго тома "Мертвых душ". Гоголь тяжело перенес смерть жены Хомякова Екатерины Михайловны 26 января 1852 г. Хомяков высоко ценил творчество Гоголя: "В иных отношениях был Гоголь к нам, великорусам: тут его любовь была уже отвлеченнее; она была более требовательна, но менее ясновидяща... Гоголь любил Малороссию искреннее, полнее, непосредственнее; всю Русь любил он больше, много требовательнее, святее. Над его жизнью и над его смертью... задумается еще не одно поколение".

Чижов Федор Васильевич (1811–1877), математик, адъюнкт-профессор Петербургского университета (1832–1845), историк литературы и искусства. Познакомился Гоголем во время его работы на кафедре всеобщей истории университета (1834–1835). В 1840–1847 гг. Чижов жил в Италии, занимался изучением искусства, там сблизился с Гоголем: "Расставшись с Гоголем в университете, мы встретились с ним в Риме в 1843 году и прожили здесь целую зиму в одном доме на Via Felice, №126. Во втором этаже жил Языков, в третьем Гоголь, в четвертом я. Видались мы едва ли не ежедневно... с Гоголем никак не сходились. Почему? Я себе определить не мог. Я его глубоко уважал и как художника, и как человека... Несмотря, однако ж, на наши довольно сухие столкновения, Гоголь очень часто показывал ко мне много расположения" (П. Кулиш). Позже оба обоюдно проявляли интерес друг к другу, переписывались. Известно 11 писем Чижова и 1 Гоголя. Чижов также занимался в своей жизни предпринимательской и финансовой деятельностью, выступал как редактор и издатель произведений писателя. Дружба укрепилась несколько позже: "После Италии мы встре-

тились с Гоголем в 1848 году в Киеве и встретились истинными друзьями... Мы встретились у А.С.Данилевского, у которого оставался Гоголь и очень искал меня". Встречи были в 1849 г. у Хомякова и Смирновой.

Шевырев Степан Петрович (1806–1864), поэт, историк литературы, критик, профессор словесности Московского университета, академик Петербургской академии наук, известный славянофил, друг Гоголя. Первое письмо Шевырева к Гоголю обозначено 10 марта 1835 г. С писателем Шевырев встречался в Риме у кн. З.Волконской с декабря по апрель 1839 г., Гоголь водил Шевырева в мастерскую А.Иванова, осматривали достопримечательности города. Гоголь просит в 1842 г. Шевырева написать разбор "Мертвых душ", работа была опубликована в ж. "Москвитянин" (№7 и 8, 1842): "Благодарю тебя много, много за твои обе статьи, которые я получил в исправности от княгини Волконской... В обеих статьях твоих, кроме большого их достоинства и значения для нашей публики, есть очень много полезного собственно для меня" (ПСС, т. XII, с. 116). В 1843 г. Гоголь доверяет Шевыреву вести все издательские дела, распоряжаться деньгами, выделенными для помощи бедным студентам. Писатель бывает в доме Шевырева в Москве в 1839–1852 гг., жил у него в 1848 г. Гоголь высоко ценил Шевырева: "Человек этот стоит на точке разумения несравненно высшей, чем все другие в Москве, и в нем зреет много добра для России" (ПСС, т. XIII, с. 330). Гоголь посетил Шевырева 4 и 6 февраля 1852 г., а Шевырев был 7 февраля и в последующие дни, до кончины Гоголя. После смерти писателя Шевырев разбирал оставшиеся его бумаги и готовил их для публикации.

Шенрок Владимир Иванович (1853–1906), литературовед, после окончания Петербургского университета работал учителем гимназии в Москве, увлекся изучением жизни и творчества Гоголя по первоисточникам и документам. Завершил работу Н.Тихонравова над 10-м изданием Собрания сочинений Гоголя (т. 6 и 7), опубликовал "Материалы для биографии Н.В.Гоголя" (т. 1–4, 1892–1898), "Письма Гоголя" (т. 1–4, 1901).

Шереметева Надежда Николаевна (урожд. Тютчева; 1775–1850), теща декабриста И.Д.Якушкина, тетка поэта Ф.И.Тютчева, близкий друг Гоголя. Писатель познакомился с ней в 1840 г.,

сближение произошло в 1842 г. в Москве после встреч в доме Аксаковых и Киреевского. Шереметева отличалась крайней набожностью, и это стало причиной их дружбы. Гоголь бывал в ее доме в 40-х гг. и называл ее "духовной матерью". Он писал ей: "Друг мой, молитесь обо мне, молитесь крепче, чем когда-либо прежде! Молитесь о том, чтобы Бог дал силы мне помолиться так, как должен молиться Ему на земле человек, Им созданный и благодетельствованный" (ПСС, т. XIV, с. 43). Встречи и переписка продолжались с Гоголем до конца ее жизни. Тяжело переживал ее смерть: "Добрая старушка Надежда Николаевна Шереметева... меня любила, как сына, хотя я не сделал ничего, достойного любви ее, и не был к ней даже вполонину так внимателен, как она ко мне" (ПСС, т. XIV, с. 182). Осталось 43 письма Гоголя к ней и 47 ответных.

Ширинский-Шихматов Платон Александрович, князь (1790–1853), министр народного просвещения с 1850 г., писатель, академик Академии наук, придерживался реакционных взглядов в политике, а в литературе был последователем А.С.Шишкова.

Щепкин Михаил Александрович внук М.С.Щепкина, который записал со слов своего отца воспоминания о взаимоотношениях актера с Гоголем.

Щепкин Михаил Семенович (1788–1863), великий украинский и русский актер. Первая встреча с Гоголем произошла в 1832 г., которая в 40 – начале 50-х гг. переросла в крепкую дружбу. Щепкин на сцене Малого театра создал яркие образы в пьесах Гоголя, в частности, в "Ревизоре" (городничий), "Женитьбе" (Подколесин), "Игроках" (Утешительный), постановке "Вечера на хуторе близ Диканьки" (Чуб), Гоголь поручает актеру руководство постановкой "Ревизора" (10 мая 1836 г.). Писатель бывал в доме Щепкина в 1832–1842 гг. Встречи и переписка проходила с 1832 по 1852 гг., осталось 2 письма Щепкина и 10 Гоголя.

Языков Александр Михайлович (1799–1874), брат поэта Н.М.Языкова. О Гоголе и его произведениях шла речь в их переписке. Познакомились братья с Гоголем 30 июня 1839 г. в Ганау, встречались в октябре–ноябре 1848 г., 1 мая 1849 г. у Хомякова, а 21 декабря 1851 – у Д.Свербеева. 11 февраля 1852 г. Языков и Д.Свербеев приходили посетить больного Гоголя, но их не приняли.

Языков Николай Михайлович (1803–1846/1847), поэт, друг Гоголя. Впервые они встретились за границей летом 1839 г., когда поэт приехал лечиться. Языков вспоминал: "Мне пришлось еще зиму просидеть в Ганау. Брат Петр Михайлович отправился отсюда в Дрезден, а потом далее в Питер и на Русь, вместе с Гоголем, который провел с нами целый месяц, ожидая решения судьбы моей на будущий год, если бы мне ехать. Гоголь сошелся с нами; обещался жить со мною вместе, т.е. на одной квартире по возвращении в Москву". Сблизились в 1840–1841 г. В 1842 г. вместе жили в Гастейне, а затем переехали в Венецию, а потом в Рим, жили в одном доме, по вечерам собирались на квартире у Языкова вместе с Ф.Чижовым, А.Ивановым. Сохранилась переписка: 29 писем Языкова и 48 Гоголя. Языков рано умер, и Гоголь писал своей матери: "Я лишился наилучшего моего друга, с которым я жил душа в душу, Н.М.Языкова, к которому я питал истинно родственную любовь, потому что питать истинно родственную любовь я могу только к тем, которые понимают мою душу и живут сколько-нибудь во Христе делами жизни своей" (ПСС, т. XIII, с. 195).

Языкова Наталья Алексеевна (рожд. Хомякова), жена А.М.Языкова.

Якушкин Евгений Иванович (1826–1905), юрист, этнограф, сын декабриста И.Д.Якушкина и А.В.Якушкиной (урожд. Шереметевой).

Наукове видання

Самойленко Григорій Васильович

**ХРОНИКА НАПИСАНИЯ ВТОРОГО ТОМА
"МЕРТВЫХ ДУШ" Н.ГОГОЛЯ**

Російською мовою

Технічний редактор – В. П. Сливко
Верстка, макетування – О. В. Борщ
Літературний редактор – О. М. Лісовець
Коректор – А. М. Конівненко
Дизайн обкладинки – В. М. Косяк

При оформленні обкладинки використано малюнок П.Боклевського

Підписано до друку __.02.12 р.
Гарнітура Arial
Замовлення №

Формат 60x84/16
Обл.-вид. арк. 8,25
Ум. друк. арк. 9,24

Папір офсетний
Наклад 300 прим.

Ніжинський державний університет
імені Миколи Гоголя
м. Ніжин, вул. Воздвиженська, 3/4.
(04631) 7-19-72
E-mail: vidavn_ndu@mail.ru

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
ДК № 2137 від 29.03.05 р.